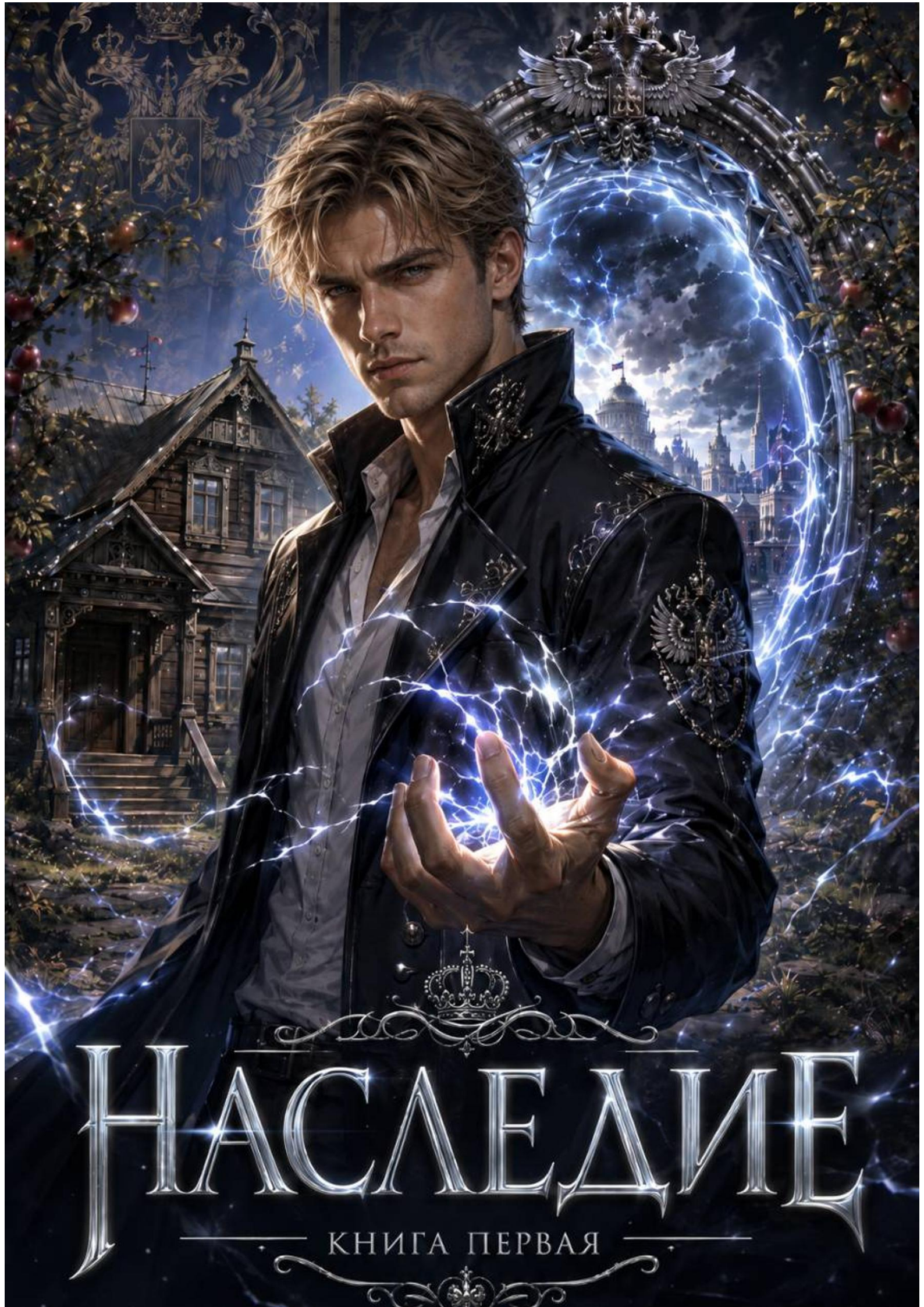

НАСЛЕДИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Илана Ветреная

Наследие

«Автор»

2026

Ветреная И.

Наследие / И. Ветреная — «Автор», 2026

Всё началось с портала, открывшегося там, где его не могло быть. С этого момента Семён оказался втянут в игру старых родов, государственных тайн и силы, слишком долго скрытой в его крови. Но главный вопрос остаётся прежним: портал выбрал его случайно — или ждал именно его?

© Ветреная И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	34
Глава 7	52
Глава 8	65
Глава 9	75
Глава 10	98
Глава 11	112
Глава 12	124

Илана Ветреная

Наследие

Глава 1

Глава 1. Рождение

Город Н., Россия. Полночь.

Тихий город спал. Лёгкий ветер гулял по пустым улицам и тревожил летнюю листву. Она мирно шелестела, подыгрывая ему. Где-то во дворе надрывалась одинокая собака, рьяно охраняя свою территорию.

Обычный двор, окружённый пятиэтажными домами. Почти во всех окнах свет уже погас — жители давно легли спать. Но в одной тёмной комнате молодая девушка металась по кровати, раскрыв рот в беззвучном крике.

С её губ не срывалось ни звука. Боль пронизывала каждую клетку тела. Из пор сочилась чёрная мерзкая жижа, волосы давно выпали, а дёсны пронзало так, что девушка согнулась в позе эмбриона. Коснувшись рта, она с ужасом поняла: зубы тоже начали выпадать.

По щекам текли слёзы, смешиваясь с чёрной зловонной жидкостью. Девушка не понимала, что с ней происходит. Сил не хватало даже на то, чтобы найти телефон и вызвать скорую. Всхлипывая, она выплёвывала зубы и мечтала лишь об одном — чтобы всё это поскорее закончилось.

За окном продолжала лаять собака. Вдалеке прошелестели шины проехавшей мимо машины. Дом мирно спал, безразличный к страданиям одной из своих жительниц. Ветер всё так же гонял по двору листву. Мир жил своей жизнью.

Согнувшись от очередного приступа боли, девушка наконец затихла. Сознание погрузилось в спасительное беспамятство. На кровати неподвижно лежало иссохшее тело, почти скелет, обтянутый кожей. Простыня сбилась в комок и пропиталась липкой зловонной субстанцией.

В квартире наступила тишина.

А затем что-то изменилось.

По телу прошла дрожь, и оно словно засветилось изнутри. Под кожей начали нарастать мышцы, возвращая фигуре нормальные очертания. На голове пробился мягкий пушок волос. Девушка во сне потянулась и блаженно вздохнула. Между её алыми губами виднелись ровные белоснежные зубы.

Она перевернулась на бок и провалилась в уже спокойный сон.

К утру ветер стих. Собака больше не лаяла, а птицы запели свою утреннюю песню. Тёплый луч пробился сквозь неплотно задёрнутые шторы, добрался до кровати и коснулся лица неподвижно лежавшей девушки.

Ника поморщилась: свет болезненно проникал сквозь веки. Она с трудом открыла глаза, поднялась и, ещё не вполне осознавая, что делает, побрела в ванную. Проходя мимо зеркала в коридоре, неожиданно остановилась.

Из отражения на неё смотрела незнакомка.

Всё тело было покрыто чёрной жижой, лицо выглядело худым и измождённым, а на голове торчал короткий ёжик волос. Ника провела рукой по щеке и увидела, как за пальцами размазался тёмный след.

Её охватила паника. Она бросилась в ванную, включила воду, сорвала с себя тряпки, ещё вчера бывшие пижамой, и забралась под душ.

Ник у трясло. Намылив мочалку, она неистово тёрла кожу, пока вода тёмными потоками уходила в слив. Может быть, это какая-то болезнь? Но, несмотря на болезненную худобу, чувствовала она себя хорошо. Ничего не болело, а тело наполняла неведомая прежде лёгкость.

Смыв основную грязь, Ника набрала ванну и устало откинулась на бортик.

Она попыталась вспомнить вчерашний день. Вернулась с работы, сделала дела по дому, немного почитала с планшета и легла спать. Долгожданный вечер пятницы прошёл спокойно. Её грела мысль, что утром наконец-то удастся выспаться. А потом пришла боль. Сколько она продолжалась, Ника не знала — в какой-то момент просто потеряла сознание.

Проведя ладонью по телу, она нащупала рёбра, которые раньше так отчётливо не выступали. Грудь уменьшилась, но, как ни странно, сохранила форму. Ноги тоже похудели. Ника коснулась мягкого ёжика волос и осторожно провела языком по зубам.

Все были на месте. Но ощущались непривычно — будто принадлежали не ей.

Она точно помнила, что ночью они выпали, как и волосы. Неужели за несколько часов всё отросло заново?

Что же с ней произошло?

Наверное, нужно было вызвать скорую. Эта мысль казалась единственно разумной — до тех пор, пока Ника не представила врачей, анализы, больничную палату и вопросы, на которые у неё не было ответа. А если её не отпустят? Решат, что она опасна или заразна?

Она чувствовала себя совершенно здоровой. Пугающе здоровой.

Может быть, врачи ей не поверят. А может, что гораздо страшнее, поверят. И ещё неизвестно, какой вариант хуже.

Немного полежав в воде, Ника спустила её и выбралась из ванны. Вытираясь, она растерянно посмотрела на грудку грязных тряпок, валявшихся на полу. Прикасаться к ним не хотелось, поэтому девушка сходилa на кухню за пакетом, собрала в него остатки пижамы и оставила у входной двери, чтобы потом выбросить.

Босиком прошлёпав в спальню, она с отвращением взглянула на кровать и переоделась в шорты и свободную футболку. На исхудавшем теле одежда болталась как на вешалке.

Ника давно собиралась купить новый матрас, но всё откладывала. Теперь выбора не осталось: старый насквозь пропитался странной жижой и был безнадёжно испорчен.

Она открыла окно — в спальне стоял отвратительный запах — и принялась за уборку. В этом было одно несомненное преимущество: работа помогала отвлечься от мрачных мыслей. В порыве Ника вымыла всю квартиру, потому что ей казалось, будто вонь проникла в каждый угол.

Закончив, она вновь остановилась перед матрасом. Его определённо следовало выбросить, но как это сделать?

Позвонить брату она не могла. Стоило ему приехать и увидеть её в таком состоянии, как начались бы вопросы, ответов на которые у Ники не было. Беспокоить родных ей совсем не хотелось. К тому же, пока она занималась уборкой, ночной кошмар уже перестал казаться чем-то, из-за чего нужно немедленно паниковать.

Ника чувствовала себя прекрасно. В теле сохранялась непривычная лёгкость, ничего не болело, хотя после такой уборки обычно начинало ломить спину. Маме она уже позвонила и соврала, что у неё гости, лишь бы та не пришла. По субботам мать навещала её почти без предупреждения.

Немного подумав, Ника нашла в интернете грузчиков, готовых приехать в тот же день и вынести матрас. Она быстро созвонилась с ними. Мужчины пообещали быть через пару часов.

Проведя рукой по голове, Ника снова наткнулась на короткий ёжик отрастающих волос и закусила губу. Затем взяла с полки в большой комнате банку чёрной акриловой краски и вылила её на матрас.

Теперь её объяснение выглядело хотя бы немного правдоподобнее.

В квартире было чисто, вопрос с матрасом почти решился. В животе заурчало: из-за переживаний она совсем забыла о еде. Оставив банку на полке, Ника отправилась на кухню.

Пока готовила, она продолжала думать о случившемся. Возможно ли, что её тело по какой-то причине полностью обновилось? Может быть, чёрная жижа была всеми токсинами, накопившимися за годы жизни? Новые волосы, новые зубы...

Предположение казалось нелепым, но других объяснений у неё не было.

Ника приготовила простой перекус — макароны и салат — и села за стол. Во время еды она поморщилась: звуки с улицы казались слишком громкими. Девушка закрыла окно, однако это не помогло.

Она замерла и прислушалась.

Голоса прохожих звучали так отчётливо, что можно было разобрать отдельные слова. Затем Ника услышала писк кассового аппарата в магазине во дворе, разговоры покупателей, шаги между стеллажами и шелест упаковок, которые складывали в корзины.

Потрясённая, она перевела взгляд на окно, а затем прислушалась к звукам в доме. За стеной соседка что-то готовила на кухне — у неё работал телевизор. В другой квартире обсуждали поездку на дачу. Ника различила даже голоса снизу, хотя этажом ниже давно никто не жил. Лишь через несколько секунд до неё дошло: она слышала жильцов с третьего этажа.

Похоже, новые волосы и зубы были далеко не единственными изменениями.

К счастью, сверхслух не работал постоянно. Ника попробовала отстраниться от шума, и это получилось на удивление легко. Все звуки сразу стали далёкими и ненавязчивыми. Стоило сосредоточиться — и они вновь обретали прежнюю чёткость.

Это было невероятно.

Ника поднялась из-за стола и подошла к зеркалу, чтобы внимательнее рассмотреть себя. Из отражения на неё смотрела уже не та болезненно худая девушка, которую она увидела утром.

Лицо оставалось её — знакомым, родным, овальным. Но голубые глаза стали ярче и насыщеннее. Над ними изгибались густые прямые брови такой правильной формы, будто над ними поработал мастер. Подбородок выглядел аккуратнее, пухлые щёки с милыми ямочками исчезли, уступив место высоким скулам. Маленький, чуть вздёрнутый нос и полные алые губы завершали непривычно совершенный образ.

Это была она — и в то же время кто-то другой.

Кожа стала гладкой и шелковистой. Как Ника ни присматривалась, не смогла разглядеть ни одной поры. Внезапно она замерла, осознав нечто ещё более странное.

Она прекрасно видела.

Хотя зрение у неё было минус три.

Почему-то именно это потрясло Нику сильнее всего. Остальные изменения ещё можно было попытаться объяснить или списать на кошмар, но идеальное зрение не оставляло места сомнениям.

В прострации она прошла в большую комнату и вышла на балкон. За стеклом открывался знакомый пейзаж, но теперь Ника видела каждую деталь — так ясно, словно слепая вдруг прозрела.

Это осознание стало последней каплей. Эмоции, которые она сдерживала весь день, вырвались наружу вместе со слезами.

Ника плакала горько и отчаянно. Что с ней происходит? Как теперь жить? И всё же самой нелепой мыслью было то, как она пойдёт на работу и что скажет коллегам. Как объяснит, зачем так коротко остригла волосы и каким образом за выходные настолько похудела? Разница была очевидна.

Раньше Ника не считала себя полной — просто была немного в теле. Возможно, свободная одежда скроет перемены и никто не придаст им большого значения. Но что делать с волосами, она так и не придумала.

«Успокойся, Ника. Всё уже позади», — мысленно сказала она себе.

Глубоко вздохнув, девушка попыталась взять себя в руки и решила подумать обо всём завтра. Голова и без того была готова взорваться от свалившихся на неё переживаний.

Она даже иронично подумала о героях книг. Как им удавалось сохранять самообладание, когда они меняли тела или превращались в неведомых существ? Вот она, похоже, была самым обычным человеком — растерянным, напуганным и совершенно не готовым к переменам. Сидела на полу и размазывала по лицу слёзы и сопли.

Незаметно прошло два часа. Резкий звонок домофона заставил Нику вздрогнуть. Через мгновение она вспомнила о грузчиках и пошла открывать дверь.

Вскоре на лестничной площадке появились двое мужчин. Один был молодым, второму на вид было около сорока.

— Добрый день!

— Здравствуйте. Можете не разуваться, — ответила Ника, посторонившись, чтобы пропустить их внутрь.

Она провела мужчин в спальню. Старший, увидев матрас, удивлённо поднял брови.

— Что с ним случилось?

Ника на секунду замялась.

— Я пролила краску. Люблю рисовать и вчера случайно опрокинула банку на матрас.

Ей показалось, что объяснение прозвучало убедительно. В большой комнате стояло много картин, так что мужчины вполне могли поверить.

— Заметил, что у вас много работ. Вы художница? — с интересом спросил старший.

Он внимательно посмотрел на Нику, и в его глазах мелькнула жалость. Значит, её болезненный вид всё-таки привлекал внимание.

— Нет, это просто хобби, — нейтрально ответила она, не желая развивать тему.

Мужчина хмыкнул и позвал напарника. Молодой всё это время молча стоял в стороне и откровенно разглядывал Нику.

«Боже, как неловко. Быстрее бы они ушли».

Грузчики сноровисто подняли матрас и понесли его к выходу. Ника шла следом. Когда мужчины выбрались на лестничную площадку, она обратилась к старшему:

— Можно оплатить переводом?

Мужчина обернулся и встретился с ней взглядом. На мгновение он застыл, словно увидел в её глазах что-то завораживающее. Затем тряхнул головой, сбрасывая наваждение.

— Да, конечно.

Он продиктовал номер, и Ника быстро перевела деньги. Получив подтверждение, грузчики начали спускать матрас по лестнице. Молодой так и не произнёс ни слова, оставаясь молчаливой тенью старшего напарника.

Закрыв за ними дверь, Ника с облегчением выдохнула. За один день на неё свалилось слишком много переживаний, и напряжение давало о себе знать.

Она легла на диван и некоторое время бездумно смотрела в пустоту. Потом, чтобы отвлечься, взяла телефон и начала выбирать новый матрас. Вскоре выяснилось, что точных размеров кровати она не знает.

Ника полезла за рулеткой. Она точно помнила, что та где-то была, но нашла вещь только в шкафу. Девушка никогда не отличалась особой аккуратностью: в квартире царил лёгкий хаос, в котором иногда терялись нужные предметы.

Измерив кровать, Ника вернулась на диван и продолжила поиски. К счастью, у неё имелись накопления, поэтому покупка не грозила оставить её без средств.

Выбрав подходящий матрас, она оформила заказ и удовлетворённо отложила телефон. Доставку обещали на следующий день.

Этот день ещё не закончился и, похоже, готовил ей новые сюрпризы.

Глава 2

Глава 2. Новое начало

В хлопотах и переживаниях день пролетел незаметно. Где-то в одиннадцать вечера девушка начала готовиться ко сну. Умываясь и чистя зубы, она удивлялась, какими ровными и белыми они были. Раньше зубы у неё были очень хрупкими, и почти в каждом дальнем стояли пломбы, а теперь они стали идеальными. С удовольствием она провела по ним языком и улыбнулась своему отражению. Немного построив рожицы перед зеркалом, Ника пошла спать на диван, который уже расстелила.

Как ни странно, заснула она быстро. Погружаясь в небытие, девушка слышала отголоски шума — какое-то гудение, которое вело её сознание. Она проваливалась за ним, словно в трубу. Сознание летело вперёд, мимо проносились звёзды и планеты, а переживания минувшего дня отступали, становясь далёкими и уже неважными.

Погружение быстро прекратилось. Ника вдруг поняла, что стоит посреди бескрайнего зелёного луга. Небо над головой казалось таким близким и захватывающим. С лёгким интересом она рассматривала всё вокруг.

Сделав шаг, девушка почувствовала, что ей что-то мешает на спине. Обернувшись, она увидела край крыла. В шоке Ника начала ощупывать спину — прямо из лопаток у неё росли крылья.

— Что за ерунда? — пробормотала она.

С интересом девушка попробовала пошевелить ими, и это достаточно легко получилось. Крылья ощущались очень гармонично, а управлять ими было так же просто, как рукой или ногой. Расправив их, Ника провела ладонью по перьям. Они были жёсткими, как у птицы. Девушка попыталась взмахнуть крыльями и чуть не упала. Восстановив равновесие, она решила пока больше не экспериментировать.

Ника снова осмотрелась. Куда ни посмотри — везде простиралось бескрайнее поле. Она решила, что неважно, в какую сторону идти, и направилась вперёд. Ноги у неё были босыми, но ступать по траве оказалось приятно: она была мягкой, словно ковёр.

Осторожно ступая, девушка продвигалась всё дальше от первоначальной точки, но края луга так и не было видно. Трудно было сказать, сколько времени она уже шла, однако сердце начало переполнять нетерпение.

Вдруг Ника сорвалась на бег и, расправив крылья, взлетела невысоко над землёй. Удивлённая, она приземлилась, немного постояла и снова побежала. На этот раз девушка взлетела увереннее. Взмахнув крыльями, она словно оттолкнулась от воздуха и сделала рывок вперёд.

Интуитивно Ника поняла, как ими управлять, и, снова взмахнув крыльями, начала набирать высоту. Поднимаясь всё выше, она осматривалась, но луг не заканчивался. Куда ни посмотри — лишь бескрайнее зелёное море.

Тогда девушка решила подняться ещё выше. Набрав высоту, она полетела вперёд. Какой же это огромный луг! Такого Ника никогда не видела.

Трава слегка колыхалась от ветра и переливалась в солнечных лучах. Ника летела и любовалась красотой под собой. Страх не было — только умиротворение и чувство свободы.

Продолжая полёт, девушка заметила впереди деревья. Подлетев к ним, она опустилась на землю.

Это были поистине исполины. Ствол каждого по диаметру был как у мэллорнов из «Властелина колец» — на таких деревьях можно было жить. Охваченная восторгом и благоговением, Ника коснулась коры ближайшего дерева. Под ладонью ощущались тепло и пульсация жизни.

Испугавшись, девушка отдернула руку и отошла подальше. Было в этом что-то жуткое. Прикасаясь к коре, Ника ожидала ощутить безжизненную шероховатость, а не биение жизни.

Деревья зашелестели серебристыми листьями, словно отвечая на её мысли. Их шелест напоминал мелодию, и Ника невольно заслушалась.

Девушка села на мягкую траву, удобно устроила крылья и начала наслаждаться музыкой деревьев. Все переживания и страхи постепенно покидали её сердце. Она вошла в состояние потока и гармонии с миром и природой.

Ника закрыла глаза и погрузилась в это ощущение. Всё происходящее казалось таким прекрасным и невероятным. Дыхание мира окутывало её, а пульсация его сердца ощущалась всем телом.

Этот мир был огромным и необъятным.

Перед внутренним взором Ники мелькали бескрайние поля, леса, реки, озёра и моря. Они были девственны и не тронуты человеком.

Похоже, в этом мире не было людей. По крайней мере, её взор не заметил ни городов, ни сёл. Она продолжила наблюдать за флорой и фауной, населявшей этот мир. Здесь жили дикие животные, которых девушка никогда прежде не видела. Некоторые из них были исполинами, другие — настолько маленькими, что их непросто было заметить.

Эти создания обладали невероятными способностями. Одни могли менять ландшафт перед собой, другим подчинялись силы природы. Небеса, суша и моря — вот их вотчина. Они были властителями, а природа им подчинялась.

В изумлении и восторге Ника наблюдала за жизнью, кипящей в этом мире. Увиденное полностью захватило её.

Девушка совсем не замечала, как пролетало время, а прошло ни много ни мало десять дней. Простые человеческие потребности её не мучили: ни сон, ни голод, ни усталость. Лишь ветер колыхал короткие волосы и шевелил перья на крыльях.

Ника сидела с закрытыми глазами, полностью погружённая в медитативное состояние.

Миг — и её снова подхватило то же ощущение, которое возникло при засыпании: гудение и полёт сквозь пространственную трубу.

Ника открыла глаза, лёжа у себя дома на диване.

Сев, она никак не могла отдышаться. Ощущение полёта сквозь пространство было неприятным. Успокоив сердце, которое билось в груди набатом, и выровняв дыхание, девушка осмотрела комнату, не понимая, как здесь оказалась.

Ведь только что она находилась там, у кромки деревьев.

Или это был просто сон?

«Что со мной происходит?» — в очередной раз подумала Ника.

Но, как ни странно, страха больше не было. После всего, что она пережила во сне, ощущение спокойствия всё ещё оставалось с ней. Её больше не тревожило, как она пойдёт на работу и будет жить дальше.

Встав с дивана, девушка пошла в ванную совершать утренние дела. Проходя мимо зеркала в коридоре, она всмотрелась в своё отражение и сильно удивилась.

На неё смотрела удивительно красивая девушка со знакомыми и родными чертами. Лицо уже не выглядело измождённым, а волосы отросли чуть ниже ушей.

Ника, конечно, обрадовалась. Да, с этим уже можно было как-то жить, не привлекая внимания видом жертвы какого-то заболевания.

Но в то же время она начала переживать. Неужели теперь волосы всегда будут расти так быстро и ей придётся посещать парикмахера каждую неделю? Наверное, нужно будет искать разные салоны — не стоит шокировать людей.

Покачивая головой, Ника продолжила свои дела. Закончив с ванной, она решила позавтракать и выпить кофе.

Сидя на кухне с чашкой в руках, девушка рассеянно слушала звуки улицы. Как же это странно: что бы ни происходило, мир не останавливался, всё шло своим чередом.

Нику уже не смущали вновь открывшиеся возможности тела. Но почему-то она всё же испытывала дискомфорт. Во сне у неё были крылья, а теперь из-за их отсутствия за спиной возникло чувство потери. Это казалось странным и неправильным.

Передёрнув плечами, девушка отпила из чашки и вновь задумчиво устремила взгляд в окно.

Она решила, что бессмысленно переживать о том, чего не понимала. В данный момент разобраться во всём было невозможно — слишком мало данных.

Подумав, Ника решила, что нужно просто жить дальше. Ей так было легче. Если она начнёт погружаться в бесконечные рассуждения, то непременно опять сорвётся.

Кивнув самой себе, девушка отправилась в комнату и решила провести день за книгой, которую не дочитала накануне. К тому же скоро должны были доставить новый матрас.

После сегодняшнего сна Нике достаточно легко удалось отвлечься, переключившись на любимые занятия. Немного почитав и порисовав, она приняла курьера, застелила новый матрас и повалилась на кровати. Может быть, кто-то осудил бы её за это, но девушка очень любила пассивный отдых дома.

Так же незаметно, как первый, пролетел и второй день. Наступил поздний вечер, и Ника начала готовиться ко сну.

Засыпая, она снова услышала гул, а затем вновь последовал полёт сквозь пространственную трубу.

Очнувшись девушка там же, где была вчера, — у кромки волшебного леса.

Осмотревшись, Ника поняла, что со времени прошлого сна здесь ничего не изменилось.

Это было странно: второй раз ей снился один и тот же сон, да и ощущения казались слишком реальными. Ради интереса она ущипнула себя и почувствовала боль.

Ну, если так, то получалось, что всё происходящее реально. Каким-то образом, засыпая, она перемещалась сюда.

Девушка решила, что проверить это сможет только заснув ещё раз. А пока нужно было осмотреться.

Помня вчерашний опыт, Ника не стала вслушиваться в мелодию деревьев. Вместо этого она решила осмотреть лес с высоты. Девушка помнила карту этого мира и могла достаточно неплохо здесь ориентироваться.

Взмахнув крыльями и подхватив воздушный поток, Ника взлетела. Её охватил восторг — как же весь прошлый день ей не хватало крыльев! Казалось, прошло совсем мало времени, а они уже стали с ней единым целым.

Пролетая над лесом, девушка не переставала поражаться его величию и красоте. Серебристые кроны деревьев переливались на свету.

Ника летела над ними, почти касаясь листьев. Ветер шевелил их, и они пели свою песню. Девушка расслабленно закрыла глаза и наслаждалась полётом и мелодией.

Этот мир наполнял её душу каким-то невиданным прежде спокойствием и умиротворением. Лениво взмахнув крылом, Ника коснулась веточки с листьями, мимо которой пролетала. Их гладкая поверхность приятно скользнула по ладони.

Слегка прищурившись, девушка посмотрела вперёд. Вдалеке виднелась гора. Ника решила подлететь к ней и начала активнее работать крыльями, постепенно ускоряясь.

Это было так легко и естественно.

Она стремительно проносилась над кронами деревьев, оставляя за собой порывы ветра, которые сильнее трепали серебристые листья. В восторге Ника закружилась в полёте и залиисто рассмеялась.

Ей было так хорошо.

Девушка не заметила, как достигла подножия гор. Чем ближе она подлетала к ним, тем реже становился лес.

Приземлившись у его края, Ника посмотрела в чашу, словно прощаясь. Деревья зашелетели, отвечая ей. Девушка мягко и счастливо улыбнулась.

«Всё верно, я ещё вернусь к вам!» — подумала она.

Вся местность впереди была усыпана камнями и булыжниками разных размеров. Некоторые из них выглядели острыми. Ника растерянно посмотрела на свои босые ступни. Путешествовать по такому ландшафту пешком было неразумно.

Хорошо, что у неё были крылья. Несмотря на прошлый полёт, девушка совсем не чувствовала усталости.

Горы были величественными и прекрасными. У Ники всегда перехватывало дыхание от восторга, когда она видела что-то настолько монументальное.

Набрав в грудь чистого воздуха, девушка взлетела. Ника не знала, что ждёт её дальше. Пусть она и видела эту местность во время единения с миром, те видения не давали такой чёткости, как открывшийся перед ней пейзаж.

Чем выше поднималась Ника, тем сильнее менялся ландшафт. Она с интересом рассматривала его. Серые скалы постепенно темнели, становились почти чёрными, а между ними появлялись тонкие серебристые прожилки. Они тускло мерцали под солнечными лучами, словно внутри камня текла жидкая луна.

Ника замедлила полёт.

Впереди, между двумя горными вершинами, виднелась узкая расщелина. Из неё тянулся прохладный воздух, приносивший едва слышный гул.

Тот самый, который сопровождал её во время перемещения между мирами.

Сердце забило быстрее.

Ника поспешила к расщелине и спикировала в её сторону. Опустившись на широкий каменный выступ, она сложила крылья за спиной. Ступни коснулись гладкой поверхности. В отличие от острых камней у подножия, здесь скала была ровной, словно её долгие годы обрабатывали чьи-то руки.

Ступая по прохладной поверхности, Ника медленно приблизилась к расщелине.

За ней обнаружился проход — тёмный, высокий и слишком правильный, чтобы быть созданным природой. По обе стороны от входа возвышались каменные колонны, скрытые под мхом и тонкими серебристыми побегами.

Подойдя к ним, девушка коснулась мягкого мха. Он был приятным на ощупь и цвёл красивыми серебристыми цветочками.

Посмотрев в явно рукотворный проход, Ника тихо произнесла:

— Значит, здесь всё-таки кто-то живёт.

Её голос отразился от скал и затих в глубине прохода.

Ника вздрогнула. По коже пробежали мурашки, а перья на крыльях встали дыбом. Передрнув плечами, она сделала ещё несколько шагов и замерла.

На стене перед ней был высечен человеческий силуэт. Женщина стояла, широко расправив огромные крылья. В одной руке она держала сферу, похожую на маленькое солнце, а вторую протягивала вперёд, словно приглашая подойти.

Лицо каменной женщины почти стёрлось от времени, но даже сохранившихся черт хватило, чтобы Ника заметила: она была прекрасна и чем-то неуловимо напоминала её саму.

Желая рассмотреть барельеф, девушка подошла ближе. Освещение было скудным, но это не мешало ей видеть всё достаточно отчётливо. Ника провела пальцами по гладкой щеке изображённой на стене женщины.

Как только она коснулась барельефа, из глубины пещеры раздался гул. Он напоминал звучание множества труб.

Ника отпрянула от стены и зажала уши. Пронзительный звук раздражал её чувствительный слух. Гул становился всё выше и пронзительнее.

Застонав, девушка упала на колени. От вибрации звука у неё начали болеть кости.

Не выдержав боли, Ника расправила крылья и закричала.

Её голос слился с гулом.

Серебристые прожилки вспыхнули ослепительным светом, и изображённая на стене женщина открыла глаза.

Глава 3

Глава 3. Трещина

Российская империя. Вятская губерния, посёлок Заречный.

13 июля 2010 года. 23:45.

Дом встретил меня привычной тишиной.

Я провернул ключ в замке, толкнул дверь плечом и едва не споткнулся о порог. После целого дня на заводе ноги гудели так, словно я не за чертежами и станками следил, а разгружал вагоны. Рюкзак полетел на пол, ключи привычно заняли своё место на гвоздике в прихожей, а я опустился на старый табурет и прислонился затылком к прохладной стене.

Хорошо.

Хотя бы здесь не было тридцати пяти градусов и Прохора Валерьевича, который весь день уверял нас, что жара — не повод снижать темп производства.

Для Вятской губернии такая температура была чем-то ненормальным. Воздух на улице будто застыл, нагретый и тяжёлый, а в цехе дышать было ещё труднее.

Я посидел, ещё немного слушая тишину, собираясь с силами, потом всё-таки поднялся и пошёл в душ. Хотелось смыть с себя пот, металлическую пыль и весь сегодняшний день вместе с разговорами о срочном плане, сроках ремонта и нашей великой производственной ответственности.

Прохладная вода приятно била по спине, смывая усталость, что быстро привело меня в чувство. Под струями я простоял дольше, чем собирался, и вышел из ванной уже почти человеком.

На кухне сварганил нехитрый ужин из того, что нашлось в холодильнике, и уселся перед телевизором. Готовить что-то серьёзное сил не было. Завтра разберусь. Или послезавтра.

По центральному губернскому каналу шли вечерние новости. Молодая дикторша с невозмутимым лицом бодро сообщала:

— По распоряжению Его Сиятельства губернатора Вятской губернии графа Оболенского Алексея Михайловича на промышленных предприятиях вводится сокращённый режим работы...

Я саркастично хмыкнул.

Так и представил Прохора Валерьевича, который завтра соберёт нас перед сменой и начнёт доказывать, что распоряжение губернатора к нашему заводу не относится. Потому что у нас, разумеется, имеется «суперсовременная вентиляционная система».

Она действительно имелась. Где-то. Вероятно, в документах и отчётах. В самом цехе эта система по неизвестной причине не работала уже второй день. Мастера обещали закончить ремонт в течение трёх суток, но никто не уточнял, с какого момента начинать отсчёт.

На завод я устроился совсем недавно. После учёбы в Москве мог бы остаться в столице, поискать место получше, но после смерти родителей меня словно потянуло обратно. Дом пустовал, за ним требовалось следить, да и Заречный, каким бы тихим он ни был, оставался родным.

Иногда я раздумывал, правильно ли поступил или стоило остаться в столице. Там было куча знакомых и друзей, так же за время учебы было много полезных связей. Но все эти мысли лишь мельком возникали.

Я продолжил есть, рассеянно слушая новости.

— Подготовка к празднованию восьмидесятилетия государя императора Александра Четвёртого вступила в завершающую стадию, — ровным голосом сообщила диктор. — Торжественные мероприятия пройдут семнадцатого июля в Санкт-Петербурге и Москве. Его Импе-

раторское Величество посетит благодарственный молебен в Казанском соборе, после чего обратится к подданным с ежегодной речью. Прямая трансляция начнётся в двенадцать часов по столичному времени.

Я отломил корку хлеба, заел её ядрёным молодым чесноком и подумал, что в Москве сейчас, наверное, уже не протолкнуться. Перекрытые улицы, проверки, толпы приезжих и праздничные украшения на каждом столбе.

На мгновение вспомнились друзья по учёбе. Особенно Юрка Логинов — вечный заводила, способный превратить в праздник даже поход в военкомат. Перед моим отъездом он устроил целую вечеринку и почти силой вытащил меня из квартиры.

«Не будь занудой, Сём. Ну когда мы ещё увидимся? Нужно как следует тебя проводить», — говорил он, закидывая руку мне на плечо.

Как я мог ему отказать? Вместе служили, потом учились в колледже. Юрка был шептунным, шумным и временами невыносимым, но никогда не подводил.

Надо будет на днях ему позвонить.

Мысль оборвал резкий треск, похожий на электрический разряд.

Я посмотрел в сторону окна. Сначала решил, что это гром. Даже обрадовался: дождь сейчас пришёлся бы как нельзя кстати. Освежил бы воздух, прибил дорожную пыль и, может быть, хоть немного сбил жару.

Старенький вентилятор на столе натужно задрезжал, словно решил высказать собственное мнение. Я покосился на него.

Давно пора было заменить эту древность. Наверное, им пользовались ещё бабушка с дедом, но каждый раз находились дела поважнее. Пока работает — пусть работает. Так я говорил себе откладывая покупку на потом.

За окном снова что-то затрещало.

На этот раз на гром звук уже не походил. Слишком резкий, слишком близкий. Будто где-то рядом коротнуло повреждённый провод.

Я отложил ложку и прислушался.

Тишина.

Потом ещё один разряд.

Нужно вставать и проверить. Отложив ужин, я вышел во двор.

Жара ударила в лицо плотной стеной. Я несколько секунд постоял на крыльце, пытаюсь определить, откуда идёт звук. Треск повторился слева от дома.

Первой мыслью была проводка. Дом старый, хоть я и старался поддерживать его в порядке. Недавно покрасил ставни, подлатал крышу, выкосил траву, но до полной замены электрических проводов руки пока не дошли. Если где-то произошло короткое замыкание, дело могло закончиться пожаром.

Я проверил провод, тянувшийся от ближайшего столба к дому. На вид всё было цело. Ни искр, ни дыма, ни запаха горелой изоляции.

Треск раздался снова — за углом.

Я обогнул дом и замер.

Между двумя яблонями, которые посадил ещё дед, висело сияние.

Прямо в воздухе дрожала синяя дымка, а внутри неё серебрилось что-то яркое и текучее. По краям пробегали короткие разряды, разлетаясь тонкими ветвями. Каждый сопровождался тем самым сухим треском.

Несколько секунд я просто смотрел.

Мозг старательно предлагал нормальные объяснения, но ни одно не подходило. Проводов там не было. Фонаря тоже. Да и обычный свет не мог висеть в воздухе плотным овальным пятном.

Портал.

Я видел такие только в новостях и учебных роликах. Они открывались редко, считались государственной собственностью и могли быть опасны. В школе, колледже и армии нам не раз повторяли порядок действий: не приближаться, предупредить людей, сообщить властям и ждать специалистов СКАМЯ.

Всё звучало просто, пока портал не появился у тебя во дворе между дедовыми яблонями. Я невольно сделал шаг ближе.

От сияния тянуло холодом. Совсем слабым, но после удушающей жары он ощущался особенно отчётливо. Синяя дымка медленно вращалась, а серебристая глубина за ней будто пульсировала.

Нет. Хватит смотреть.

Магического дара у меня не было. Ни у родителей, ни у кого-либо из известных мне предков — тоже. Разбираться с аномалиями должны были скамейщики, а не инженер машиностроительного завода, который ещё десять минут назад спокойно ел чеснок перед телевизором.

Я развернулся и рванул в дом за телефоном.

Аппарат остался на тумбочке. Схватив его, я набрал короткий номер Службы контроля аномалий и магических явлений. Пока шли гудки, я смотрел в окно. Синие вспышки уже были видны даже отсюда.

Наконец в трубке прозвучал серьёзный, немного безэмоциональный женский голос:

— Служба контроля аномалий и магических явлений. Дежурный оператор Воронцова. Представьтесь и сообщите причину обращения.

— Семён Михайлович... — начал я и запнулся, внезапно почувствовав себя полным идиотом. — Тут у меня во дворе что-то появилось. Похоже на портал.

— Назовите фамилию и точный адрес.

Голос женщины оставался спокойным и деловитым. Видимо, люди звонили ей с порталами во дворе каждый день. Или она просто хорошо умела делать вид.

— Семён Михайлович Вершинин. Посёлок Заречный, улица Лесная, дом семнадцать.

— Что именно вы наблюдаете?

Я снова посмотрел в окно.

— Между яблонями висит синяя дымка. Внутри неё что-то светится и постоянно искрит.

На другом конце линии ненадолго повисла тишина. Я слышал скрип старого вентилятора и голос диктора из телевизора. Такое обычное звуковое сопровождение для совершенно ненормального вечера.

— Вы уверены, что это не электрический разряд или повреждение проводов? — спросила оператор.

— Сначала я тоже так подумал. Но там никаких проводов нет. Эта штука висит прямо в воздухе и, кажется, становится больше.

Последние слова я произнёс медленнее.

Она действительно становилась больше. Или мне только казалось?

— Вы употребляли сегодня алкоголь, зелья или вещества, способные вызвать помутнение сознания?

— Нет! — возмутился я. — Я только с завода вернулся. Ужинал и смотрел телевизор, когда услышал треск.

Прекрасно. Во дворе открылась неизвестная аномалия, а меня проверяли на пьянство.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Это стандартные вопросы. Магическим даром обладаете?

Я глубоко вдохнул. Женщина не была виновата. Наверняка ей полагалось задавать всё по инструкции, а срываться на оператора было глупо.

— Нет, — ответил я уже спокойнее.

— К объекту приближались?

Я посмотрел в сторону двора и поморщился.

— Ну... метров на пять, наверное.

Голос оператора сразу стал строже. В её спокойствии впервые послышалось напряжение.

— Немедленно отойдите на расстояние не менее пятидесяти метров. Не пытайтесь прикоснуться к объекту, бросать в него предметы или проходить внутрь.

— Я и не собирался туда лезть.

Хотя, если честно, несколько секунд назад я подошёл ближе именно потому, что хотел рассмотреть портал. Хорошо хоть хватило ума не протянуть руку.

— Цвет свечения синий?

— Да. Синий, местами почти серебристый.

— По краям наблюдаются разряды?

Я подошёл к окну. Даже из дома было видно, как вспышки бегут по овальной границе.

— Да. Они проходят по всей кромке. Ещё оттуда идёт какой-то гул.

Я только сейчас его заметил. Низкий, почти неслышный звук скорее чувствовался грудью, чем воспринимался ушами.

В трубке снова стало тихо. Затем раздался быстрый стук клавиш — оператор что-то печатала.

— Температура возле объекта изменилась?

— Не знаю. Но во дворе стало как будто прохладнее.

— Животные поблизости есть? Собаки, кошки, домашний скот?

Я прислушался.

Тишина и правда была странной. Обычно соседский пёс лаял на каждого прохожего, на машины, на птиц и, подозреваю, просто для удовольствия. Сейчас его не было слышно.

— Нет. Хотя обычно соседский пёс лает на каждый шорох. А сейчас вообще тишина.

— Семён Михайлович, слушайте внимательно. Ваше сообщение зарегистрировано как вероятное пространственное аномальное явление. К вам направлена оперативная группа губернского управления СКАМЯ.

Напряжение в плечах немного ослабло.

Хорошо. Теперь это была проблема специалистов. Мне оставалось не совершить ничего особенно глупого до их приезда.

— И долго их ждать?

— Ближайшая группа прибудет ориентировочно через двадцать минут. До её приезда отойдите от объекта, предупредите соседей и не позволяйте никому приближаться к вашему участку.

— Хорошо.

Двадцать минут. Не так много. Хотя рядом с растущим порталом время наверняка ощущалось иначе.

Оператор продолжила всё тем же деловитым тоном:

— Наблюдайте за объектом только из безопасного места. Если он начнёт увеличиваться, менять цвет или если из него появится живое существо, немедленно сообщите нам.

Живое существо.

Я невольно посмотрел в окно. В армии ходили слухи о порталных тварях, которых оперативные группы уничтожали ещё до того, как сведения попадали в новости. Нам тогда рассказывали самые разные истории — от огромных насекомых до существ, способных пробивать броню. Большую часть я считал солдатскими байками.

До сегодняшнего вечера.

— Понял.

— Повторите основные указания.

Ну конечно. Проверка, не впал ли гражданин в панику и способен ли выполнять простые команды.

— Отойти от портала, никого к нему не подпускать, предупредить соседей и позвонить вам, если что-то изменится.

— Верно. Группа уже выехала. Будьте осторожны, Семён Михайлович.

Связь прервалась.

Несколько секунд я стоял посреди комнаты, сжимая телефон. Из телевизора по-прежнему доносились новости, вентилятор скрипел, на столе остывал недоеденный ужин.

А за окном трещал портал.

Слова оператора о живом существе не выходили из головы.

Нужно было предупредить соседей. В первую очередь — ближайшие дома. Потом отойти подальше и ждать СКАМЯ. Всё просто и разумно.

Я уже направился к двери, но возле порога остановился.

Любопытство оказалось сильнее.

Я прекрасно понимал, что поступаю глупо. Более того, мне только что ясно приказали держаться на расстоянии не менее пятидесяти метров. Но ноги сами понесли меня за дом — будто нужно было убедиться, что портал всё ещё там и мне не привиделось всё от жары.

Он был там.

И стал заметно больше.

Сияющий овал почти достигал верхних ветвей яблонь. Синяя дымка уплотнилась, серебристая поверхность дрожала мелкой рябью, а трава под ней пригнулась к земле, словно на неё давило что-то невидимое.

Я остановился дальше, чем в первый раз, но всё равно слишком близко.

Во дворе стало холодно.

Не прохладно — холодно. Жара исчезла так резко, будто кто-то открыл дверь в зимнюю ночь. По рукам побежали мурашки. Я выдохнул и увидел перед лицом облачко пара.

В июле. После тридцати пятиградусной жары.

Вот теперь мне стало по-настоящему не по себе.

Я ещё с минуту смотрел на портал, не в силах отвести взгляд. В серебристой глубине что-то двигалось или лишь казалось движением. Низкий гул усилился и отдавался где-то внутри грудной клетки.

Хватит.

Я покачал головой, заставил себя отвернуться и направился к ближайшему дому. Соседей нужно было предупредить, пока кто-нибудь другой не заметил сияние и не решил подойти поближе.

За спиной всё так же трещал портал.

Только теперь к электрическим разрядам примешивался низкий, едва различимый гул.

Глава 4

Глава 4. Эхо миров

Ника

Сознание возвращалось медленно. Сначала пришло ощущение жёсткого и прохладного пола, затем — тяжесть затёкшего тела. Кости болели, а гул всё ещё стоял в ушах. Крылья казались неподъёмными и припечатывали её к камню.

Ника медленно разомкнула слипшиеся веки, не понимая, где находится. Поначалу перед глазами была только темнота и неестественная тишина, но постепенно начали проступать очертания грота.

Она вспомнила тот странный гул, от которого болели даже кости, и пронзительный звук, разрывавший её новый чувствительный слух. Боль была такой, будто в голову воткнули спицу.

Девушка аккуратно, стараясь лишний раз не тревожить измученное тело, начала приподниматься, опираясь на руки. На секунду замерла и прислушалась к своим ощущениям. Боль и тяжесть постепенно отступали.

Ника уже свободнее поднялась на ноги и осмотрелась.

Казалось, ничего не изменилось и не напоминало о случившемся. Всё тот же странный пустой грот с барельефом крылатой женщины на стене.

Но, присмотревшись, Ника заметила то, чего раньше точно не было: глаза женщины были открыты, а по её щеке словно катилась слеза.

От увиденного по коже Ники пробежали мурашки, а перья на крыльях встопорщились. Это было жутко и неестественно. Изменившийся барельеф напугал её даже сильнее, чем всё, что случилось за последние дни.

Попытившись, девушка поспешила покинуть грот.

Выйдя на каменный выступ, она осмотрелась. За горами начинался рассвет, а ветер мягко трепал вновь отросшие волосы.

Картина, развернувшаяся перед ней, была такой мирной, что резко контрастировала с пережитым. После темноты грота свежий воздух помогал удержаться в реальности.

Ника растерянно смотрела на рассвет.

Она снова оглянулась на грот. Тот оставался неподвижным и безмолвным, но один его вид вызывал беспокойство. Ника решила незамедлительно покинуть это негостеприимное место.

Оттолкнувшись от горного выступа, она расправила крылья и полетела в сторону леса.

Ника не помнила, как добралась до его кромки. Казалось, тело уже само запомнило дорогу.

Лес встретил её словно старого друга. Кроны деревьев приветливо и успокаивающе зашестели.

Девушка подошла к ближайшему исполину и устало прислонилась к нему. Под ладонью ощущались биение жизни и движение соков внутри ствола. Это успокаивало.

Ника опустилась на мягкую траву и облокотилась на дерево. Она начала слушать песню леса и попыталась вновь объединиться с миром, как во время первого пребывания в этом странном месте.

Но на этот раз всё было иначе.

Песня деревьев и картина мира, появившаяся перед её внутренним взором, изменились. Создания, населявшие его, были охвачены беспокойством и настороженностью. Они словно прислушивались к чему-то незримому.

Твари в океанах беспокойно ворочались. Создания воздуха нагнетали ураганы и смерчи, а звери на земле бежали, мигрируя в известном только им направлении.

В самом мире словно появилась брешь. Она была невидима обычным взглядом, но с каждой секундой ощущалась всё отчетливее.

Ника погружалась в беспокойство, охватившее этот мир, и наблюдала за происходившими в нём изменениями. Она снова не замечала хода времени. Дни сменялись ночами, но девушка не чувствовала ни голода, ни усталости.

Ника не заметила, как вокруг вновь появился гул и подхватил её сознание.

Она открыла глаза уже дома, в своей кровати.

На телефоне надрывалась мелодия будильника.

Наступил новый день.

Глава 5

Глава 5. Право крови

Российская империя. Вятская губерния, посёлок Заречный.

14 июля 2010 года. 00:20.

— Назовите полное имя, — произнесла девушка, не отрывая взгляда от служебной пластины.

Голос у неё был низким и спокойным, с лёгкой хрипотцой. Такой голос хотелось слушать даже тогда, когда он задавал вопросы, на которые я уже отвечал оператору по телефону.

Я невольно задержал на девушке взгляд. Молодая, возможно, моя ровесница, она была удивительно хороша собой. Тёмные волосы собраны в высокий хвост, несколько выбившихся прядей обрамляли лицо. В свете установленных вокруг портала фонарей кожа казалась почти бледной, а карие глаза — особенно тёмными.

Не самое подходящее время разглядывать сотрудницу СКАМЯ. Но после того, как в моём огороде открылся сияющий разлом, понятие «подходящее время» вообще потеряло смысл. Но девушка и вправду была привлекательна.

— Семён Михайлович Вершинин, — ответил я. — Для друзей просто Семён. Для красивых сотрудников СКАМЯ тоже можно сделать исключение.

Её палец замер над прозрачной поверхностью пластины. Она медленно подняла на меня глаза.

— Мы с вами пока не друзья.

— Значит, есть к чему стремиться.

Несколько секунд она молча смотрела на меня, будто решала, занести ли мою самоуверенность в протокол как отдельную аномалию. Потом вновь опустила взгляд к пластине.

— Возраст?

— Двадцать четыре года. Полных и, судя по сегодняшнему вечеру, весьма насыщенных.

— Точно двадцать четыре?

Я слегка приподнял брови.

— А выгляжу старше?

— После контакта с нестабильным порталом люди иногда стареют быстрее обычного.

Лицо у неё оставалось серьёзным, но в глубине глаз мелькнула насмешка.

— Тогда вы приехали как раз вовремя. Ещё немного — и пришлось бы отвечать: «Двадцать пять».

Уголок её губ едва заметно дрогнул. Девушка тут же вернулась к опросу:

— Род занятий?

— Инженер на машиностроительном заводе.

— Магическим даром обладаете?

— К сожалению, нет.

Я скользнул взглядом по серебристой нашивке на рукаве её формы. В центре был изображён знак СКАМЯ, под ним — две тонкие полосы. Родового герба не было.

Значит, она не принадлежала к аристократии. Одна из тех редких простолюдинок, которым дар достался от далёких предков. Я знал, что такие маги встречались, но вживую прежде почти не общался ни с одним.

— В отличие от вас, — добавил я. — Хотя сегодня начал подозревать, что притягивать неприятности — тоже своего рода дар.

Она проследила за моим взглядом и чуть выпрямилась форма соблазнительно очертила ее фигуру.

- Сомнительный дар.
- Какой достался.
- К порталу приближались?
- Метров на пять.

Палец сотрудницы снова замер над пластиной. На этот раз она подняла голову уже без намёка на улыбку.

- Оператор велела отойти на пятьдесят метров.
- Это было до звонка.
- А после звонка?

В голосе появилась сталь.

Я отвёл взгляд к порталу. Синяя дымка всё ещё колыхалась между яблонями, а по её краям пробегали серебристые разряды. Вблизи сооружение выглядело ещё менее естественно, чем из окна. Огромный светящийся овал висел там, где ещё пару часов назад росла обычная трава.

- После тоже подходил.
- Девушка шумно выдохнула через нос.
- Зачем?
 - Проверял, умеет ли портал выполнять указания оператора.
 - И как?
 - Оказался ещё хуже меня. Ни на метр не отошёл.
- Она прикрыла глаза, словно мысленно досчитала до десяти.
- Семён Михайлович, вы всегда настолько плохо выполняете инструкции?
 - Только скучные.
 - А мои, значит, скучные?
 - Пока не решил. Вы даёте их достаточно выразительно.
- Она медленно приподняла бровь.
- Это был комплимент?
 - Первая часть.
 - А вторая?
 - Зависит от того, как пройдёт опрос.
- Девушка прижала пластину к груди и слегка склонила голову набок.
- Вы сейчас торгуетесь с сотрудником СКАМЯ?
 - Ни в коем случае. Просто уточняю условия сотрудничества.
 - Вы даёте показания.
 - Вот видите, уже сотрудничаю.

Несколько секунд она молча смотрела на меня. Потом покачала головой, но я заметил, как в её взгляде промелькнуло веселье.

Шутки давались легко. Гораздо легче, чем признаться, что у меня до сих пор дрожали руки. Слишком много людей в форме ходило по моему двору. Слишком много приборов окружало портал. И каждый новый металлический столбик, который вбивали в землю, говорил яснее любых объяснений: дело действительно серьёзное.

- Хорошо, — сказала девушка. — Продолжим вашу предельно серьёзную дачу показаний. Что вы почувствовали рядом с порталом?
- Сначала холод. Потом слышал гул.
- Головокружение?
- Нет.
- Тошнота?
- Тоже нет.
- Слабость?

— Только душевную. Когда понял, что яблони теперь придётся пересаживать.
Она опустила пластину.

— Семён Михайлович.

— Всё, молчу. Почти.

Девушка снова коснулась поверхности артефакта.

— Потеря времени или провалы в памяти были?

Я задумался. После появления портала время действительно словно пошло иначе. Но это могло объясняться обычным потрясением.

— Кажется, нет.

— «Кажется» — не самый надёжный ответ.

— Тогда давайте проверим. Который час?

— Двадцать минут первого.

— Значит, память работает. А ощущение времени отсутствует только рядом с вами.

Она резко подняла глаза.

— Это сейчас что было?

— Наблюдение инженера.

— Очень научное.

— Я стараюсь подходить к делу основательно.

Девушка покачала головой и убрала за ухо выбившуюся прядь.

— Посторонние голоса слышали?

— Нет.

Она быстро записала ответ.

— Но если услышу, обязательно сообщу лично вам, — добавил я.

— Для этого существует служебный номер.

— А личный у вас существует?

Её палец вновь замер над пластиной.

— Существует.

— Отличная новость. Сегодня вообще удивительно удачный вечер. Портал открылся, вы приехали...

— Портал во дворе вы считаете удачей?

— Без него мы бы не познакомились.

Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Кажется, пыталась понять, действительно ли я настолько уверен в себе или просто прикрываю болтовнёй страх.

Правильным был второй вариант. Но сообщать об этом я пока не собирался.

— Номер вы всё равно не получите, — наконец сказала она.

— Сегодня?

— Вообще.

— Значит, окончательный отказ ещё не оформлен документально.

— Могу оформить.

— Тогда лучше пока оставить заявление без рассмотрения.

Она тихо усмехнулась. Смех оказался неожиданно тёплым и совсем не похожим на прежний служебный тон.

— Вы слишком уверены в себе, Семён Михайлович.

— Нет. Просто портал уже появился. На его фоне приглашение на кофе кажется вполне безопасным риском.

— Вы приглашаете меня на кофе?

— Осторожно прошупываю почву.

Она коротко посмотрела на покрытую инеем траву вокруг портала.

— Почва промёрзла.

— Тогда придётся действовать напрямую.

— Даже не думайте.

— Уже поздно.

Она закатила глаза, но улыбка всё ещё оставалась на губах.

— Рядом с неизвестным пространственным разломом вы ведёте себя слишком спокойно.

Я посмотрел в сторону портала. Сотрудники СКАМЯ устанавливали вокруг него металлические стойки, соединяли их мерцающими нитями, сверялись с показаниями артефактов. Один мужчина в тяжёлых перчатках что-то быстро чертил в воздухе, и за его пальцами оставались голубые линии.

— Когда увидел его, испугался, — честно признался я. — Потом вспомнил инструкции. А потом приехали вы.

— И сразу перестали бояться?

— Нет. Но теперь хотя бы есть на что отвлечься.

Она внимательнее посмотрела на меня. На этот раз я не улыбался, и девушка, кажется, всё поняла.

— Это уже больше похоже на нормальные показания, — тихо сказала она.

— Я могу быть серьёзным.

— Не заметила.

— Просто вы пока задавали неправильные вопросы.

— Какие же правильные?

Я немного наклонился к ней и понизил голос:

— Например: «Семён Михайлович, куда вы пригласите меня после смены?»

На секунду она опешила, а потом тихо рассмеялась.

— У вас удивительная способность не сдаваться.

— Вот она! А я говорил, что дар у меня всё-таки есть.

Со стороны портала раздался резкий звенящий сигнал. Один из установленных вокруг разлома кристаллов вспыхнул ярким белым светом.

Девушка изменилась мгновенно. Улыбка исчезла, плечи напряглись, рука легла на закреплённый у пояса артефакт.

— Вера Андреевна! — крикнул молодой сотрудник у приборов. — Идёт скачок сигнатуры!

Вера.

Наконец-то у красивой сотрудницы появилось имя.

Она повернулась ко мне. Взгляд вновь стал холодным и собранным.

— Опрос пока закончен. Оставайтесь здесь и никуда не уходите.

— А это указание уже достаточно выразительное?

— Это приказ.

— Значит, придётся послушаться. Не хочу испортить наши отношения раньше первого свидания.

Вера сделала шаг к portalу, но всё же обернулась через плечо.

— У нас нет отношений.

— Зато уже есть общие воспоминания.

Она бросила предупреждающий взгляд. Однако уголок губ снова едва заметно приподнялся.

Потом Вера быстро направилась к коллегам.

Я проводил её глазами. Получить номер не удалось, но меня всё ещё не оштрафовали и не выгнали за оцепление. Для первого разговора результат был вполне достойным.

Временное ограждение проходило всего в нескольких шагах от резонатора, поэтому большую часть разговора я слышал. Молодого сотрудника звали Матвей. Судя по тому, как он

вздрагивал при каждом новом сигнале и торопливо выпрямлялся перед Верой, это был едва ли не первый его настоящий вызов.

— Лейтенант, объект завершил первичное формирование, — доложил он. — Класс опасности — А, статус — растущий. Контур нестабилен.

Класс А.

Даже я понимал, что ничего хорошего эта буква не означала.

Портал уже перестал походить на клубок дымки. Между яблонями висел огромный светящийся диск с тонкой серебристой кромкой. Поверхность напоминала раскалённый металл и ничего не отражала. Периодически по ней расходилась рябь, будто по воде после брошенного камня.

Вера спросила, насколько быстро он растёт. Матвей ответил, что за семь минут диаметр увеличился на сорок сантиметров и через полчаса объект выйдет за пределы безопасного контура.

Я невольно посмотрел на дом.

Сорок сантиметров за семь минут. Если портал продолжит расти, очень скоро он доберётся до яблонь, затем до сарая, а там и до стены дома недалеко. Хотелось верить, что «выйдет за пределы контура» означало лишь лишнюю работу для СКАМЯ, а не исчезновение половины участка.

Вера отошла к старшему контурнику. Мужчина выглядел лет на тридцать пять, хотя обращались к нему по имени и отчеству — Захар Игнатьевич. Маги старели медленнее обычных людей, поэтому внешность здесь ничего не значила.

Он держался спокойно, даже улыбался, и уверял Веру, что якоря выдерживают. Молодого оператора называл мальчишкой, который мысленно уже эвакуирует губернию. Не слишком лестно, но думая Матвей переживет. Захар Игнатьевич не продолжил, его взгляд переместился на ближайшую опору, улыбка у него исчезла. Кажется, что ни чего хорошего там не происходит.

Я не слышал каждого слова, зато услышал главное: нагрузка росла, им требовалось полчаса, а если темп увеличится, этого времени у них не будет.

Служебная пластина Веры завибрировала. На её поверхности вспыхнул красный текст, который я не смог прочитать с расстояния. Она замерла на секунду, затем открыла канал связи.

— Центральная, говорит группа «Север-четыре». Подтверждаю объект класса А со статусом «растущий». Запрашиваю введение протокола «Рубеж-А».

Ответ шёл через внешний динамик, поэтому слова были слышны всем поблизости.

— Запрос принят. Старший группы?

— Лейтенант Соколова Вера Андреевна.

Соколова. Значит, теперь я знал и фамилию.

Следом прозвучал приказ начать эвакуацию в радиусе пятисот метров, перекрыть дороги, подготовить внутренний и внешний контуры, отключить электричество и газ в красной зоне.

Пятсот метров.

Я быстро прикинул расстояние. Почти вся окраина Заречного. Десятки домов. Людей поднимут среди ночи и погонят неизвестно куда из-за того, что открылось у меня во дворе.

Вера запросила жандармов, два эвакуационных экипажа и резервную группу. Ответили, что усиление прибудет через двадцать пять минут.

После завершения связи она переключилась на общий канал и начала раздавать приказы. Вокруг всё сразу пришло в движение. Матвей склонился над резонатором, одновременно связавшись с дежурной частью. Один из боевых магов достал из длинного чёрного футляра артефакт, похожий на укороченное ружьё, с медными кольцами вокруг ствола. Другой сотрудник начал устанавливать вдоль забора металлические столбики. Между ними вспыхивала голубая сеть.

Ещё недавно мне казалось, что приезд СКАМЯ всё исправит. Сейчас стало ясно: они не исправляли. Они готовились к тому, что всё станет хуже. Это заставило меня напрячься.

Захар Игнатьевич что-то сказал Вере насчёт радиуса эвакуации. Она ответила достаточно громко:

— Если портал перейдёт в высший класс, жители хотя бы останутся живы и смогут пожаловаться на неудобства.

После этой фразы желание спорить с её приказами как-то исчезло.

Вера направилась ко мне.

— Судя по тому, как все забегали, с порталом всё прекрасно? — спросил я с ироничной улыбкой. Ну же Верочка порадай меня.

— Настолько прекрасно, что вам придётся покинуть дом.

Улыбка сама исчезла с моего лица, да это не тот ответ, который я хотел.

— Надолго?

— Пока мы не сможем гарантировать безопасность.

— Очень точный срок. — с сарказмом проговорила, так нужно успокоится вдох выдох, может все же все не так плохо.

— Другого у меня нет.

Я посмотрел через её плечо. По серебристой поверхности прошла широкая волна. Кромка вспыхнула, осветив ветви яблонь холодным светом.

Там был мой дом. Не просто строение. Дом деда и родителей, место, куда я вернулся после Москвы, потому что больше возвращаться было некуда. И все это могло исчезнуть в этом клятом портале. Прелестно. Нужно больше информации и почему из нее все нужно вытягивать?

— И куда вы предлагаете мне идти среди ночи?

— Для эвакуированных откроют здание школы. Позже организуют временное размещение.

— Замечательно. Всегда мечтал поспать в школе на раскладушке.

— Можете поехать к родственникам.

Я отвёл взгляд.

— Некому меня принимать.

Слова прозвучали глуше, чем хотелось. Родителей не было. Близких родственников в посёлке тоже. Можно было позвонить Юрке в Москву, но не очень хотелось напрягать друга.

Вера заметила перемену и заговорила мягче:

— Тогда школа. Вам разрешат взять документы, деньги и необходимые вещи. Но только в сопровождении сотрудника.

— Вы сами меня проводите?

— Нет.

— Жаль. Я уже начал надеяться, что это часть нашего первого свидания.

Она строго посмотрела на меня, хотя уголок губ едва заметно дрогнул.

— Семён Михайлович, у нас эвакуация.

— Значит, место выбрано неудачно.

— И время.

— С этим ещё можно поспорить.

Вера собиралась ответить, но со стороны резонатора раздался голос Матвея:

— Лейтенант!

Он несколько раз провёл пальцем по экрану, словно не верил тому, что видел.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Тут ошибка в земельном реестре.

— Нас сейчас меньше всего интересуют кадастровые ошибки.

Матвей растерялся, но продолжил:

— По протоколу я должен установить владельца участка.

— Владелец перед тобой, — я поднял руку. — Пока ещё не выселенный.

Матвей бросил на меня короткий взгляд.

— В том-то и дело. Система определяет вас не как обычного собственника.

Я подошёл ближе, остановившись у защитной черты. На экране рядом с адресом участка горел золотистый знак.

Вера прочитала:

— Полное потомственное владение?

Матвей кивнул и открыл вторую запись.

— Участок не относится к обычным частным землям. Здесь действует право на землю, недра, эфирные образования и пространственные объекты.

— Простите, что именно действует на моём огороде?

Вера не отрывалась от экрана.

— Это старая форма собственности. Сейчас она встречается почти исключительно у дворянских родов.

— А у меня откуда?

— Сейчас выясним.

Матвей открыл архивную вкладку. Через несколько секунд на экране появился отсканированный документ с потемневшей гербовой печатью.

— Грамота о передаче земли в полное потомственное владение, — прочитал он. — Сергею Петровичу Вершинину.

Я нахмурился.

— Моему деду?

Матвей увеличил нижнюю часть документа.

— Передача утверждена князем Всеволодом Аркадьевичем Шаховским. Право распространяется на прямых кровных потомков первого владельца.

Несколько мгновений я просто смотрел на старую грамоту. Даже треск портала словно отошёл куда-то в сторону.

— Каким ещё князем?

— Шаховским, — повторил Матвей.

— У нас в семье князей не было.

— В грамоте не сказано, что Сергей Петрович носил княжеский титул, — осторожно заметила Вера. — Только то, что он получил землю от князя.

Я недоверчиво посмотрел на документ.

— Может, прадед хорошо построил ему сарай?

Матвей перевёл взгляд на Веру, явно не понимая, шучу я или говорю серьёзно.

— За хороший сарай полное потомственное владение не передают, — сказала она.

— Значит, сарай был выдающийся.

На этот раз Вера не улыбнулась.

По выражению её лица я понял: запись действительно важная. Причём настолько, что портал внезапно оказался не единственной проблемой.

— Что всё это значит?

Она несколько секунд подбирала слова.

— До завершения исследования портал находится под контролем СКАМЯ. Никто, включая вас, не сможет самостоятельно его открыть, пройти внутрь или что-либо через него перевести.

— Уже обнадёживает.

— Но после стабилизации право владения порталом будет зарегистрировано за вами.

Я моргнул.

— Портал будет моим?

— Портальное право будет вашим. Это не одно и то же.

— Звучит как чиновничий способ сказать: «Ваше, но трогать нельзя».

— Приблизительно.

Я провёл рукой по волосам и посмотрел на серебристый диск.

Ещё час назад я ужинал перед телевизором и думал о сломанной вентиляции на заводе.

Теперь мне объясняли, что я владею пространственным объектом.

— И что люди обычно делают с собственными порталами?

— Заключают договор с государством, передают объект в аренду, продают право эксплуатации или содержат самостоятельно.

— Самостоятельно? Поставить калитку и брать деньги за вход?

— Содержать вооружённую охрану, защитные контуры, наблюдательный пост, специалистов по пространственным аномалиям и резервную группу на случай прорыва.

Я медленно повернул к ней голову.

— Я инженер на заводе.

— Я помню.

— И вы считаете, что на мою зарплату можно содержать всё это?

— Нет.

— Хотя в чём-то мы сразу сошлись.

Вера объяснила, что при отсутствии средств портал передадут под временное государственное управление, а расходы будут удерживаться из будущих доходов владения. Если доходов не окажется, долг останется за самим объектом, а не за мной лично. Государство сможет предложить аренду или выкуп.

Слово «предложить» я переспросил отдельно.

— Принудительный выкуп возможен только по решению суда, — сказала Вера. — Для объекта такого класса потребуется также утверждение Сената или императора.

— А просто забрать нельзя?

— Нет.

Я недоверчиво усмехнулся.

— Даже странно слышать это от государственного служащего.

— Я не сказала, что вам позволят делать с порталом всё, что захочется.

— Вот теперь узнаю государственную службу.

Матвей тихо кашлянул:

— Там ещё одна отметка.

— Какая? — спросила Вера.

— Реестр запрашивает подтверждение кровного наследования. Обычной родственной цепочки недостаточно.

— Это стандартная процедура для старых вотчин. Запусти проверку.

Матвей поколебался.

— Нужна магическая сигнатура владельца.

— Берите, — я протянул руку. — Только предупредите, если нужно будет что-нибудь прокалывать. На сегодня впечатлений уже достаточно.

Он достал из бокового отсека небольшой артефакт, похожий на стеклянный обруч. Внутри прозрачного кольца медленно вращалась серебристая нить.

— Положите ладонь сюда.

Я выполнил указание.

Стекло было неожиданно холодным. Серебряная нить дёрнулась, на мгновение вспыхнула и погасла.

Матвей нахмурился.

— Не считывает.

— Потому что дара у меня нет, — напомнил я.

— Наследственная проверка должна работать и без активного дара.

Он перезапустил артефакт. Я снова положил ладонь на поверхность. На этот раз нить завертелась быстрее, но почти сразу остановилась.

На экране появилась надпись:

«Сигнатура скрыта. Обнаружено внешнее ограничение».

Вера напряглась.

— Какое ещё ограничение?

— Не знаю, — признался Матвей. — Похоже на блокировку магического ядра.

Я коротко рассмеялся. От удивления, не от веселья.

— Какого ядра? Вы же сами спрашивали, есть ли у меня дар. Я сказал, что нет.

— Возможно, вы ошибались, — произнесла Вера.

— Двадцать четыре года ошибался?

Раздражение прорвалось раньше, чем я успел его спрятать. Я скрестил руки на груди.

— Такое бывает, если дар запечатан, — ответила она.

Запечатан.

Слово прозвучало так, словно кто-то без моего ведома запер внутри часть меня самого и забыл оставить ключ.

Я хотел спросить, кто мог это сделать и зачем, но портал издал протяжный низкий гул.

Все одновременно повернули головы.

Серебристая поверхность диска задрожала. По ней одна за другой прошли концентрические волны, будто с другой стороны кто-то бил по жидкому зеркалу.

— Скачок активности! — выкрикнул Матвей.

Захар Игнатьевич резко выпрямился возле опоры.

— Внутренний контур проседает! Всем отойти от кромки!

По краю портала пробежала яркая вспышка.

Один из разрядов отделился от серебристой кромки и ударил в землю. Светящаяся лента скользнула по промёрзшей траве, извиваясь словно живая змея.

— Щит! — крикнула Вера.

Маг прикрытия выбросил вперёд руку. Между нами и порталом вспыхнула полупрозрачная золотистая стена.

Разряд ударился о неё.

Я успел подумать, что всё закончилось. Но светящаяся нить растеклась по поверхности щита, обогнула край и продолжила движение.

Прямо ко мне.

— Назад! — крикнула Вера.

Я сделал один шаг.

Больше не успел.

Светящаяся нить метнулась вверх и обвилась вокруг моего запястья.

Сначала боли не было. Только покалывание, будто рука затекла. Затем разряд рванулся под кожу.

Я вскрикнул и рухнул на одно колено.

Мир исчез в белой вспышке.

Мне показалось, что внутри груди лопнула туго натянутая цепь. Что-то древнее и тяжёлое, годами сдавливавшее меня изнутри, треснуло и начало рассыпаться.

По телу прокатилась волна жара. Следом пришла невозможная лёгкость, которой я никогда прежде не испытывал. На мгновение стало трудно понять, где заканчиваюсь я и начинается окружавший меня воздух.

Потом всё исчезло.

Я тяжело опёрся ладонью о землю. Из кончиков пальцев вырвались тонкие серебристые искры и разбежались по траве.

— Не двигайтесь!

Вера опустилась рядом. В её голосе впервые прозвучал настоящий страх.

Она схватила меня за плечо.

— Посмотрите на меня. Семён!

Я с трудом поднял голову. Лицо у неё было напряжённым, карие глаза широко раскрыты.

— Кажется... ваше личное указание я опять не выполнил, — хрипло произнёс я.

— Сейчас не время для шуток. — девушка была встревожена, этот день бьёт все рекорды по сюрпризам. Слабость и в то же время лёгкость волнами прокатывались по телу.

— Тогда всё действительно плохо.

Она провела над моей грудью диагностическим артефактом. Кристалл сначала вспыхнул синим, затем стал ослепительно белым. На его поверхности появились линии, складываясь в сложный знак. Закончив, она позвала того ворчливого старика.

— Захар Игнатьевич!

Старший контурник подошёл, на ходу снимая защитные перчатки. Увидев показания, перестал улыбаться.

— Родовая печать, — тихо произнёс он.

— Она разрушена? — спросила Вера.

— Не полностью. Но трещина прошла через центральное плетение.

Я попытался подняться, однако Вера надавила мне на плечо и заставила остаться на месте.

— Кто-нибудь объяснит, что со мной происходит?

Захар Игнатьевич присел рядом и внимательно посмотрел мне в глаза.

— В вас есть дар, молодой человек.

— Нет у меня никакого дара.

Даже произнеся это, я видел серебристые искры, всё ещё пробегавшие между моими пальцами.

— Есть, — серьёзно сказал он. — Он был заблокирован. Судя по глубине плетения, ещё в детстве одного из ваших предков. Печать наследственная и переходила вместе с кровью.

Я смотрел на него, пытаясь уложить услышанное в голове.

Дар был всегда. У отца. Возможно, у деда. У прадеда. Несколько поколений нашей семьи прожили, не зная, что внутри них существует нечто подобное.

Кто-то решил это за нас. Мысль была не приятной.

Матвей внезапно вскрикнул:

— Товарищ лейтенант!

Он стоял у резонатора, побледнев сильнее прежнего, все повернулись в его сторону.

— Портал остановил рост.

Вера посмотрела на серебристый диск. Рябь исчезла. Искры больше не металась по кромке. Даже гул стал тише, превратившись в едва различимую вибрацию.

— Контур стабилизировался? — спросила она.

— Нет. Это не контур.

Матвей несколько раз проверил показания и повернул экран в нашу сторону.

— Объект сформировал собственный якорь.

На мониторе светился новый символ — серебряный щит, рассечённый молнией.

Под ним появилась строка:

«Кровная сигнатура подтверждена».

Ещё ниже высветилось имя:

«Вершинин Семён Михайлович. Владелец пространственного объекта».

Я несколько секунд молча смотрел на экран.

Между пальцами вновь проскочила тонкая серебристая искра.

— Это ведь герб Шаховских? — едва слышно спросила Вера.

Захар Игнатьевич медленно кивнул.

— Северная ветвь. Грозовая кровь.

Вера перевела взгляд на меня, ну что ты так смотришь красавица рога у меня, не выросли, хотелось пошутить, но пришлось сдержаться.

— Вы точно ничего не знаете о происхождении семьи?

— Мой отец был инженером, — глухо ответил я. — Дед работал на железной дороге. Прадед, насколько знаю, всю жизнь прожил в этом доме.

Я посмотрел на собственную ладонь. На коже ещё несколько секунд мерцали тонкие серебряные линии.

— Князей среди нас не было.

За спиной поверхность портала пошла лёгкой рябью.

Я не видел её сразу, но почему-то почувствовал движение раньше, чем обернулся, словно едва заметный толчок где-то внутри груди.

Портал словно отозвался на мои слова.

Матвей продолжал смотреть на монитор. Его брови поползли вверх.

— Товарищ лейтенант, здесь дополнительное примечание.

Вера поднялась и подошла к резонатору.

— Какое?

Матвей открыл прикреплённую к записи статью Имперского положения о пространственных переходах. Несколько секунд молча читал, затем растерянно посмотрел на Веру.

— Объект признал Семёна Михайловича не только владельцем. Он зарегистрирован как живой якорь.

— Я уже это слышал, — отозвался я, всё ещё сидя на земле. — Хотелось бы теперь понять, что это означает.

Вера пробежала глазами документ. Лицо становилось всё серьёзнее.

— Это означает, что я дала вам не совсем точное объяснение.

— Неужели портал всё-таки мой?

— Больше, чем мы предполагали.

Я поднял брови.

— Звучит одновременно приятно и пугающе.

Она развернула пластину к себе и продолжила читать:

— Согласно поправке о лично закреплённых переходах, живой якорь получает неограниченное право личного доступа к связанному с ним portalу. После завершения первичного карантина вы сможете самостоятельно открывать его, закрывать и проходить на другую сторону.

На несколько мгновений я забыл о боли новости были интересными.

— Когда захочу?

— Если переход позволит, то да.

— А вы не сможете меня остановить?

Вера недовольно поджала губы.

— При непосредственной угрозе СКАМЯ вправе временно ограничить доступ к территории. Но постоянно запрещать вам пользоваться порталом мы не можем. Судя по всему, без вас он вообще может отказаться работать.

Между пальцами проскочила новая искра, я задумчиво проследил за ней взглядом.

— А других людей я смогу пропускать?

Матвей быстро просмотрел следующую часть статьи.

— Сможете. После регистрации охранного комплекса и утверждения правил эксплуатации.

— Разумеется. Без бумаг даже в другой мир не попадёшь.

— Попасть можно, — сухо ответила Вера. — А вот вернуться с грузом и не получить обвинение в контрабанде будет сложнее.

— Значит, государство всё-таки нашло способ поучаствовать?

Она объяснила, что любые ресурсы, артефакты и иные ценности, доставленные через портал, подлежат декларированию. Владелец платит имперскую пошлину. Посторонние экспедиции должны получить моё разрешение и оплатить право прохода.

Я задумчиво посмотрел на серебристый диск.

Ещё час назад между яблонями был обычный клочок двора. Теперь там находилась дорога в неизвестный мир. Дорога, которую, по словам закона и приборов, я мог открывать собственной волей.

Это должно было радовать.

Вместо радости я чувствовал, как внутри всё холодеет.

Слишком много всего свалилось на меня за одну ночь. Слишком много людей уже смотрели на портал как на объект, право, ресурс и угрозу. А я ещё даже не успел понять, что он сделал со мной.

— Получается, я могу брать деньги за проход? — спросил я, потому что молчать стало неуютно.

— После стабилизации объекта, регистрации и создания охраны.

— Вы умеете испортить любую хорошую новость.

— Это тоже часть моей работы.

— Тогда мне определённо понадобится ваш личный номер. Для консультаций по эксплуатации имущества.

Вера медленно прикрыла глаза.

— Семён Михайлович, вы только что узнали, что являетесь живым якорем портала неизвестного класса.

— Вот именно. День становится всё сложнее. Нужен надёжный специалист, которому можно позвонить.

Матвей поспешно отвернулся к монитору, скрывая улыбку.

Вера несколько секунд молча смотрела на меня. Потом покачала головой:

— Сначала переживите медицинское обследование. Потом поговорим о ваших коммерческих планах.

Я улыбнулся.

— Я запомнил слово «потом».

Она не ответила, но на губах появилась едва заметная улыбка.

Я снова посмотрел на портал.

Теперь он стоял совершенно спокойно. Серебристая поверхность едва заметно мерцала между яблонями, словно ничего опасного только что не произошло.

Но мне уже не требовалось смотреть, чтобы знать: он там.

Где-то внутри возникло странное, почти телесное ощущение его присутствия. Слабое, неясное, похожее на покалывание в онемевшей руке.

Я никому об этом не сказал.

Глава 6

Глава 6. Наследственная печать

Российская империя. Вятская губерния, посёлок Заречный.

14 июля 2010 года. 00:43.

Поверхность портала успокоилась.

Серебристая рябь, ещё недавно ходившая по нему широкими волнами, постепенно исчезла. Разряды больше не метались вдоль кромки, лишь изредка между яблоневыми ветвями вспыхивали короткие белые искры. Низкий гул стал тише и превратился в едва ощутимую вибрацию, которую я чувствовал не столько ушами, сколько всем телом.

Я всё ещё стоял на одном колене, опираясь ладонью о холодную землю. Рука мелко дрожала. Под кожей продолжало покалывать, а между пальцами время от времени проскакивали тонкие серебристые искры.

Вера удерживала меня за плечо и внимательно вглядывалась в лицо.

— Голова кружится?

— Немного, — признался я и резко втянул воздух. Перед глазами всё ещё плавала мутная пелена.

— Тошнота?

— Нет.

Она наклонилась ближе.

— Двоится?

Я перевёл взгляд с неё на Захара Игнатьевича, стоявшего рядом.

— Пока вижу только одну вас. Было бы две — стало бы гораздо интереснее.

Захар Игнатьевич тихо хмыкнул. Вера не улыбнулась, только недовольно нахмурилась и чуть сильнее сжала моё плечо.

— Семён Михайлович, сейчас не время.

— Вы это уже говорили.

— И, судя по всему, мне придётся повторять ещё не раз.

Она помогла мне подняться. Ноги слушались плохо, и на мгновение показалось, что земля снова качнулась. Я замер, переживая слабость. Внутри будто продолжало двигаться что-то горячее и беспокойное — поток незнакомой энергии пробежал через тело короткими вспышками, от груди к рукам и обратно.

Такого ощущения у меня никогда не было. И оно мне совсем не нравилось.

Матвей стоял возле резонатора, не отрываясь от экрана.

— Товарищ лейтенант, показатели выравниваются.

Вера повернулась к нему:

— Докладывайте.

— Рост полностью остановлен. Диаметр не меняется уже две минуты сорок секунд.

Нагрузка на внутренний контур снизилась на семнадцать процентов.

— Класс?

Матвей провёл пальцем по экрану и прочитал новую строку:

— Класс А сохраняется. Статус изменён: «якорный, условно стабильный».

Я посмотрел на портал.

Внешне разлом казался спокойным, но я чувствовал скрытое внутри напряжение. Каким-то образом знал: портал больше не пытался расти.

Он успокоился вместе со мной.

Это знание появилось само собой и казалось настолько естественным, что по спине прошёл холодок.

— Значит, эвакуацию можно отменить? — спросил я. Больше всего хотелось, чтобы происходящее наконец закончилось и все эти люди ушли из моего двора.

Вера выпустила моё плечо, убедившись, что я способен стоять самостоятельно.

— Нет.

Одно короткое слово вызвало новый приступ раздражения. По телу тут же пробежала волна силы, и пальцы закололо сильнее.

— Почему? Он же стабилизировался.

— Условно стабилизировался. Портал класса А должен сохранять устойчивость не менее трёх часов. Только после этого штаб сможет пересмотреть протокол.

— Три часа?

— Минимум.

Я посмотрел в сторону дома. За окнами всё ещё горел свет, а из кухни доносился приглушённый голос телевизионного диктора. Странно было слышать его спокойную речь, когда в нескольких шагах от дома стояла дорога неизвестно куда.

— То есть домой мне всё равно нельзя?

Вера взяла служебную пластину и принялась что-то проверять.

— Можно ненадолго зайти за вещами. Потом вы покинете красную зону.

— Теперь уже собственный огород считается красной зоной.

Я сказал это резче, чем собирался. Тело начинало болеть, усталость наваливалась всё сильнее, а каждое новое решение принимали без моего участия.

Вера отвлеклась от пластины и посмотрела на меня.

— В вашем огороде открылся портал класса А.

— Трудно спорить с такой убедительной причиной.

Со стороны дороги донёсся шум моторов. За деревьями вспыхнули белые и синие огни.

К участку подъезжали новые машины: полицейские экипажи, автобусы для эвакуации, медицинский автомобиль и тяжёлый фургон СКАМЯ. Из него один за другим начали выходить сотрудники в защитной форме.

Посёлок окончательно проснулся.

В соседних домах зажигались окна. На улицу выходили люди — кто в халатах, кто в наспех накинутых куртках. Полицейские расходились по дворам, стучали в двери и объясняли порядок эвакуации.

Где-то заплакал разбуженный ребёнок. Пожилая женщина громко возмущалась, что не оставит дом без присмотра. Мужчина в майке пытался прорваться ближе к оцеплению, чтобы сфотографировать портал на телефон.

— Назад, гражданин! — приказал полицейский.

— Я только одним глазком!

— Одним глазком будете смотреть из автобуса.

Я узнал в любопытном соседа с соседней улицы и невольно усмехнулся.

— Прекрасно. К утру весь Заречный будет знать, что у меня во дворе открылся портал.

— К утру об этом будет знать вся губерния, — заметил Захар Игнатьевич.

Улыбка сама собой исчезла.

Об этом я не подумал.

Портал, княжеский герб, скрытый дар — всё случилось слишком быстро. Ещё час назад моей главной проблемой была жара на заводе. Теперь вокруг дома стояло оцепление, по двору ходили маги, а государственный артефакт объявил меня владельцем пространственного объекта.

И живым якорем.

Служебная пластина Веры завибрировала. Она взглянула на экран и сразу выпрямилась.
— Соколова слушает.

Над пластиной возникло небольшое полупрозрачное изображение мужчины в форме старшего офицера СКАМЯ.

— Лейтенант, подтверждаете стабилизацию объекта?

— Условную. Рост остановлен после формирования живого якоря. Внешний контур продолжает развёртывание.

— Состояние якоря?

Вера коротко посмотрела на меня.

— В сознании. Наблюдаются первичные проявления дара и повреждение наследственной печати.

Слово «якорь» вместо моего имени неприятно царапнуло слух. Будто я уже был не человеком, а частью оборудования.

— Медицинская бригада прибыла? — спросил офицер.

— Только что.

— Передайте командование периметром капитану Ермолаеву.

На лице Веры мелькнуло удивление.

— Разрешите продолжить работу на объекте. Здесь моя группа.

— Вашу группу принимает Ермолаев. С этого момента вы лично сопровождаете якорь в губернский арканологический центр.

Вера помолчала и нахмурилась.

— Почему именно я?

— Вы руководили группой в момент формирования связи. Объект распознаёт вашу магическую сигнатуру и не проявляет на неё агрессивной реакции. Кроме того, якорь уже вступал с вами в непосредственный контакт.

Я приподнял брови, но благоразумно промолчал. Формулировка давала слишком много поводов для шуток, однако выражение лица Веры подсказывало, что сейчас лучше сохранить их на потом.

— До прибытия специалиста по наследственным ограничениям не оставлять гражданина Вершинина без наблюдения, — продолжил офицер. — Фиксировать любые изменения его состояния и реакцию объекта на удаление якоря. При ухудшении немедленно доложить.

Вера недовольно сжала губы.

— Приняла.

Изображение исчезло.

Несколько секунд она молча смотрела на погасшую пластину. Было видно, что оставлять группу ей не хотелось.

— Плохие новости? — спросил я.

Вера подняла на меня взгляд.

— Для меня — спорные. Для вас — больница.

— Вот как быстро меняется судьба. Минуту назад мне полагалась школьная раскладушка.

— После обнаружения печати вас нужно обследовать.

— А вы?

— Еду с вами.

Я невольно оживился:

— Значит, всё-таки согласились провести со мной ночь?

Вера посмотрела так, словно решала, стоит ли отвечать или проще сразу вызвать санитаров.

— По приказу штаба.

— Не самое романтичное объяснение, но я готов проявить понимание.

— Мы едем в больницу.

— Вы уже говорили. Место выбрано неудачно, зато компания хорошая.

Уголок её губ едва заметно дрогнул.

— Вы даже после удара неизвестным разрядом не можете вести себя серьёзно?

Я не ответил. Посмотрел на руку. Между пальцами снова вспыхнула искра, заставив меня нахмуриться.

Мог. Конечно, мог вести себя серьёзно. Но стоило перестать шутить, как становилось не по себе. Слишком многое изменилось за одну ночь, и я пока не понимал, что со мной происходит.

Вера задержала на мне взгляд. Кажется, она догадалась, почему я промолчал. Её выражение немного смягчилось.

— Возьмите документы, деньги, лекарства и одежду на ближайшие два дня.

— На два?

Эти слова мгновенно отвлекли от неприятных мыслей.

— Это предварительно.

— У вас удивительный талант улучшать новости постепенно.

Я развернулся и направился к дому.

— У вас десять минут, — сказала Вера мне в спину.

Я остановился и посмотрел на неё.

— А вот это уже звучит как настоящее свидание.

— Семён Михайлович, — произнесла она с притворным возмущением. Уголки губ, которые так и норовили растянуться в улыбке, её выдавали.

— Всё, иду, госпожа лейтенант.

Я в шутку вытянулся в струнку и козырнул ей.

Направился к дому, но Вера последовала за мной.

Я обернулся:

— Бойтесь, что сбегу через заднее окно, или всё-таки согласны на свидание?

Она насмешливо фыркнула.

— Территория остаётся опасной. Вы не должны находиться один.

— Значит, всё-таки беспокоитесь.

— Это моя работа.

— Буду считать это осторожным признанием.

Вера вздохнула, но спорить не стала.

В доме всё осталось почти так же, как до появления портала.

На кухонном столе стояла тарелка с недоеденным ужином. Старый вентилятор натужно гудел, гоняя по комнате тёплый воздух. Телевизор продолжал работать, и диктор рассказывала о подготовке столицы к юбилею императора.

Только серебристый свет, проникавший через окно, делал происходящее похожим на сон.

Я остановился у порога кухни.

Прошло меньше двух часов, а прежняя жизнь уже казалась далёкой. Вот моя тарелка. Вот хлеб. Вот вентилятор, который я собирался заменить, он продолжал с тарахтением гонять воздух. Всё знакомое, обычное, моё — и вместе с тем словно принадлежало другому человеку, тому, который ещё не знал о портале и грозовой крови.

— Семён Михайлович?

Я вздрогнул и посмотрел на Веру.

— Всё нормально.

Она явно не поверила, но промолчала. Я прошёл в комнату выключил телевизор. В спальне достал из шкафа старую дорожную сумку. Бросил внутрь две рубашки, бельё, носки и брюки.

Вера стояла у двери, внимательно наблюдая за мной.

— Вы всегда так собираетесь?

— А что не так? — спросил я, не прекращая своего занятия.

Она посмотрела на смятую одежду.

— Ничего. Просто теперь я понимаю, почему у мужчин существуют жёны.

Я замер и с улыбкой посмотрел на неё.

— Вы предлагаете помощь?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком поспешно, отчего я улыбнулся ещё шире.

— Тогда придётся жениться исключительно ради аккуратно сложенных рубашек.

— Боюсь, это не самая убедительная причина.

— У меня есть и другие.

Вера приподняла бровь.

— Даже не начинайте.

Не прекращая улыбаться, я застегнул сумку.

Телефон лежал на тумбочке. Когда я взял его, экран задрожал от помех, а динамик коротко затрещал.

— Это тоже портал? — спросил я.

— Скорее ваш дар.

Вера рассматривала меня почти с научным интересом.

— Мой дар уже испортил телефон? — возмутился я, вертя аппарат в руках.

— Он реагирует на ваше эмоциональное состояние.

— Очень полезно. Теперь техника будет знать, когда я нервничаю.

— Вы нервничаете? — почти игриво спросила она.

— Конечно нет.

В ту же секунду лампочка под потолком несколько раз мигнула.

Вера выразительно посмотрела вверх.

Я проследил за её взглядом.

— Старая проводка, — сказал я чуть хрипло.

— Разумеется.

В комнате неожиданно взвыл вентилятор. Лопасты завертели так быстро, что корпус задрожал на столе, я поспешно вернулся и выдернул вилку из розетки. Вентилятор продолжал вращаться ещё несколько секунд, прежде чем остановился.

— Я собирался его заменить, — произнёс я. — Оказывается, нужно было всего лишь пробудить княжеский дар.

— Не пытайтесь воздействовать на электричество сознательно, — строго проговорила Вера. Игривость исчезла из её голоса.

— Я ничего не делал.

Я развёл руки в стороны.

Вера нахмурилась:

— Именно это меня и беспокоит.

Между пальцами проскочила серебристая искра.

Я машинально спрятал руку в карман.

— Я заметила, — сказала Вера.

— А я надеялся, что получилось незаметно.

— Не получилось. — Сказала она, сложив руки на аппетитных полушариях. Так не отвлекаемся.

Я вернулся в спальню. Документы хранились в верхнем ящике старого комода: паспорт, военный билет, диплом, бумаги на дом и участок.

Сложил их в кожаную папку.

— Возьмите всё, что связано с землёй и наследством, — посоветовала Вера. — Представитель земельного ведомства наверняка захочет изучить оригиналы.

— Их вообще кто-нибудь читает? — пробормотал я себе под нос.

Открыл нижний ящик. Там стояла небольшая деревянная коробочка, потемневшая от времени. В ней хранились семейные фотографии, старые письма и пожелтевшие документы, которые я привёз из родительской квартиры.

Некоторое время смотрел на коробку, вспоминая отца. Он никогда не рассказывал о князьях, печатях или скрытом даре. Возможно, просто не знал. Скорее всего, не знал. Но теперь каждая старая бумага могла оказаться важнее, чем я думал.

Я поставил коробку в сумку.

— Что там? — спросила Вера.

— Семейные бумаги. Возможно, найдётся объяснение, почему князь дарил моему прадеду землю.

— Или доказательство выдающегося сарая.

Я посмотрел на неё и рассмеялся.

— Вы запомнили.

— Профессиональная память.

Она старалась выглядеть невозмутимо, но глаза смеялись.

— Я начинаю подозревать, что вам всё-таки нравятся мои шутки.

— Подозревать закон не запрещает.

Когда мы вышли из дома, двор успел измениться.

Вдоль забора установили новые защитные стойки. Между ними тянулась голубоватая сеть. Контурники замыкали внешнее кольцо, а сотрудники полиции выводили людей к ожидающим автобусам.

К воротам подошёл высокий мужчина в форме капитана СКАМЯ. Вера коротко доложила ему обстановку и передала управление.

Я почти не слушал, о чём они говорили.

Едва переступил порог, внутри возникло странное ощущение.

Я не смотрел на портал, но точно знал, где он находится.

За домом, между яблонями. В двадцати с небольшим шагах. Спокойный. Неподвижный. По его поверхности только что прошла слабая волна.

Я обернулся.

Серебристый диск действительно покрыла лёгкая рябь.

Внутри похолодело.

Портал чувствовал меня.

Нет, не совсем так.

Я чувствовал портал.

Так же естественно, как собственную руку или положение тела в пространстве. Мне не требовалось видеть разлом, чтобы знать, что с ним происходит.

— Что-то случилось? — спросила Вера, отвлекаясь от разговора с капитаном.

Она внимательно следила за мной, словно что-то заподозрив.

— Проверяю, стоит ли ещё дом.

— Стоит.

— Уже неплохо.

Она посмотрела на портал, затем снова на меня.

— Вам стало хуже?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Вера слегка сузила глаза. Я уже приготовился к новым вопросам, но в этот момент к нам подошёл фельдшер в серой форме медицинской службы СКАМЯ.

— Семён Михайлович Вершинин?

— Пока да.

Я обернулся к нему, радуясь, что нас прервали.

Мужчина не отреагировал на шутку.

— Покажите руку.

Он закрепил на моём запястье широкий серебристый браслет. На его поверхности вспыхнули несколько зелёных линий.

— Это что? — спросил я, с интересом рассматривая устройство.

— Диагностический браслет. Будет отслеживать пульс, давление, состояние магического ядра и активность печати.

— А снять его можно?

— Только с помощью служебного ключа.

Я посмотрел на Веру.

— Значит, медицинский наручник.

— Главное, что вам идёт, — сухо ответила она.

Я удивлённо посмотрел на неё.

Вера уже направилась к автомобилю, но я успел заметить лёгкую улыбку на ее губах.

Медицинская машина была похожа на небольшой бронированный фургон. Внутри вдоль стен располагались сиденья, шкафчики с артефактами и носилки. На потолке мерцали защитные знаки.

Я сел у окна. Вера устроилась напротив. Рядом разместились фельдшер и сотрудник охраны.

Автомобиль тронулся.

Через окно я видел, как дом медленно отдаляется. Возле ворот стояли полицейские. За внешним контуром толпились соседи, ожидавшие посадки в автобус.

Портал вскоре скрылся за деревьями.

Но ощущение не исчезло.

Я по-прежнему знал, где находится серебристый диск. С каждым метром расстояние, между нами, словно растягивало невидимую нить.

Боли не было. Только неприятное давление в груди.

Браслет на руке коротко пискнул.

Фельдшер посмотрел на показатели и сухо сообщил:

— Пульс повысился.

Вера перевела взгляд на меня.

— Вам хуже?

— Никогда не любил больницы. — проговорил, стараясь что бы голос меня не выдал.

— Мы ещё не приехали.

— Организм заранее готовится.

Она несколько секунд изучала моё лицо.

— Если чувствуете портал, лучше сказать сразу.

Я встретился с ней взглядом, стараясь не выдать удивления. Значит, она уже предполагала такую возможность.

— После сегодняшней ночи я его ещё долго буду чувствовать где-нибудь рядом.

Вера не отвела глаз.

— Это не ответ.

— Зато честно.

Она хотела что-то сказать, но автомобиль подпрыгнул на неровности. Я ухватился за край сиденья. Между пальцами проскочила искра и ударила в металлическую стену.

Фельдшер резко поднял голову.

— Руки держите на коленях.

— Боюсь, они сами пока не определились, где хотят находиться.

— Тогда убедите искры.

— Обязательно. Как только выясню, каким образом.

Вера покачала головой, но напряжение в её лице немного ослабло.

Остаток пути прошёл почти в тишине.

Чем дальше мы уезжали от Заречного, тем отчётливее я чувствовал связь с порталом. Понимал, что разлом остаётся стабильным. Улавливал каждую слабую волну на его поверхности.

Рассказывать об этом никому не хотелось.

Я ещё не знал, что государство собирается делать с живым якорем. Слишком многое уже решали без меня: куда ехать, кто будет рядом, какие приборы на меня надеть.

Возможно, Вера действительно хотела помочь. Я даже был почти уверен, что хотела. Но она оставалась сотрудником СКАМЯ.

И докладывала штабу.

Ехали мы не долго, губернская больница встретила нас ярким светом и запахом обеззараживающих зелий.

Медицинский автомобиль остановился у отдельного входа. Над дверью висела табличка: «Арканологическое отделение. Посторонним вход воспрещён».

Меня провели по пустому коридору. За окнами ещё стояла ночь, но в отделении работали врачи и дежурные маги.

Палата, куда меня поместили, мало напоминала обычную больничную комнату. В стены были встроены металлические полосы, соединённые с заземляющими рунами. В углах стояли прозрачные кристаллы. Над кроватью висел диагностический артефакт с несколькими подвижными кольцами.

Я остановился у порога осматриваясь.

— Уютно.

— Палата предназначена для пациентов с нестабильным даром, — пояснила Вера.

— Особенно радует слово «нестабильным».

— Привыкайте.

— Ценю вашу поддержку.

Девушка промолчала и положила служебную пластину на стол.

Я сел на кровать. Матрас оказался жёстким, а больничная рубашка, которую мне выдали, — слишком свободной.

Вера встала возле двери. Такая серьезная. Я с интересом посмотрел на нее.

— Получается, от вас мне сегодня не отделаться?

— Приказ штаба действует до отдельного распоряжения.

— Вы говорите это так, будто расстроены.

— Я умею сохранять профессиональное выражение лица.

— Значит, внутри вы счастливы?

— Семён Михайлович.

— Уже молчу.

Дверь открылась.

В палату вошёл высокий мужчина с короткими седыми волосами. На вид ему было около сорока пяти, хотя по замедленному старению магов и уверенной манере держаться я предположил, что настоящий возраст значительно больше.

Мужчина надел тонкие перчатки и подошёл к кровати.

— Лев Арсеньевич Белозёров. Врач-арканолог.

— Семён Вершинин. Внезапный маг и владелец портала.

Лев Арсеньевич спокойно посмотрел на меня.

— Юмор как защитная реакция?

— Скорее привычка.

— Хорошо. Значит, сознание ясное.

Он взял со стола диагностический кристалл.

— Снимите рубашку.

Я посмотрел на Веру.

— Вы останетесь?

— Да.

— Теперь поездка становится интереснее.

Вера скрестила руки на груди.

— Я могу попросить врача привязать вас к кровати.

— Это уже слишком быстрое развитие отношений.

Лев Арсеньевич тяжело вздохнул.

— Молодой человек, либо вы сейчас выполняете указание, либо я действительно попрошу вас зафиксировать.

Я перестал улыбаться и снял рубашку, стесняться мне не чего, поскольку всегда старался держать себя в форме. Украдкой посмотрел на Веру, девушка старательно делала вид что ей совсем не интересно.

Врач провёл кристаллом над моей грудной клеткой. Внутри прозрачного камня вспыхнул белый свет. По коже начали проступать тонкие серебристые линии.

Они образовывали сложный узор, расходящийся от центра груди к плечам и рукам. Некоторые линии были ровными, другие оказались разорваны и почернели по краям.

Лев Арсеньевич нахмурился.

— Центральный узел уничтожен.

— Это плохо? — спросила Вера.

— Это необратимо.

Я посмотрел на светящиеся линии потом на врача.

— Можно немного менее загадочно?

Врач не отрывал взгляда от кристалла.

— Дар у вас был с рождения. Магическое ядро сформировано нормально, но его активность подавляла наследственная печать. Одновременно она скрывала родовую сигнатуру.

— То есть я всё это время был магом?

— Потенциально.

— А практически?

— Практически вы были человеком с полностью заблокированным ядром.

Я провёл ладонью по груди. Линии под пальцами не ощущались.

Двадцать четыре года. Школа, армия, учёба, работа — и всё это время внутри меня существовало нечто, о чём я понятия не имел.

— И теперь блок исчезает?

— Портальный разряд разрушил центральный узел. Оставшаяся часть печати уже распадается.

— Остановить это можно?

Лев Арсеньевич впервые посмотрел мне прямо в глаза.

— Теоретически можно попытаться наложить новое ограничение. Но повреждённое ядро может не выдержать повторной блокировки.

— Значит, не стоит.

— Я бы не рекомендовал.

— Не очень-то и хотелось.

Врач переместил кристалл к правой руке. На коже вспыхнул новый участок узора.

— Печать была наложена не на вас.

— На прадеда?

— Вероятнее всего. Она старая и закреплена за кровной линией. Каждый потомок наследовал ограничение вместе с даром.

Вера нахмурилась:

— Значит, кто-то намеренно заблокировал несколько поколений?

— Это предстоит установить следствию.

Словно в ответ на его слова дверь снова открылась.

В палату вошёл высокий мужчина лет сорока в тёмно-синем мундире Имперской жандармерии. На воротнике блестели капитанские знаки различия, а на груди находился небольшой эмалевый герб — серебряная башня на тёмном поле.

Родовой знак был скромным, без короны и щитодержателей.

Нетитулованное служилое дворянство.

Мужчина снял перчатки и коротко кивнул Вере.

— Товарищ лейтенант.

— Товарищ капитан.

Затем повернулся ко мне.

— Андрей Викторович Громов. Старший следователь отдела магических и родовых преступлений губернского жандармского управления. Мне поручено проверить обстоятельства наложения наследственной печати на вашу семью.

Его голос был негромким и ровным. Он не пытался произвести впечатление, но в палате сразу стало тише.

— Быстро вы, — заметил я.

— Живые якоря порталов класса А появляются не каждый день.

— Рад сделать вашу ночь интереснее.

На лице Громова ничего не изменилось.

— Я бы предпочёл провести её дома.

Я едва заметно улыбнулся.

Этот человек мне уже нравился.

Громов подошёл ближе и посмотрел на проявившийся узор печати.

— Разрешите?

Лев Арсеньевич кивнул.

Капитан снял с пальца тонкое серебряное кольцо и провёл им над моей грудью. Внутри металла вспыхнул тусклый свет.

Андрей Викторович закрыл глаза.

Несколько секунд стоял неподвижно, затем медленно провёл кольцом вдоль одной из линий.

— Работа профессиональная, — произнёс он. — Медицинское плетение. Есть разрешительная метка суда.

Вера удивлённо посмотрела на него.

— То есть печать наложили законно?

— По крайней мере, процедура была зарегистрирована.

Громов переместил кольцо к моему плечу. Свет внутри металла изменился, став холодно-синим.

— Но здесь есть второй слой.

— Какой? — спросил Лев Арсеньевич.

— Маскирующий.

Капитан нахмурился.

— Он скрывал не только активность ядра. Печать полностью закрывала кровную сигнатуру от поисковых артефактов.

Я напрягся.

— Шаховских?

Громов посмотрел на меня.

— Родовая структура совпадает с гербом, зафиксированным порталным резонатором.

— Значит, моего прадеда действительно от кого-то прятали?

— Похоже на то.

— От князя?

— Не спешите с выводами. Его могли скрывать от самого князя, от законных наследников или от врагов рода. Пока у нас нет ответа.

Громов убрал кольцо.

— Я запросил документы из Центрального архива магических ограничений. В связи с классом объекта запрос получил чрезвычайный приоритет.

На его служебной пластине вспыхнул сигнал.

— Быстрее, чем ожидалось.

Он открыл полученный документ. Над поверхностью возникло изображение старой регистрационной записи.

Громов молча прочитал первые строки.

— Сергей Петрович Вершинин, — произнёс он. — Возраст на момент процедуры — четыре года.

Я сжал край кровати.

— Мой прадед.

— Ограничение наложено по заявлению его матери, Анны Сергеевны Вершининой. Она являлась единственным официальным опекуном.

Вера подошла ближе.

— Там есть согласие?

— Есть. Заверено врачом и утверждено губернским магическим судом.

Громов пролистал документ.

— Опекун предупреждена о том, что печать будет передаваться прямым кровным потомкам. Любой совершеннолетний носитель дара имел право потребовать снятия ограничения.

Несколько секунд я молчал.

— То есть всё законно?

— По нормам того времени — да.

Я горько усмехнулся.

— Прекрасно. Получается, любой из моих предков мог подать прошение и вернуть дар.

— Именно так, — подтвердил Громов.

— Да. Если бы хоть кто-нибудь из них знал, что дар вообще существует.

В палате повисла тишина.

Насмешка исчезла из моего голоса. Вместо неё поднялась глухая злость.

Отец мог быть магом. Дед мог быть магом. Их всю жизнь лишали чего-то, что принадлежало им по рождению, и при этом оставили формальное право потребовать снятия печати. Право, о существовании которого никто не сообщил.

Громов не стал возражать.

— Законность процедуры не означает, что ваша семья была поставлена в известность надлежащим образом.

— А кто должен был сообщить?

— По старому законодательству — опекун. Государство не было обязано разыскивать потомков носителя печати.

— Удобная система. Чтобы узнать о скрытом даре, нужно подать запрос. А чтобы подать запрос, нужно знать о скрытом даре.

В глазах Громова появилось что-то похожее на одобрение.

— Современные нормы изменены именно из-за подобных случаев. Но печать накладывалась более ста лет назад.

— Значит, виноватых нет.

— Я этого не сказал.

Капитан открыл приложение к архивной записи.

— Здесь указана причина ограничения: «Для сохранения жизни ребёнка и сокрытия его кровной сигнатуры».

Вера нахмурилась:

— От кого его скрывали?

— В краткой записи не указано.

— А полное дело?

— Хранится в закрытом архиве. Потребуется оригинал заявления матери, протокол заседания суда и медицинское заключение.

Я посмотрел на него.

— А документы Шаховских?

— Их тоже запрошу.

— Они могут отказаться?

Громов спокойно убрал пластину.

— Отказать жандармерии они не имеют права.

— Звучит обнадеживающе.

— У старых княжеских родов есть множество способов не отказывать очень долго.

— А вот это уже звучит правдоподобно.

В уголке рта Громова мелькнула едва заметная улыбка.

— Кроме того, я проверю обстоятельства передачи земли вашему прадеду. Полное потомственное владение редко передают постороннему человеку.

— Может быть, он всё-таки хорошо строил сараи.

Громов бросил на меня невозмутимый взгляд.

— Это одна из рабочих версий.

Вера тихо рассмеялась, прикрыв губы ладонью.

Я посмотрел на неё:

— А вы говорили, что мои шутки сомнительные.

— Я смеялась над серьёзностью товарища капитана.

— Разумеется.

Лев Арсеньевич, всё это время изучавший показания приборов, постучал пальцем по краю диагностической панели.

— Если обсуждение сараев закончено, у нас остаётся медицинская проблема.

Все повернулись к нему.

Врач вывел на экран изображение печати. Центральная часть узора была разрушена, а от неё по остальным линиям расходились тёмные трещины.

— Печать продолжает распадаться. Есть два варианта.

— Судя по вашему лицу, хороший только один, — заметил я.

— Первый: ничего не делать. Тогда оставшиеся узлы разрушатся самостоятельно в течение нескольких недель.

— Звучит неплохо.

— Процесс может сопровождаться болями, судорогами, потерей сознания и неконтролируемыми выбросами. Кроме того, неравномерное пробуждение способно повредить магические каналы.

— А второй?

— Снять печать сейчас, в контролируемых условиях.

Я посмотрел на серебристые линии на руках.

— Если откажусь?

— Центральный узел уже уничтожен. Печать всё равно распадётся, только медленнее и значительно неприятнее, с теми симптомами что я описал.

— Умеете вы оставлять человеку выбор.

Лев Арсеньевич поправил перчатку.

— Выбор существует. Просто один вариант разумный, а второй включён в документы для полноты.

Вера отвела взгляд, скрывая улыбку.

— А согласие зачем? — спросил я.

— Потому что это ваше магическое ядро. Без письменного разрешения я не имею права вмешиваться, если нет непосредственной угрозы жизни.

— Значит, всё-таки формальность.

— Законная формальность.

Громов достал служебную пластину.

— Я выступлю свидетелем добровольного согласия.

Я взял предложенный артефакт. На экране появился текст разрешения.

Быстро прочитал основные пункты и нахмурился.

— Здесь сказано, что после снятия печати возможны изменения характера.

— Усиление раздражительности, эмоциональности или склонности к риску, — пояснил врач. — Такое встречается при пробуждении некоторых стихийных даров.

Вера скрестила руки на груди.

— Куда уж больше.

Я посмотрел на неё с притворной обидой.

— Вы плохо обо мне думаете.

— Я делаю выводы на основании наблюдений.

— После одной совместной поездки?

— Мне хватило первых пяти минут знакомства.

Я улыбнулся и поставил подпись.

— Снимайте. Раз уж всю жизнь был магом и не знал об этом, хотелось бы хотя бы пробуждение встретить в сознании.

Громов подтвердил документ своей печатью.

Подготовка заняла около двадцати минут.

Меня уложили на широкую платформу. Вокруг установили шесть прозрачных кристаллов, соединённых металлическими проводниками. Над грудью зависли подвижные кольца диагностического артефакта.

Громов остался у дальней стены. Он должен был официально зафиксировать снятие наследственного ограничения.

Вера находилась рядом с дверью.

— Вы можете подождать снаружи, — сказал я.

— Не могу.
— Приказ?
— Приказ.
— А я уже решил, что вы не хотите оставлять меня одного.
Она встретилась со мной взглядом.
— Семён, процедура может быть болезненной.
Впервые за всё время она назвала меня просто по имени.
Я заметил это и на мгновение перестал улыбаться.
— Я справлюсь.
— Знаю.

От её уверенности стало чуть спокойнее. Ненамного, но достаточно, чтобы не показать, как сильно меня пугает предстоящая процедура.

Лев Арсеньевич занял место у приборов.

— Начинаем. Не двигайтесь и не пытайтесь удерживать энергию внутри.

— А куда её девать?

— Кристаллы отведут излишки.

— Надеюсь, они знают об этом.

Врач активировал первый артефакт.

Над грудью вспыхнул белый круг. Наследственная печать проявилась полностью — сложная сеть серебристых линий, узлов и знаков.

Лев Арсеньевич коснулся одного из внешних узлов тонким жезлом.

Сначала я ничего не почувствовал.

Затем под кожей вспыхнул жар.

Я стиснул зубы. По рукам побежало покалывание, будто тысячи иголок одновременно коснулись нервов.

Первый узел погас.

Ближайший кристалл наполнился серебристым светом.

— Состояние? — спросил врач.

— Терпимо.

— Головокружение?

— Нет.

Лев Арсеньевич разрушил второй узел.

Во рту появился металлический привкус. Воздух наполнился запахом озона, как перед грозой.

Я услышал тихий треск.

По руке прошла тонкая молния и ударила в металлический проводник. Один из кристаллов вспыхнул ярче.

Вера невольно сделала шаг вперёд.

— Всё в пределах нормы, — сказал врач, не оборачиваясь.

— Вы часто говорите это, когда пациенты начинают искриться? — спросил я.

— Достаточно часто.

— Успокоили.

Следующий узел оказался глубже.

Когда жезл коснулся его, боль ударила в грудь. Я выгнулся, пальцы судорожно сжались.

Разряды заметались по платформе.

— Не удерживайте энергию! — приказал Лев Арсеньевич.

— Я не удерживаю!

— Тогда перестаньте пытаться её контролировать.

Легко сказать.

Всё внутри требовало сжаться, удержать, не дать неизвестной силе вырваться наружу. Но чем сильнее я сопротивлялся, тем острее становилась боль.

Я закрыл глаза и заставил себя расслабиться.

Серебристые искры вырвались из пальцев и ушли в кристаллы. Боль немного ослабла.

Никаких видений не было. Никаких голосов предков или картин прошлого. Только жар, гул крови в ушах и незнакомая сила, постепенно заполнявшая освободившееся пространство внутри. Я облегченно выдохнул.

Узел за узлом печать исчезала.

Я начал слышать работу приборов. Не обычные звуки — нечто другое. Каждый артефакт излучал собственную вибрацию. Защитные руны в стенах гудели низко и ровно. Диагностические кольца звенели тоньше.

Я чувствовал электрические провода под штукатуркой.

Чувствовал кристаллы.

Чувствовал присутствие Веры — мягкое, тёплое магическое поле возле двери.

И Громова — более плотный, собранный след, похожий на холодный свет.

А далеко за стенами больницы находился портал.

Я мысленно коснулся невидимой связи и едва не задохнулся.

Расстояние исчезло.

Серебристый диск ощущался так ясно, словно находился рядом. Я чувствовал защитные контуры, прохладную траву и слабую рябь на поверхности перехода.

Портал отозвался.

Не словами — движением, которое я воспринял внутри собственного тела.

Тут же отстранился. В горле неприятно пересохло и появился металлический привкус.

— Пульс растёт, — предупредил один из приборов.

Вера приблизилась к платформе.

— Семён?

Я открыл глаза, я ее не видел, но ощущал. Голова раскалывалась, но я постарался проговорить как можно увереннее.

— Всё нормально.

Она нахмурилась, кажется мне не поверили.

— Вы побледнели.

— Это больничное освещение.

— Не время для шуток.

Несмотря на резкость, в её голосе звучало беспокойство.

— Последний узел, — сообщил Лев Арсеньевич. — После него возможен сильный выброс.

Громов активировал защитный артефакт.

— Контур готов.

Вера положила руку на рукоять закреплённого у пояса устройства.

Врач направил жезл к центру моей груди. Я всего этого не видел, но картинка сама всплыла в моей голове.

— Готовы?

— Уже поздно передумывать.

— Это не ответ.

Я глубоко вдохнул.

— Готов.

Жезл коснулся последнего узла.

Мир взорвался белым светом.

Боль прошла сквозь тело от груди к пальцам. Я вскрикнул, не успев сдержаться. По рукам рванулись серебристые молнии.

Кристаллы вспыхнули один за другим.

В отделении погас свет.

На несколько секунд наступила абсолютная тишина.

Затем аварийные руны на стенах загорелись мягким голубым сиянием.

Я открыл глаза.

Воздух вокруг был наполнен тонкими нитями энергии. Я не видел их глазами, но ошибочно чувствовал. Теперь это ощущалось на много четче и объемнее, чем ли. Несколько секунд я лежал, пытаюсь привыкнуть.

Электричество возвращалось в приборы. Ток бежал по проводам внутри стен, наполняя помещение ровным гулом.

Над платформой снова зажглись диагностические кольца.

Лев Арсеньевич посмотрел на показания.

— Печать снята полностью.

Я медленно поднял руку. Между пальцами появилась тонкая серебристая дуга.

На этот раз она не сорвалась случайно. Несколько мгновений молния удерживалась между большим и указательным пальцами, а затем исчезла.

— Не пытайтесь повторить, — предупредил врач.

— Я и первый раз не пытался.

Громов подошёл ближе. Его кольцо снова вспыхнуло.

— Маскирующий слой исчез. Родовая сигнатура открыта полностью.

— И что теперь?

— Теперь любой поисковый артефакт Шаховских сможет определить вас как носителя их крови, если окажется достаточно близко.

Я опустил руку.

— Замечательно. Надеюсь, они не ходят по улицам и не ищут потерянных родственников.

— Старые рода иногда именно этим и занимаются, — спокойно произнёс Громов.

— Вы умеете успокаивать не хуже врача.

Лев Арсеньевич снял перчатки.

— Что чувствуете?

Я прислушался к себе.

Пальцы покалывало. Голова казалась тяжёлой. Магические приборы вокруг продолжали гудеть, каждый на своей ноте.

А портал находился далеко за городом и всё равно ощущался ближе любого из них.

— Голова тяжёлая. Пальцы покалывает. И все приборы вокруг будто шумят.

— Различаете отдельные источники? — спросил Громов.

— Пока всё сливается.

Это была ложь, но не полная. Я действительно ещё не понимал всего, что чувствовал. Однако отдельные источники различал прекрасно.

Вера подошла ближе.

— Портал ощущаете?

Я замер всего на мгновение.

Но Громов заметил паузу. Я понял это по его взгляду.

Перевёл глаза на Веру.

— После сегодняшней ночи я его ещё долго забыть не смогу.

— Это не то, о чём я спросила.

— Зато это правда.

Она внимательно смотрела на меня. В карих глазах мелькнуло сомнение. Простите Вера Андреевна, но всей правды вы от меня не дождетесь.

Андрей Викторович тоже задержал взгляд, но ничего не сказал.

Лев Арсеньевич выключил диагностические кольца.

— На сегодня достаточно. Вы останетесь в отделении минимум до утра.

— А потом домой? — спросил с надеждой, особо не рассчитывая на положительный ответ.

— Если показатели будут стабильны и штаб разрешит.

— Мой дом окружён оцеплением.

— Значит, вам пока некуда спешить.

Я сел, свесив ноги с платформы. Вера подала мне рубашку.

— Спасибо.

— Не привыкайте.

— Поздно.

Она покачала головой, однако не отвела взгляд сразу.

Громов собрал документы и убрал служебное кольцо.

— Я направлю запросы в архив магического суда и дому Шаховских.

— Когда ждать ответа?

— По государственным архивам — в течение суток. По княжескому дому предсказать сложнее.

— А если они узнают обо мне раньше?

— Думаю, что они уже знают.

Я насторожился.

— Почему?

— После снятия маскирующей печати ваша кровная сигнатура стала открытой. Родовые артефакты могли отреагировать немедленно.

Вера нахмурилась:

— Нужно поставить охрану.

— Я направлю запрос, — ответил Громов. — Пока гражданин Вершинин находится под наблюдением СКАМЯ, этого достаточно.

Он повернулся ко мне.

— Я выясню, почему вашу семью лишили знания о собственном даре. Но предупреждаю: ответ может вам не понравиться.

— Сегодня вообще мало приятных ответов.

— Зато вопросов стало значительно больше.

— Спасибо, товарищ капитан. Без вас я бы не заметил.

Громов едва заметно усмехнулся и направился к выходу.

У двери остановился.

— И ещё одно. До выяснения обстоятельств не пытайтесь самостоятельно связаться с домом Шаховских.

— Даже если очень захочется спросить, почему их князь раздавал землю моим предкам?

— Особенно тогда.

— Постараюсь сдержаться.

По выражению лица Громова было видно, что обещанию он не поверил, но к сведению принял.

После его ухода Вера получила новое сообщение из штаба.

Она прочитала его и устало вздохнула.

— Что теперь? — спросил я.

— Приказ сопровождать живой якорь продлён до отдельного распоряжения.

Я игриво улыбнулся:

— Похоже, судьба настойчиво пытается нас сблизить.

— Это штаб.

— Не будем спорить о названиях высших сил.

Вера придвинула к окну стул и села, положив пластину на колени.

— Вам нужно отдыхать.

— А вы будете сидеть здесь всю ночь?

— Пока меня не сменят.

— Могу уступить кровать.

— Не можете. Вы пациент.

— Тогда предложил бы половину, но боюсь, вы неправильно поймёте.

Вера медленно подняла на меня глаза.

— Я понимаю вас совершенно правильно.

— Это уже обнадеживает.

— Спите, Семён.

В её голосе не было прежней строгости. Скорее усталость и едва заметное тепло.

Я лёг и повернулся к стене.

Палата постепенно затихла. Остался только мягкий гул медицинских приборов и редкий шорох пальцев Веры по поверхности служебной пластины.

Я закрыл глаза.

Портал был там.

За несколькими километрами, между двумя яблонями, окружённый защитными контурами и вооружёнными сотрудниками СКАМЯ.

Я чувствовал его так ясно, будто серебристый диск находился прямо за стеной.

Переход оставался спокойным. Однако стоило сосредоточиться, как по невидимой связи проходила лёгкая волна.

Я мысленно потянулся к ней.

Где-то далеко поверхность портала дрогнула.

Я сразу прервал контакт и открыл глаза.

Вера продолжала читать отчёт, не замечая моего взгляда.

Я мог бы рассказать ей.

Возможно, она даже поверила бы. Но тогда информация сразу ушла бы в штаб. Начались бы новые обследования, новые запреты и новые люди, решающие, что мне можно чувствовать и куда разрешено идти.

Нет.

Пока я сам не пойму, чем является эта связь, никто о ней не узнает.

Я снова закрыл глаза.

За несколько километров от больницы по серебристой поверхности портала прошла лёгкая рябь.

Я не видел её, но почувствовал, как она быстро исчезла, не оставив следа.

Глава 7

Глава 7. Между снами Иваново, Россия.

12 июля 2010 года. Вечер.

Ника

К концу рабочего дня Ника чувствовала себя выжатой, хотя почти не устала физически.

Когда на часах показалось шесть, она одной из первых выключила компьютер, привела в порядок стол и попрощалась с коллегами. Обычно после работы Ника могла зайти в магазин, пройтись по торговому центру или неспешно прогуляться до остановки. Сегодня ей хотелось только одного — как можно быстрее оказаться дома.

Весь день окружающие слишком часто обращали на неё внимание.

Кто-то украдкой рассматривал её отросшие волосы. Кто-то задерживал взгляд на лице. Даже обычные разговоры, шаги и шорох одежды постепенно начали раздражать.

На улице легче не стало.

Город встретил её вечерней жарой, шумом машин и множеством голосов. Люди спешили с работы, заполняли тротуары и остановки. Воздух был наполнен запахами нагретого асфальта, пыли, духов и бензина.

Ника дошла до остановки и вместе с остальными вошла в подъехавший автобус.

Свободных мест не оказалось.

Она встала возле окна, взялась за поручень и постаралась ни на кого не смотреть. Со всех сторон её окружали люди. Чужие плечи, руки, голоса, дыхание.

Автобус тронулся.

Сначала Ника решила, что сможет потерпеть. Нужно было проехать всего несколько остановок.

Но с каждой минутой становилось хуже.

Мужчина за её спиной разговаривал по телефону, хотя говорил почти шёпотом, но это отвлекало, Ника невольно начинала прислушиваться. Женщина возле двери раздражённо громко спорила с ребёнком. Где-то в салоне шуршал пакет, пищал терминал при оплате картой, стучали по полу каблуки.

Ника слышала всё сразу.

Она попыталась отстраниться от звуков, как делала раньше, но в тесном автобусе сосредоточиться оказалось сложнее. Голоса накладывались друг на друга и превращались в тяжёлый гул.

К шуму добавились запахи.

Парфюм стоявшей рядом женщины показался удушающим. От кого-то пахло табаком, потом и жареным луком. Даже металлический запах поручня ощущался слишком отчётливо.

Ника крепче сжала пальцы.

Под ладонью тихо скрипнул металл.

Она сразу ослабила хватку.

«Только не сломай его. Только этого сейчас не хватало».

Автобус остановился. В салон вошли новые пассажиры, заставив людей придвинуться ещё ближе друг к другу.

Чьё-то плечо коснулось её руки.

Ника вздрогнула и неожиданно почувствовала вспышку чужого раздражения. Не услышала мысль и не увидела образ — просто на мгновение испытала эмоцию, которая явно принадлежала не ей.

Сердце забилося быстрее.

Двери начали закрываться.

— Подождите! — резко произнесла Ника.

Она протиснулась между пассажирами и в последний момент выскочила наружу.

Двери закрылись за её спиной. Автобус поехал дальше, оставляя после себя сизое облако выхлопных газов.

Ника несколько секунд стояла на остановке и глубоко дышала.

Дом находился ещё в трёх остановках.

Обычно она бы дождалась следующего автобуса, но одна мысль о том, что снова придётся войти в тесный салон, вызвала неприятный холодок.

Ника достала телефон, вставила наушники и включила музыку.

Мелодия не могла полностью заглушить окружающие звуки, однако дала возможность сосредоточиться на чём-то знакомом. Ника свернула с главной улицы и пошла дворами.

Здесь людей было значительно меньше.

Между домами лежали длинные вечерние тени. На детской площадке играли несколько ребятишек, возле подъезда беседовали две пожилые женщины, а в отдалении молодой мужчина выгуливал собаку.

Никто не толкался и не стоял слишком близко.

Постепенно напряжение начало отпускать.

Ника сама не заметила, как её шаг стал быстрее. Тело двигалось удивительно легко, почти невесомо. Казалось, стоило немного сильнее оттолкнуться от земли — и она взлетит.

Расстояние, которое раньше заняло бы не меньше сорока минут, теперь почти не ощущалось.

Она шла, слушала музыку и наблюдала за деревьями. Листья тихо шептались над головой, откликаясь на её присутствие. После душного автобуса их спокойный шелест казался особенно приятным.

Ника не замечала, как встречные прохожие оборачивались ей вслед.

Молодой человек, сидевший на скамейке, проводил её долгим взглядом. Девушка с коляской на мгновение замолчала посреди разговора. Даже дети на площадке перестали играть и посмотрели вслед легко шагающей незнакомке.

Сама Ника думала только о доме.

Добравшись до своего подъезда, она поднялась по лестнице, открыла дверь квартиры и с облегчением прислонилась спиной к стене.

Тишина.

После переполненного автобуса она казалась почти осязаемой.

Ника сняла туфли, переделась в свободную футболку и шорты, а затем прошла в большую комнату и расслабленно плюхнулась на диван.

Несколько минут она просто лежала, глядя в потолок.

День закончился.

Ника справилась с работой, не выдала себя и почти никого не напугала. Разбитая кружка не считалась. Во всяком случае, ей хотелось так думать.

За окном постепенно темнело.

Скоро наступит ночь.

При этой мысли внутри появилось странное волнение.

Ещё утром Ника боялась снова заснуть. Теперь же часть её ждала возвращения.

Серебряный лес, огромные деревья, тёмные горы и грот с каменным изображением казались реальнее обычного сна. Она помнила прикосновение к барельефу, боль и открывшиеся глаза крылатой женщины.

Помнила, как чувствовала весь мир.

Но воспоминания оставались обрывочными.

Ника знала, что провела там значительно больше времени, чем могла вместить одна ночь. Видела несколько восходов, ходила по лесу, спала под огромными серебряными листьями. Иногда ей казалось, что в том мире прошли целые дни.

Однако стоило попытаться восстановить их по порядку, как память начинала ускользать. Сколько времени проходило там за один час здесь?

Одна ночь — два дня? Три? Больше?

Она ни разу не прожила всё это полностью осознанно. Будто часть времени проваливалась в туман, а утром от неё оставались лишь разрозненные ощущения.

Ника повернулась на бок и посмотрела на часы.

До сна оставалось ещё несколько часов.

Сегодня она решила подготовиться.

Нужно было записать точное время, когда она уснёт. А в другом мире — постараться считать восходы и закаты. Возможно, тогда удастся понять, насколько быстро там течёт время.

Ника взяла со стола блокнот и написала на чистой странице:

«Время засыпания».

Немного подумав, ниже добавила:

«Количество прожитых дней».

Она посмотрела на записи и невесело усмехнулась.

Ещё неделю назад подобные слова показались бы началом неудачного фантастического рассказа.

Теперь от ответа зависело, сколько времени она на самом деле проводила вдали от собственного мира.

Вечер Ники пролетел быстро, и в 23:20 она начала готовиться ко сну. Перед тем как лечь, девушка ещё раз взглянула в блокнот и записала точное время. Затем забралась в кровать, устроилась поудобнее и закрыла глаза.

Через некоторое время появился уже знакомый гул. Он нарастал постепенно, обволакивал сознание, а потом утянул её в другой мир.

Ника очутилась на том же месте, у кромки леса.

Лес встретил её радостно, приветливо зашелестев листвой, словно узнал. Девушка с лёгкой улыбкой осмотрелась вокруг, но её внимание отвлёк шорох в траве. Ника замерла и прислушалась.

Шорох повторился — на этот раз сбоку.

Она медленно обернулась, стараясь не шуметь.

Невдалеке от неё стоял зверь и спокойно щипал траву. Он был похож на оленя, только его рога были гораздо более ветвистыми, а по ним тянулись светящиеся прожилки, мягко мерцавшие в полумраке.

Ника уже видела подобных существ во время единения с миром и знала, что они живут стаями: один самец, несколько самок и детёныши. Поэтому страха она не почувствовала. Только восхищение.

Затаив дыхание, девушка смотрела на зверя, а потом сама не заметила, как сделала шаг вперёд, затем ещё один. Осторожно, будто знакомясь, она протянула руку.

Зверь перестал щипать траву и с интересом уставился на неё. Некоторое время он просто стоял, настороженно поводя ушами, а потом медленно подался вперёд и понюхал воздух возле её ладони.

Ника боялась даже лишний раз вдохнуть.

Но в следующее мгновение зверь неожиданно потёрся мордой о её руку.

У Ники вырвался тихий восхищённый смешок. Она осторожно коснулась его шеи и начала гладить густую тёплую шерсть. Под пальцами перекачивались сильные мышцы. Зверь был живой, тёплый и удивительно настоящий.

Зверь был живой, тёплый и удивительно настоящий.

Он довольно прикрыл глаза и сильнее прижался к её ладони. Ника провела пальцами по густой шерсти на его мощной шее, всё ещё не веря, что незнакомое создание позволило ей подойти так близко.

По светящимся прожилкам на рогах медленно пробегало мягкое серебристо-голубое сияние. Оно то становилось ярче, то почти угасало, напоминая спокойное дыхание.

— Какой же ты красивый, — прошептала Ника.

Зверь шевельнул ушами, будто услышал её, и ещё раз потёрся мордой о плечо девушки. От неожиданности она тихо рассмеялась и обняла его за шею. На мгновение ей показалось, что он ответил на прикосновение, осторожно наклонив голову.

Но затем зверь внезапно отступил.

Ника опустила руки.

Олень развернулся и неспешно направился в глубь леса. Светящиеся рога покачивались над высокой травой, а длинные ноги ступали почти бесшумно.

— Ты куда? — растерянно спросила девушка.

Зверь не остановился.

Ника осталась на месте и проводила его взглядом. Наверное, он просто потерял интерес и решил вернуться к своему стаду. Она уже собиралась продолжить осматриваться, когда олень замер между двумя огромными деревьями.

Он повернул голову и посмотрел на неё.

На расстоянии его глаза казались совершенно чёрными, глубокими и блестящими. Ника встретила с ним взглядом, и у неё возникло странное ощущение, что зверь не просто оглянулся.

Он ждал.

— Ты хочешь, чтобы я пошла за тобой? — тихо спросила она.

Олень едва заметно качнул ветвистыми рогами, развернулся и снова двинулся вперёд.

Ника поколебалась лишь мгновение.

Вокруг не чувствовалось опасности. Напротив, лес оставался спокойным и доброжелательным. Его присутствие окружало её со всех сторон, мягко касалось кожи вместе с ветром и шелестело над головой серебряными листьями.

Она пошла следом.

Ника ступала осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. На ней по-прежнему не было обуви, но босым ногам было surprisingly удобно. Земля оказалась мягкой и тёплой. Ни сухие ветки, ни острые камни не попадались на пути, будто лес сам убирал их из-под её шагов.

Буреломов здесь почти не было.

Между гигантскими стволами тянулись широкие естественные проходы. Корни деревьев, способные, казалось, подняться выше человеческого роста, глубоко уходили в землю и не перегораживали дорогу.

Под ногами расстился густой мох. Он напоминал ягель, только был намного мягче и рос пышными серебристо-зелёными подушками. Тонкие веточки причудливо переплетались между собой и едва заметно светились изнутри. Когда Ника наступала на них, сияние на несколько секунд становилось ярче, а затем медленно угасало.

В некоторых местах среди мха виднелись крохотные цветы с прозрачными лепестками. Они раскрывались при её приближении и поворачивали головки вслед за девушкой.

Ника невольно замедлила шаг.

Высоко над ней серебряные кроны переплетались, образуя огромный живой свод. Сквозь листву проникали тонкие полосы света, но девушка так и не поняла, откуда они исходили. Небо почти не было видно, однако в лесу не казалось темно.

Воздух пах влажной землёй, свежей травой и чем-то сладким, напоминающим одновременно мёд и цветущую сирень.

По толстым стволам тянулись полупрозрачные лианы. Внутри них медленно двигались золотистые огоньки. Иногда один из них вспыхивал ярче, и тогда где-то в вышине отзывался тихий мелодичный звон.

Ника с восхищением осматривалась вокруг, едва успевая замечать всё новое.

На одном из деревьев росли крупные грибы с округлыми голубоватыми шляпками. Когда мимо прошёл олень, они по очереди сжались, словно испуганные маленькие зонтики, а затем снова расправились.

Где-то среди ветвей перекликались невидимые птицы. Их голоса были похожи не на обычное пение, а на перезвон тонких стеклянных колокольчиков.

Иногда между деревьями мелькали небольшие тени. Ника не успевала рассмотреть их, но чувствовала любопытные взгляды лесных обитателей.

Она всё больше убеждалась, что зверь действительно ведёт её куда-то.

Олень держался впереди на расстоянии нескольких шагов. Если Ника задерживалась, он останавливался и оглядывался. Убедившись, что она продолжает идти, снова двигался дальше.

— Я не потерялась, — сообщила ему девушка.

Зверь повёл ухом, но шага не замедлил.

Ника улыбнулась.

Через некоторое время деревья начали расступаться. Впереди показалась небольшая поляна, залитая мягким золотистым светом. Серебряный ягель здесь перемежался с высокой травой, а в центре росло невысокое дерево с широкими свисающими ветвями.

Олень остановился на краю поляны.

Ника приблизилась к нему и только тогда заметила, что впереди они были не одни.

В траве стояло небольшое стадо.

Три стройные самки с гладкими тёмно-серыми шкурами внимательно смотрели на незнакомку. Их рога были короче и тоньше, чем у самца, а светящиеся прожилки имели нежный голубоватый оттенок.

Рядом с ними прятались детёныши.

Ника насчитала четырёх. Они были совсем небольшими — с длинными ногами, крупными ушами и светлыми пятнышками на спинах. Вместо настоящих рогов на их головах виднелись мягкие округлые отростки, едва заметно мерцавшие.

Один детёныш выглянул из-за бока матери и с любопытством уставился на Нику.

Девушка замерла.

Самки не убегали, но держались настороженно. Их уши были направлены в её сторону, а тела оставались напряжёнными, готовыми сорваться с места при первом признаке опасности.

Самец шагнул на поляну.

Он приблизился к ближайшей самке и мягко коснулся её морды. Затем повернул голову в сторону Ники.

Несколько мгновений стадо словно безмолвно общалось.

Напряжение постепенно ослабло.

Одна из самок опустила голову к траве. Другая осталась наблюдать за девушкой, но уже не выглядела готовой бежать.

Тот самый любопытный детёныш осторожно вышел из-за матери.

Он сделал несколько неуверенных шагов в сторону Ники, остановился и принюхался.

Ника боялась пошевелиться.

Её сердце колотилось от восторга, но вместе с тем она чувствовала удивительное спокойствие. Словно эта встреча была не случайностью, а чем-то давно ожидаемым.

Самец вернулся к ней и легко коснулся носом её плеча.

Теперь Ника поняла.

Он привёл её к своей семье.

Любопытный детёныш сделал ещё один шаг.

Его тонкие ноги слегка дрожали, а большие уши то поворачивались к Нике, то прижимались к голове. Он явно хотел приблизиться, но всё ещё не решался окончательно оставить безопасное место рядом с матерью.

Ника медленно опустилась на колени.

Мягкий мох пружинил под ногами и приятно охлаждал кожу. Девушка старалась двигаться как можно осторожнее, чтобы не испугать малыша. Крылья она плотнее сложила за спиной, хотя серебристые перья всё равно слегка шевелились от каждого её движения.

— Иди сюда, — едва слышно прошептала она. — Я тебя не обижу.

Детёныш дёрнул ухом.

Возможно, он не понимал слов, но спокойный голос, похоже, подействовал. Он приблизился ещё на несколько шагов и остановился совсем недалеко.

Ника протянула ладонь.

Малыш вытянул шею, осторожно понюхал воздух, но сразу прикоснуться не решился. Его тёмный влажный нос едва заметно подрагивал.

Одна из самок напряжённо следила за происходящим. Она переступила с ноги на ногу, однако самец остался рядом с Никой и не проявлял беспокойства.

Это будто убедило её не вмешиваться.

Детёныш наконец приблизился.

Он осторожно ткнулся носом в кончики Никиных пальцев и тут же отскочил на полшага. Девушка замерла, боясь спугнуть его. Через мгновение малыш снова вытянул шею и теперь уже увереннее коснулся её ладони.

Ника улыбнулась.

— Вот так. Видишь? Ничего страшного.

Она осторожно провела пальцами по его морде.

Шерсть оказалась необычайно мягкой и тёплой. Под тонкой кожей чувствовалась частая пульсация крови. Детёныш сначала напрягся, но вскоре расслабился и позволил ей погладить себя между ушами.

На его лбу едва заметно светились два маленьких округлых отростка.

Ника осторожно коснулась одного из них.

Внутри мягкого рожка вспыхнула голубоватая искра.

Девушка удивлённо отдернула руку, а детёныш резко поднял голову. Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Затем малыш неожиданно фыркнул и ткнулся мордой ей в плечо.

У Ники вырвался тихий смех.

— Значит, не обиделся?

Детёныш снова потянулся к ней, но теперь его внимание привлекли крылья.

Он обошёл Нику сбоку и замер, разглядывая серебристые перья. Девушка повернула голову, пытаясь понять, что он задумал.

Малыш осторожно вытянул шею и понюхал край крыла.

Одно из перьев дрогнуло и легко коснулось его носа.

Детёныш испуганно отскочил, нелепо подбросив задние ноги. Ника не удержалась и расмеялась громче.

Малыш уставился на неё с таким оскорблённым видом, что стало ещё смешнее.

— Прости, — проговорила она, стараясь успокоиться. — Я не специально.

Детёныш недоверчиво повёл ушами, а затем снова приблизился к крылу. На этот раз он осторожно ткнул одно из перьев носом и быстро отступил, словно проверяя, нападет ли оно на него.

Перо лишь мягко качнулось.

Осмелев, малыш подошёл ближе и потёрся мордой о сложенное крыло.

Ника вздрогнула.

Перья оказались гораздо чувствительнее, чем она предполагала. Прикосновение отзывалось лёгким покалыванием вдоль спины.

Она осторожно отвела крыло в сторону.

Детёныш тут же потянулся следом.

— Нет, это не игрушка, — сказала Ника.

Малыш явно придерживался другого мнения.

Он снова попытался ухватить край пера губами, но Ника успела поднять крыло выше. Детёныш проследил за ним взглядом и тихо пискнул.

Самец издал короткий низкий звук.

Малыш замер, повернул голову к нему и нехотя отступил от Никиного крыла.

— Спасибо, — шёпотом сказала она взрослому зверю.

Тот спокойно смотрел на неё своими чёрными глазами.

Тем временем напряжение среди самок постепенно исчезало.

Одна из них опустила голову к траве. Другая приблизилась к детёнышу, осторожно обнюхала его и лишь после этого перевела взгляд на Нику.

Девушка не двигалась.

Самка подошла ближе.

В отличие от малыша, она не проявляла беззаботного любопытства. В каждом её движении чувствовалась осторожность. Светящиеся прожилки на тонких рогах мерцали ровным голубым светом.

Она остановилась перед Никой и долго смотрела на неё.

Ника вновь протянула руку, но не пыталась сократить расстояние.

Самка сама сделала последний шаг.

Её нос коснулся ладони Ники. Прикосновение было коротким, почти невесомым.

В то же мгновение девушка почувствовала слабое тепло.

Не физическое — другое.

В сознании промелькнуло ощущение настороженности, материнской заботы и постепенно возникающего доверия. Оно принадлежало не Нике, но было таким ясным, что ошибиться она не могла.

Девушка задержала дыхание.

Самка тоже почувствовала что-то.

Она резко подняла голову и взглядела в лицо Ники. На мгновение голубое сияние в её рогах стало ярче.

Ника испугалась, что зверь отступит, однако самка осталась на месте.

Девушка осторожно провела ладонью по её шее.

— Я вас не обижу, — тихо произнесла она.

На этот раз слова прозвучали почти как обещание.

Самка медленно закрыла глаза.

После этого к Нике начали приближаться остальные.

Второй детёныш оказался смелее первого. Он сразу подошёл к её коленям и принялся обнюхивать футболку. Третий держался позади, выглядывая из-за матери, а самый маленький и вовсе не отходил от её ног.

Первый малыш, уже освоившийся рядом с Никой, снова попытался подобраться к её крылу.

— Я всё вижу, — предупредила девушка.

Он замер, но лишь на мгновение.

Ника рассмеялась и осторожно раскрыла одно крыло.

По поляне пробежал серебристый отблеск.

Звери насторожились, но не разбежались. Детёныши подняли головы и с неподдельным восхищением смотрели на широкий веер перьев.

Один из них подпрыгнул, пытаясь дотянуться до кончика крыла.

Ника подняла его немного выше.

Малыш подпрыгнул снова.

Вскоре остальные детёныши тоже включились в игру. Они бегали вокруг неё, старались коснуться перьев носами и путались в собственных длинных ногах.

Самки спокойно наблюдали за ними. Лишь иногда одна из матерей издавала короткий предупреждающий звук, когда кто-то из малышей подобрался к крылу слишком близко.

Ника сидела среди них и смеялась.

Впервые с момента всех странных изменений она чувствовала себя совершенно спокойно.

Здесь никто не смотрел на неё с подозрением. Никто не задавал вопросов и не пытался понять, что с ней произошло.

Для этих созданий её крылья не были чем-то неправильным.

Она просто была частью леса.

Ника провела ладонью по спине прижавшегося к ней детёныша. Тот довольно вытянул шею и улёгся рядом, подогнув длинные ноги.

Остальные тоже постепенно успокоились.

Самец лёг немного в стороне, но продолжал наблюдать за Никой. Голубоватое сияние в его рогах медленно пульсировало в такт дыханию.

Девушка подняла взгляд на серебряные кроны.

Над поляной звенели невидимые птицы. Прозрачные цветы покачивались в траве, а мягкий ягель светился под ногами зверей.

Ника вдруг поймала себя на мысли, что не чувствует себя здесь гостьей.

Лес принял её.

И теперь его обитатели, кажется, тоже.

Некоторое время стадо оставалось на поляне.

Детёныши постепенно устали от игры и улеглись рядом с матерями. Один из них устроился почти у самых ног Ники, положив голову на мягкий ягель. Девушка осторожно гладила его между ушами, наблюдая, как мерцающие отростки на его лбу медленно тускнеют.

Самец лежал немного в стороне. Время от времени он поднимал голову и прислушивался к лесу, но вокруг всё оставалось спокойно.

Ника тоже расслабилась.

Она не знала, сколько просидела среди зверей. В этом мире время ощущалось иначе. Здесь не было ни часов, ни телефона, а свет почти не менялся под густыми серебряными кронами.

Однако постепенно стадо начало подниматься.

Первым на ноги встал самец. Он встряхнулся, отчего по ветвистым рогам пробежало мягкое голубоватое сияние, и оглядел поляну. За ним поднялись самки. Они осторожно подталкивали детёнышей мордами, заставляя тех оставить нагретые места.

Малыши поднимались неохотно.

Один из них сладко потянулся, широко расставив длинные ноги, и едва не завалился набок. Ника тихо рассмеялась. Детёныш посмотрел на неё с таким недовольством, будто она была виновата в его неловкости.

Вскоре стадо продолжило путь в глубь леса.

Ника пошла вместе с ними.

Теперь звери уже не держались от неё на расстоянии. Самки спокойно проходили рядом, а детёныши то забегали вперёд, то возвращались к девушке, стараясь привлечь её внимание.

Путь между огромными деревьями оставался ровным и приятным. Мягкий мох пружинил под босыми ногами, а высокие травы ласково касались щиколоток. Лес словно сам прокладывал дорогу перед стадом.

Звери неторопливо щипали траву и нежные побеги, росшие у корней гигантских стволов. Иногда они останавливались возле низких кустов с серебряными листьями и объедали молодые веточки.

Ника двигалась рядом и не уставала любоваться окружающим миром.

Чем дальше они уходили, тем необычнее становился лес.

Некоторые деревья были такими огромными, что их стволы напоминали стены древних башен. Кора на них складывалась в плавные узоры, похожие на письмена. В глубоких трещинах мерцал бледный зеленоватый свет.

С ветвей свисали длинные нити полупрозрачного мха. Они походили на ягель, только были мягче и тоньше, словно сотканые из серебристой шерсти. При каждом дуновении ветра нити покачивались и тихо звенели, соприкасаясь друг с другом.

Под деревьями росли широкие чашевидные цветы. Внутри каждого собирались капли прозрачной воды. Детёныши иногда останавливались возле них и пили, осторожно опуская мордочки в лепестки.

Один малыш чихнул, когда вода попала ему в нос.

Ника не удержалась от смеха.

Детёныш обиженно фыркнул и бросился за ней.

Девушка побежала между деревьями. Её ноги почти не касались земли, а сложенные за спиной крылья сами собой раскрылись, помогая сохранять равновесие.

Малыши устремились следом.

Они догоняли Нику, пытались ткнуться носами в её руки и хватали губами края длинной футболки. Девушка уворачивалась от них, смеялась и сама не заметила, как сильнее оттолкнулась от земли.

Крылья взмахнули.

Ника легко поднялась в воздух и опустилась на широкую ветку ближайшего дерева.

Она замерла, поражённая тем, насколько естественным получилось движение. Будто всё тело давно знало, как нужно взлетать.

Внизу остановились детёныши.

Несколько мгновений они растерянно смотрели вверх, а затем начали недовольно бить передними копытцами по мягкой земле.

— Что такое? — спросила Ника, свесив ноги с ветки. — Не можете достать?

Один из малышей подпрыгнул, но до неё оставалось ещё несколько метров.

Ника рассмеялась.

Детёныш снова ударил копытцем по земле и издал короткий жалобный звук.

— Ладно, ладно. Уже спускаюсь.

Она осторожно соскользнула с ветки, расправила крылья и плавно опустилась на землю.

Малыши тут же окружили её.

Один ткнулся мордой в живот, другой попытался добраться до крыла, а третий обиженно боднул Нику мягким лбом в бедро.

— Ну простите, — сказала девушка, опускаясь перед ними на колени.

Она по очереди погладила их мягкие носы и тёплые шеи. Детёныши быстро забыли обиду и снова начали толкаться, стараясь получить больше внимания.

Самки наблюдали за ними спокойно. Иногда одна из матерей подходила ближе и лёгким движением морды возвращала слишком разыгравшегося малыша к стаду.

Так они шли довольно долго.

Ника пыталась следить за временем. Она запоминала положение света, перемены в звуках леса и поведение зверей. Возможно, прошёл целый день. Возможно, лишь несколько часов.

Но когда сияние под кронами стало постепенно угасать, девушка поняла, что приближается вечер.

Звуки леса изменились.

Дневные птицы замолчали, уступая место низким протяжным голосам ночных существ. В густой листве начали загораться крохотные огоньки. Они неспешно перелетали с ветки на ветку, напоминая крупных светлячков.

Стадо вышло к небольшой низине, окружённой корнями древних деревьев. Землю здесь покрывал особенно густой серебристый мох. Место выглядело защищённым и тёплым.

Самец внимательно осмотрелся и первым лёг возле широкого корня.

Самки расположились вокруг него. Детёныши ещё некоторое время бродили между взрослыми, выбирая место, а затем начали укладываться рядом с матерями.

Ника остановилась в стороне.

Она не знала, стоит ли оставаться. Возможно, звери привели её сюда лишь на день, а теперь хотели отдохнуть.

Но тот самый детёныш, который первым подошёл к ней на поляне, поднялся и направился в её сторону.

Он остановился рядом, осторожно ткнулся носом в её ладонь, а затем улёгся у самых ног.

Ника улыбнулась.

— Значит, можно?

В ответ малыш лишь довольно вздохнул.

Девушка села на мягкий мох и прислонилась спиной к огромному корню. Детёныш придвинулся ближе, устроив голову у неё на бедре.

Вскоре рядом лёг ещё один.

Ника положила ладонь на его тёплую шею и подняла голову.

Над ней переплетались серебряные кроны. Между ветвями виднелись небольшие участки тёмного неба, усеянного незнакомыми звёздами. Некоторые из них казались слишком крупными и сияли голубым или зеленоватым светом.

По ветвям медленно ползли золотистые огоньки. Где-то вдали перекликались ночные птицы. Из глубины леса доносились шорохи и протяжные голоса незнакомых зверей.

Но Нике не было страшно.

Лес жил своей ночной жизнью, и она чувствовала себя её частью.

Рядом спокойно дышало стадо. Иногда один из взрослых зверей поднимал голову и прислушивался, но вскоре снова расслаблялся.

Ника провела пальцами по мягкой шерсти детёныша.

Она вспомнила оставленный дома блокнот.

Если сейчас действительно наступила ночь, значит, здесь прошёл как минимум один полный день. В её мире после засыпания могли миновать всего несколько часов или даже минут.

Нужно было продолжать считать.

Первый день.

Ника мысленно повторила эти слова, стараясь закрепить их в памяти.

Затем снова посмотрела на звёзды.

Впервые за долгое время ей не хотелось никуда спешить. Не нужно было думать о работе, объяснять перемены во внешности или терпеть чужие взгляды.

Здесь никто ничего от неё не требовал.

Ника закрыла глаза и стала слушать ночной лес.

Страх не было.

Только тёплое дыхание зверей рядом, шелест огромных крон и тихое ощущение, что этот мир продолжал узнавать её.

Ник у разбудил пронзительный крик.

Она резко открыла глаза и подалась вперёд, ещё не понимая, где находится. Сон слетел мгновенно.

Стадо уже вскочило.

Самки стояли, тесно окружив детёнышей. Малыши испуганно поводили ушами и жались к материнским бокам. Вожак замер в нескольких шагах от них, высоко подняв голову. Его уши непрерывно двигались, улавливая каждый звук ночного леса.

Вокруг было подозрительно тихо.

Исчез звон невидимых птиц. Смолкли шорохи в траве. Даже золотистые огоньки, ещё недавно кружившие между ветвями, спрятались в листве.

Ника медленно поднялась.

По телу пробежал холодок. Перья на крыльях приподнялись и встали дыбом, будто предупреждая об опасности раньше, чем она сама успела её осознать.

Девушка прислушалась.

Сначала ничего.

Потом её слух уловил далёкий хруст.

Что-то тяжёлое двигалось между деревьями. Оно старалось ступать тихо, но под его весом ломались ветки и едва заметно содрогалась земля.

Ника в недоумении посмотрела на вожака.

Зверь изменился.

Он вытянул шею, широко расставил ноги и расправил плечи. Шерсть на загривке поднялась, отчего самец стал казаться почти вдвое крупнее. Светящиеся прожилки в его рогах вспыхнули ярким холодным светом.

Из груди вырвался низкий протяжный звук.

Стадо сорвалось с места.

Самки устремились между деревьями, подгоня детёнышей. Мягкий мох заглушал удары копыт, и уже через мгновение звери начали исчезать в серебристом полумраке.

Ника не стала стоять столбом.

Она раскрыла крылья, оттолкнулась от земли и взметнулась на ветку ближайшего дерева.

Почти сразу кусты под ней разлетелись в стороны.

Из темноты выскочил гибкий, но тяжёлый зверь. Он напоминал огромную кошку: длинное тело двигалось низко над землёй, мощные лапы легко отбрасывали в стороны траву, а за спиной извивался толстый хвост.

Ника успела увидеть только блеск глаз и широкую пасть.

Хищник на мгновение остановился там, где отдыхало стадо. Опустил голову, втянул воздух, а затем стремительно бросился по следу.

— Нет! — вырвалось у Ники.

Она оттолкнулась от ветки и полетела следом.

Кроны гигантских деревьев мешали расправить крылья полностью. Нике приходилось перелетать с ветки на ветку, отталкиваться босыми ногами от коры и проскальзывать между серебристыми листьями.

Внизу мелькали спины бегущих зверей.

Стадо уходило вперёд.

Ника не успевала.

Сердце колотилось так сильно, что больно отдавалось в груди. В ушах шумела кровь. Адреналин гнал её вперёд, заставляя забыть о ветках, которые хлестали по рукам и цеплялись за одежду.

Впереди раздался яростный крик самца.

За ним последовал короткий высокий писк.

А потом наступила тишина.

Ника едва не промахнулась мимо следующей ветки. Пальцы скользнули по коре, но она успела ухватиться и подтянуться.

— Нет... пожалуйста...

Она снова поднялась в воздух.

Через несколько минут деревья расступились. Внизу показалась небольшая поляна.

Стадо остановилось в её центре.

Самки стояли тесной группой, окружив малышей. Детёныши дрожали и испуганно жались друг к другу. Самец носился вокруг них широкими кругами, временами останавливался и смотрел в сторону леса. Его бока тяжело вздымались, а свет в ветвистых рогах вспыхивал неровными волнами.

Ника опустила на широкую ветку и судорожно попыталась пересчитать детёнышей.

Один.

Второй.

Третий.

Она пересчитала снова.

Одного не хватало.

Того самого малыша, который первым приблизился к ней. Который обиженно бил копытцем, когда она пряталась от него на ветке. Который вечером положил голову ей на ноги.

Ника застыла.

Пальцы ослабли. Девушка привалилась плечом к стволу, боясь, что иначе упадёт.

— Нет...

Голос сорвался.

Ещё недавно она гладила его мягкую шерсть, касалась тёплого носа и смеялась, когда он пытался поймать её перья.

А теперь его не было.

По щекам потекли слёзы.

Ника закрыла рот ладонью, пытаясь сдержать всхлип, но не смогла. Боль оказалась неожиданно сильной — такой, словно она потеряла не дикого зверя, знакомого всего один день, а близкого друга.

Внизу одна из самок издала тихий жалобный звук.

Она то прижималась носом к оставшимся детёнышам, то поворачивала голову в сторону тёмного леса. Вожак подошёл к ней и коснулся мордой её шеи, но самка продолжала смотреть туда, где исчез хищник.

Ника заплакала ещё сильнее.

Лес ответил ей.

Сначала над поляной прошёл тихий шелест. Потом зазвенели серебряные листья, и звук разлился между деревьями мягкой успокаивающей мелодией.

В ней не было привычной радости.

Лес разделял её тоску.

Ника закрыла глаза и прислушалась.

Шелест становился глубже. Он проникал в сознание, вытеснял окружающий мир и постепенно складывался в новое ощущение.

Перед внутренним взором возникло огромное дерево.

Между его корней темнел узкий вход в нору. В глубине лежали несколько маленьких существ, похожих на котят. Они были худыми и слабыми. Тесно прижавшись друг к другу, малыши жалобно пищали и беспокойно обнюхивали пустую землю.

Голод.

Ника почувствовала его так остро, что внутри всё болезненно сжалось.

Они не ели уже три дня.

Один из малышей пытался подняться, но лапы не держали его. Другой без сил уткнулся носом в бок брата.

Затем у входа появилась мать. Та самая гибкая тяжёлая кошка.

Её бока были исцарапаны ветвями. Она тяжело дышала, а шерсть на морде потемнела от крови. В пасти хищница несла неподвижного детёныша из стада.

Котята ожили. Они радостно запищали и потянулись к матери. Та опустила добычу на землю, облизала одного из малышей и мягко подтолкнула его к долгожданной еде. В её движениях не было злобы или торжества. Только усталость, голод и забота о детёнышах.

Видение оборвалось.

Ника открыла глаза и судорожно вдохнула.

Слёзы полились ещё сильнее. Ей по-прежнему было больно. От увиденного малыш не вернулся. Не исчезли ни тоска, ни жалобный зов его матери.

Но злости больше не было. Хищница не убивала ради удовольствия. Она спасала своих детей так же, как самки внизу пытались защитить своих. Этот мир оказался жестоким. Таким же, как её собственный. Здесь одни существа отнимали жизнь у других, чтобы выжить и накопить потомство. Для одного семейства эта ночь стала трагедией, для другого — спасением.

Ника вытерла мокрые щёки, но слёзы продолжали течь. Она тихо плакала, прислонившись к тёплой коре.

Лес не пытался заставить её забыть о потере. Он шелестел над головой, принимая её боль и напоминая, что жизнь продолжалась даже тогда, когда это казалось несправедливым.

Внизу стадо постепенно успокаивалось. Самка теснее прижала к себе оставшихся детёнышей. Вожак остановился рядом с ней и устало опустил голову.

Ника смотрела на них сквозь слёзы. Внутри осталась тихая, тяжёлая грусть.

Но теперь она понимала: этот мир не был ни добрым, ни злым.

Он просто жил.

Глава 8

Глава 8. Родовой отклик

Вятская губерния. Губернская больница.

Арканологическое отделение. 14 июля 2010 года. 05:12.

Я проснулся от тихого гула.

Несколько секунд лежал неподвижно и смотрел в полутёмный потолок. В палате горел приглушённый ночной свет, а за окном только начинало сереть небо. Судя по всему, поспать мне удалось совсем недолго, хотя тело чувствовало себя так, будто я провалялся без сознания не меньше суток.

Гул не прекращался.

Он шёл отовсюду сразу. Я слышал ток в проводах за стеной, чувствовал ровную работу защитных рун и едва заметную вибрацию медицинских артефактов. Даже диагностический браслет на запястье воспринимался отдельной тёплой точкой — назойливой, чужой и слишком отчётливой.

Ещё вчера я не ощущал ничего подобного. Мир состоял из привычных звуков: голосов, скрипа половиц, гула заводских станков. Теперь за обычным шумом обнаружился второй слой, невидимый, но не менее настоящий. Электричество текло по зданию, магия держала защитные контуры, кристаллы медленно накапливали энергию. Всё это отзывалось во мне так, будто кто-то внезапно добавил новое чувство и забыл объяснить, как им пользоваться.

У окна сидела Вера.

Она задремала в кресле, опустив голову на сложенные руки. Служебная пластина лежала у неё на коленях, а несколько тёмных прядей выбились из хвоста и падали на лицо. Без строгой осанки и привычного служебного выражения она казалась непривычно спокойной — почти домашней.

Я осторожно приподнялся на локтях.

Голова не кружилась. Боли тоже не было. После снятия печати я ожидал проснуться разбитым, но тело, наоборот, казалось лёгким. Только под кожей время от времени пробегало холодное покалывание, словно внутри меня собиралась далёкая гроза.

Зато портал ощущался по-прежнему.

Он находился за несколько километров отсюда, между двумя яблонями, окружённый защитными контурами и сотрудниками СКАМЯ. Я не видел его, но точно знал, где он. Переход оставался спокойным и закрытым. Это знание не приходило словами — оно просто было во мне, такое же естественное, как ощущение собственной руки.

Мне всё ещё не нравилось, насколько привычной становилась эта связь.

Я перевёл взгляд на лампу над кроватью.

Стоило сосредоточиться, как внутри светильника что-то отозвалось. Я почувствовал тонкую нить тока, бегущую к лампе по проводам, и почти машинально потянулся к ней.

Лампа вспыхнула ярче, затем дважды мигнула.

Вера мгновенно проснулась. Её рука скользнула к поясу, где обычно крепился служебный артефакт, но, увидев меня, она расслабилась.

— Давно не спите? — спросила она, пытаясь прогнать остатки сна.

Несколько секунд я просто смотрел на неё. Растрёпанная и ещё не до конца проснувшаяся, она казалась удивительно милой. Потом Вера прищурилась, и я понял, что разглядываю её слишком откровенно.

— Только проснулся, — ответил я, постаравшись придать лицу невинное выражение.

Она потянулась, поправила выбившиеся пряди и посмотрела на лампу, которая уже перестала мигать.

— А она?

— Видимо, решила поддержать компанию.

Вера поднялась с кресла и подошла к кровати. Усталость всё ещё оставалась в её глазах, но движения снова стали собранными.

— Боль есть?

— Нет.

— Головокружение?

— Тоже нет.

Я улыбнулся:

— Вера Андреевна, вы так обо мне заботитесь.

Она нахмурилась, хотя настоящего раздражения в её взгляде я не заметил.

— То, что с вами произошло, Семён Михайлович, далеко не рядовой случай. Постарайтесь относиться к этому серьёзнее.

— Я стараюсь. Просто получается не всегда.

Вера взяла меня за запястье и проверила показания браслета. Её пальцы были прохладными. Я невольно прислушался к ощущению её прикосновения и тут же одёрнул себя. После пробуждения дара даже самые обычные вещи воспринимались слишком ярко.

— Пульс нормальный, — сообщила она.

Я позволил ей продолжить осмотр, а сам вновь прислушался к зданию. Всё вокруг по-прежнему гудело, звенело и отзывалось едва заметными колебаниями.

— Зато теперь я слышу, как работает вся больница.

Вера замерла и подняла на меня взгляд.

— Что именно слышите?

— Проводку. Приборы. Руны в стенах. Где-то через две палаты работает что-то очень неприятно звенящее.

Она машинально посмотрела в сторону стены.

— Там защитный накопитель.

— Значит, это он звенит.

Вера отпустила мою руку.

— Не пытайтесь воздействовать на приборы.

— Я всего лишь посмотрел на лампу.

Я потёр запястье под браслетом. Кожа под металлом начинала зудеть, а снять его без служебного ключа было невозможно.

— И она чуть не перегорела, — напомнила Вера, кивнув в сторону лампы.

За строгостью в её голосе чувствовалось беспокойство. Это было приятно, хотя признаваться в подобном я не собирался.

— Но не перегорела.

— Удивительное достижение.

Я решил сменить тему:

— Вы всё-таки провели здесь всю ночь.

— Таков приказ.

— В этом кресле?

Вера бросила на меня короткий взгляд.

— Я была на службе.

— Кресло от этого удобнее не стало.

— Вы только что перенесли снятие наследственной печати. Не вам беспокоиться о моей спине.

Я наклонился к ней и заговорщицки понизил голос:

— Теперь у меня грозовой дар. Возможно, защита людей от плохой мебели входит в мои новые обязанности.

Вера шумно вздохнула.

— Начните с защиты ламп от самого себя.

Она подошла к столику, налила воду и протянула мне стакан.

Наши пальцы соприкоснулись.

Между ними с тихим треском проскочила серебристая искра.

Вера резко отдернула руку. Несколько капель выплеснулись на одеяло.

Я удивлённо посмотрел на пальцы. По коже ещё пробежали крохотные искорки, но никакой боли они мне не причиняли.

— Это было случайно.

— Я вас ещё ни в чём не обвиняла, — произнесла она, растирая ладонь.

Мне стало неловко. Я не хотел причинить ей боль, даже такую незначительную. Но признаться в этом прямо почему-то оказалось сложнее, чем снова пошутить.

— Но уже успели подумать.

— Я подумала, что вам рано разрешать пользоваться электрическими приборами.

Она осторожнее передала мне стакан.

— А я надеялся, что, между нами, просто возникло напряжение.

Вера несколько секунд смотрела на меня, стараясь сохранить серьёзное лицо. Уголок её губ всё-таки дрогнул.

— Пейте воду.

— Это не опровержение.

Она отвернулась к столику, но улыбку я всё равно заметил.

Через несколько минут в палату вошёл Лев Арсеньевич Белозёров. Врач держал в руках диагностическую пластину и выглядел так, словно ночь для него ещё не закончилась.

— Проснулись, — произнёс он вместо приветствия.

— Как видите.

Лев Арсеньевич посмотрел на лампу.

— Она сама мигает? Сломалась?

— Семён проверял возможности дара, — спокойно ответила Вера.

— Я только посмотрел на неё.

Врач недовольно поджал губы.

— В вашем нынешнем состоянии иногда достаточно посмотреть с намерением.

Он подошёл к кровати и провёл диагностическим кристаллом над моей грудью. Внутри камня загорелся ровный серебристый свет. Я снова ощутил прикосновение чужой магии — сухое, прохладное и точное.

Лев Арсеньевич удовлетворённо кивнул.

— Каналы целы. Ядро стабильно. Следов повторного образования печати нет.

— Значит, можно домой? — с надеждой спросил я.

Врач посмотрел на меня поверх кристалла.

— Нет.

Я откинулся на подушку и уставился в потолок.

— Вы разрушаете надежды с поразительной лёгкостью.

— Я сохраняю вам здоровье. До повторной диагностики вы останетесь здесь.

Лев Арсеньевич коснулся экрана.

— Дар относится к грозовому резонансу. Электричество, атмосферные разряды, чувствительность к пространственным нарушениям. Точный потенциал пока определить невозможно.

— Звучит внушительно.

— Ближайшие дни возможны случайные выбросы. Не трогайте оголённые провода, не пытайтесь вызвать молнию и не проверяйте, выдержит ли ваше тело удар током.

Я нахмурился:

— Последнее кто-то действительно делал?

— Регулярно, — совершенно серьёзно ответил врач.

Вера скрестила руки на груди.

— Теперь понимаете, почему вас нельзя отпускать одного?

— Я пока не собирался обнимать трансформатор.

— Пока, — повторила она с таким выражением, будто всерьёз сомневалась, что я не отправлюсь делать это при первой возможности.

Лев Арсеньевич сделал пометку.

— Вам потребуется наставник. До его назначения любые самостоятельные тренировки запрещены.

— Даже с лампочками?

— Особенно с лампочками.

На пластине Веры появился сигнал. Она прочитала сообщение и заметно посерьёзнела.

— Пришёл отчёт с объекта.

Я сразу выпрямился.

— Что с порталом?

— Класс А сохраняется. Статус — якорный, условно стабильный. Рост не возобновлялся, выбросов не зафиксировано. Переход остаётся закрытым.

Она говорила чётко, словно зачитывала рапорт.

Я и сам чувствовал, что портал находится в стабильном состоянии. По невидимой связи не проходило ни одной тревожной волны. Но говорить об этом по-прежнему не собирался.

— А дом?

Вера пролистала отчёт.

— Строение цело. Внутрь никого не допускают без согласования.

— Яблони?

Этот вопрос мог показаться странным, но на участке мне был дорог почти каждый куст. Дом и сад оставались последним, что связывало меня с родителями, дедами и всей прежней жизнью, которая за одну ночь успела перевернуться.

Вера не удивилась. Она задержалась на одной из строк.

— При установке внешнего контура повредили одну ветвь.

— Ветвь или дерево?

Она ещё раз перечитала отчёт.

— Одно дерево получило повреждение ствола.

Улыбка исчезла с моего лица.

— Их дед сажал.

Слова прозвучали глуше, чем я хотел. Перед глазами на мгновение возникли его руки — большие, вечно пахнущие землёй и табаком. Я был ещё ребёнком, когда он показывал, как правильно белить стволы и обрезать сухие ветви.

Вера посмотрела на меня внимательнее.

— Повреждение внесли в акт. Вам выплатят компенсацию.

— Дереву от этого лучше не станет.

Она ненадолго замолчала.

— Я передам, чтобы без крайней необходимости на участке больше ничего не трогали.

Я поднял на неё взгляд.

— Буду признателен.

В этот момент дверь открылась, и в палату вошёл Андрей Викторович Громов.

Капитан жандармерии выглядел собранным, хотя тени под глазами выдавали бессонную ночь. Под мышкой он держал тонкую папку, в другой руке — служебную пластину.

— Доброе утро, — сказал я. — Хотя по вам не видно, что оно доброе.

— Для следствия утро ещё не наступило, — ответил Громов, приближаясь к кровати.

Он кивнул Вере и Льву Арсеньевичу, затем положил папку на тумбочку.

— Пришли первые архивные ответы.

Я поставил рядом стакан.

— Быстро.

— Портал класса А и обнаружение скрытой княжеской линии позволяют ускорить даже государственные архивы.

В его голосе прозвучала лёгкая ирония. Я в очередной раз отметил, что чувство юмора капитану всё-таки не чуждо. Просто он выдавал его малыми порциями, словно дефицитное лекарство.

Громов открыл первый документ.

— Печать была наложена на Сергея Петровича Вершинина, вашего прадеда.

Я коротко кивнул. Это мы уже установили ночью, но перебивать не стал.

— На момент процедуры ему было четыре года. Согласие дала его мать, Анна Сергеевна Вершинина, единственный законный опекун. Печать наложили в официальной арканологической лечебнице и утвердили решением губернского магического суда.

— То есть всё действительно законно?

— По нормам того времени — да.

Громов перелистнул страницу.

— Опекуна письменно предупредили, что ограничение будет передаваться прямым потомкам. Любой совершеннолетний носитель имел право потребовать снятия.

Я горько усмехнулся.

— Да. Если бы хоть кто-нибудь из нас знал, что дар вообще существует.

Внутри снова поднялась злость. Несколько поколений моей семьи прожили обычную жизнь, даже не подозревая, что у них отняли часть самих себя. Официально — законно. С разрешениями, печатями и подписями. От этого становилось только хуже.

Громов не отвёл взгляда.

— Законность процедуры не означает, что ваших предков должным образом уведомили.

— Но преступления нет?

— Пока нет доказательств преступления, — поправил капитан.

Он показал следующий документ.

— Отдельный маскирующий слой скрывал кровную сигнатуру Шаховских. Его оформили дополнительным прошением.

Вера подошла ближе и посмотрела на копию старинного документа.

— Кто подал прошение?

— В открытой части указано только: доверенный представитель северной ветви дома Шаховских.

— Имя скрыто? — спросил я.

— Закрито судебной печатью.

— Подпись князя есть?

Громов покачал головой.

— В медицинском деле — нет.

Я нахмурился.

— Значит, Всеволод Аркадьевич мог вообще не знать о сыне?

Назвать Сергея Петровича сыном князя вслух оказалось странно. Ещё страннее было понимать, что речь идёт о моём прадеде, а сам князь, вероятно, до сих пор жив и является моим прапрадедом.

— Мог, — ответил Громов.

— Но землю прадед получил от него.

— Именно.

Капитан достал из папки ещё один лист.

— Акт передачи дома и участка оформили значительно позже, когда Сергей Петрович уже был взрослым. Землю передал лично князь Всеволод Аркадьевич Шаховской.

Вера пробежала взглядом по копии.

— Полное потомственное владение?

— Да. Дом, участок, недра, магические источники и любые пространственные образования. Права переходят прямым потомкам.

Я откинулся назад.

— Получается, прадеда сначала спрятали, а потом князь лично подарил ему дом.

— Либо князь узнал о нём позднее, — ответил Громов.

Вера задумчиво коснулась пальцем края пластины.

— Или его скрывали не от князя.

Я перевёл на неё взгляд.

— А от кого?

Громов ответил раньше:

— От законных наследников, врагов рода или части самого дома Шаховских. Возможностей достаточно.

Я хмыкнул, оценив список возможных недоброжелателей.

— Обнадёживает.

— Это только версии, — спокойно напомнил капитан. — В краткой записи указано: «Для сохранения жизни ребёнка и сокрытия его кровной сигнатуры».

Я посмотрел на документ, а потом в окно все это так странно в детстве я мечтал, чтобы у меня каким-то образом проснулся дар, и вот этот день настал, но почему-то большого восторга во мне нет.

— И никто не написал, от кого именно сохраняли жизнь.

— Полное заявление матери находится в закрытом приложении. Я подал запрос на его получение.

— Долго ждать?

— Если столичный суд даст разрешение — несколько дней. Если глава рода откроет доступ добровольно — быстрее.

— Князь согласится?

— Не знаю.

Оторвав взгляд от окна, посмотрел на капитана, в удивлении приподняв бровь.

— Вы часто говорите это очень уверенно.

Громов спокойно сложил документы.

— Поэтому мне и доверяют расследования.

Вера тихо усмехнулась. Я бросил на неё взгляд.

— Кажется, вы начинаете ценить его чувство юмора больше моего.

— У капитана оно появляется реже, — ответила она.

— То есть ценность определяется редкостью?

— В вашем случае избыток заметно снижает стоимость.

Я приложил ладонь к груди, будто её слова действительно ранили меня.

— Жестоко.

Лев Арсеньевич, следивший за показаниями приборов, поднял голову.

— Не двигайтесь. У вас растёт активность ядра.

— Это не я. Это критика действует разрушительно.

— Разрушительно она действует на моё терпение, — сухо ответила Вера.

Громов снова включил пластину.

— Есть ещё одна новость.

Я сразу насторожился.

— Насколько плохая?

— Дом Шаховских уже знает о вашем существовании.

В палате стало тихо. Слышался лишь негромкий писк медицинских приборов и монотонный гул накопителя за стеной.

— Каким образом? — спросила Вера.

— После снятия маскирующей печати отреагировал родовой гобелен. Он зарегистрировал ранее неизвестную прямую линию крови.

Вот тогда я понял, что события в княжеском поместье уже начались без моего участия. Где-то далеко древний артефакт вписал моё имя в чужое родовое дерево, а люди, о существовании которых я вчера даже не задумывался, наверняка решали, что со мной делать, опять без моего участия. Это уже начинает раздражать. От легкого раздражения я сжал кулак, по руке пробежал разряд, но на этот раз он не вырвался наружу.

Я посмотрел на свою руку.

— И что именно он показал?

— Ваше имя, принадлежность к северной ветви, грозовую сигнатуру и приблизительное местонахождение.

— Удобно иметь такой артефакт.

— Для старого рода это необходимость.

— А титул он случайно не выдаёт?

— Нет.

В голосе Громова не было даже намёка на насмешку.

— Гобелен подтверждает кровь, но не законность рождения, право на титул или принадлежность к дому. Официально вы по-прежнему Семён Михайлович Вершинин.

— А неофициально?

— Прямой потомок князя Всеволода Аркадьевича.

Я ненадолго замолчал.

Где-то далеко жил человек, которому было больше ста тридцати лет. Человек, от которого началась скрытая линия моей семьи. Мой прапрадед. От одной мысли об этом в голове становилось тесно.

Вчера я был обычным заводским инженером. Сегодня выяснилось, что во мне течёт княжеская кровь, мой дар запечатали ещё до рождения нескольких поколений семьи, а древний гобелен уже сообщил обо мне людям, которых я никогда не видел.

— О чём думаете? — спросила Вера.

Я провёл ладонью по волосам.

— Решаю, что хуже: узнать, что князь ничего не знал, или выяснить, что знал всё.

Она ответила не сразу:

— Правда может оказаться сложнее обоих вариантов.

Я посмотрел на неё.

— Вы слишком долго общались со следователями.

Громов невозмутимо заметил:

— Это заразно.

Я усмехнулся, но напряжение не исчезло.

- И что теперь собираются делать Шаховские?
- Они направили в Вятскую губернию родового поверенного и мага-генеалога.
- Уже?
- Они выехали почти сразу после отклика гобелена.
- Быстро работают дальние родственники.
- Они пока не признали вас родственником, — уточнил Громов.

Я хмыкнул:

- Вы с Верой репетировали эту фразу?

Она подняла бровь.

- Нет. Просто оба умеем пользоваться точными формулировками.

Капитан продолжил:

— Маг-генеалог предложит подтвердить линию. Поверенный будет представлять интересы дома.

- Звучит так, будто мои интересы никто представлять не собирается.

- Поэтому не подписывайте никаких документов без независимого юриста.

Я прищурился.

- Они уже собираются что-то предложить?

- Старые рода редко отправляют поверенного только ради знакомства.

Вера скрестила руки на груди.

- Особенно когда у нового носителя крови есть портал класса А.

Несколько секунд я смотрел на них по очереди, да этот аргумент может быть решающим. Семён Вершинин никому из них не интересен, а вот якорь очень даже. Внутри опять начало разгораться раздражение и дар откликался на мои эмоции очередной волной энергии. В этот раз подавить ее получилось легче. Я как можно спокойнее проговорил:

- Значит, речь не только о семье.

— Портальное право принадлежит вам, — произнёс Громов. — Кровное родство ничего не меняет.

- А Шаховские могут попытаться это оспорить?

- Оспорить — да. Получить без вашего согласия — нет.

- Успокаивает слово «попытаться».

Я сжал край одеяла. Кажется, врач говорил, что после снятия печати может появиться вспыльчивость, сдерживаться было трудно.

Мысль о том, что неизвестные княжеские родственники могут претендовать на мой дом и портал, разозлила еще сильнее, чем до этого. Я ещё сам не успел понять, что именно мне принадлежит и во что превратится моя жизнь, а где-то уже собирались люди, готовые говорить о правах рода.

Прибор возле кровати затрещал. Лампа над головой мигнула, а по металлическому бортику пробежала серебристая искра.

Лев Арсеньевич нахмурился.

- Успокойтесь.

- Я спокоен.

Врач требовательно посмотрел на меня.

- Приборы считают иначе.

Я почувствовал, как напряжение внутри продолжает усиливаться, я различал его ясно: холодное покалывание в груди, движение по плечам и рукам, тяжесть в кончиках пальцев.

Я глубоко вдохнул, нужно взять себя в руки.

Подавить силу казалось самым естественным решением, но после ночной процедуры я уже знал, чем заканчиваются попытки удержать энергию внутри. Поэтому вместо этого осторожно направил её вниз, к заземляющей пластине кровати.

По металлу прошла тонкая серебряная дуга.

Лампа перестала мигать.

Напряжение ушло из плеч, оставив после себя слабую дрожь.

Лев Арсеньевич быстро посмотрел на показания.

— Вы сделали это сознательно?

Я разжал пальцы и медленно выдохнул.

— Кажется, да.

Вера внимательно посмотрела на меня. В её глазах мелькнуло одобрение.

— Уже лучше.

Я повернулся к ней:

— Это была похвала?

— Стороннее наблюдение.

— Я всё равно запомню.

Уголок её губ приподнялся.

Служебная пластина Веры подала сигнал. Она прочитала новый приказ, и улыбка исчезла.

— Мне предписано оставаться с вами до завершения встречи с представителями Шаховских.

Я оживился:

— Получается, теперь вы защищаете меня от моей семьи.

— Она ещё не ваша, — мягко напомнила Вера.

— Опять эта фраза.

— Может быть, со второго раза вы её услышите.

— Я всегда внимательно вас слушаю.

Вера посмотрела на меня с лёгким подозрением.

— Именно это меня и беспокоит.

Громов убрал документы в папку, прервав нашу пикировку.

— Представители дома должны прибыть в ближайшее время. Я встречу их у входа в отделение.

— А мне что делать?

— Не соглашаться на повторную проверку крови без моего присутствия.

Я тихо цокнул языком.

— Даже если очень вежливо попросят?

— Особенно тогда.

Казалось, Громова невозможно было задеть. Весь мой сарказм стекал с него, словно вода с брони.

Я посмотрел на Льва Арсеньевича. Вся эта ситуация нравилась мне всё меньше.

— А ваши образцы им не подойдут?

— Мои образцы являются медицинской тайной, — ответил врач. — Без вашего разрешения я их никому не передам.

— Приятно узнать, что хотя бы кровь пока принадлежит мне.

Фраза прозвучала шутливо, но внутри от неё стало неуютно. За несколько часов государство изучило мой дар, портал признал меня якорем, архивы раскрыли семейную тайну, а старый княжеский дом отправил ко мне поверенного. Собственная кровь действительно казалась последним, чем я ещё мог распоряжаться без чьего-либо разрешения.

В коридоре раздались шаги.

Не торопливые больничные шаги врачей или санитаров. Эти люди двигались спокойно и уверенно. Судя по звуку, их было несколько.

Я слышал их гораздо яснее остальных. Три человека. Один шёл чуть впереди, двое держались на полшага сзади. На одном из них работал защитный артефакт — ровное, холодное поле приближалось по коридору вместе с ними.

Громов остановился у двери.

На его пластине появилось короткое уведомление:

«Представители дома Шаховских прибыли».

Вера встала рядом с капитаном. Её поза сразу стала собранной, почти неподвижной.

Я поправил больничную рубашку и посмотрел на неё.

— Представительно выгляжу?

Вера медленно осмотрела меня с головы до ног.

— Для человека, которого княжеский дом потерял на несколько поколений, вполне.

— Значит, шансы произвести впечатление есть.

— Главное — не пытайтесь зажечь люстру.

— Постараюсь ограничиться обаянием.

За дверью остановились шаги.

Портал далеко за городом оставался спокойным, но внутри меня снова поднялось лёгкое электрическое напряжение. На этот раз оно было вызвано не разломом и не пробуждённым даром.

Просто за дверью стояли люди, которые, возможно, знали о моей семье больше, чем я сам.

Ручка медленно повернулась.

Глава 9

Глава 9. Цена родства

Вятская губерния. Губернская больница.

Арканологическое отделение. 14 июля 2010 года. 05:47.

Дверная ручка медленно повернулась.

Вера выпрямилась и отступила на полшага от кровати, заняв место так, чтобы одновременно видеть меня и входящих. Усталость исчезла с её лица, уступив место служебной собранности. Громов остался возле двери. Капитан сохранял привычное невозмутимое выражение, однако пальцы легли на край папки, словно он заранее приготовился запоминать каждое сказанное слово.

Первым в палату вошёл высокий мужчина лет пятидесяти.

На нём был безупречно сидевший тёмно-серый костюм. Серебряная цепочка часов исчезла в кармане жилета, ворот белоснежной рубашки плотно охватывал шею, а тщательно начищенные туфли совершенно не вязались с тусклым больничным полом.

На безымянном пальце правой руки виднелся массивный перстень с гербом Шаховских.

Я сразу заметил, что это был не родовой перстень крови.

Княжеский герб окружала тонкая серебряная цепь, а над щитом отсутствовала корона. Такие знаки носили присяжные слуги старых домов — люди, которым позволялось действовать и говорить от имени рода. Перстень не давал ни родства, ни права на наследство, но свидетельствовал о личном доверии главы семьи. Различать подобное нас учили еще в армейской учебке.

Подобной чести удостаивались единицы. Для человека, не рождённого Шаховским, право носить их герб считалось вершиной службы и открывало двери, закрытые даже для многих дворян.

Значит, вошедший не принадлежал к княжеской семье.

Но князь доверял ему достаточно, чтобы вложить в его руки собственный знак.

Седина едва тронула аккуратно уложенные волосы мужчины. Тонкие черты лица и спокойный взгляд создавали впечатление человека вежливого и рассудительного.

Однако я сразу заметил другое.

Войдя, незнакомец прежде всего посмотрел не на меня.

Его взгляд задержался на Громе, затем скользнул по форме Веры, диагностическим приборам и защитным рунам на стенах. Только оценив всех присутствующих и обстановку палаты, мужчина посмотрел на больничную кровать.

Следом вошла женщина лет тридцати пяти. Стройная, с прямой спиной и собранными в низкий узел русыми волосами. На ней было длинное тёмно-зелёное платье строгого покроя, поверх которого она накинула лёгкую дорожную накидку. В руках женщина держала продолговатый футляр из чёрного дерева.

Когда её взгляд встретился с моим, футляр едва слышно затрещал.

По серебряной застёжке пробежала тонкая голубоватая искра.

Женщина опустила глаза на артефакт. На её спокойном лице появилось искреннее удивление, но она быстро взяла себя в руки и крепче обхватила футляр пальцами.

Мужчина заметил реакцию, однако не прокомментировал её. Он остановился возле кровати и слегка наклонил голову.

— Семён Михайлович, позвольте представиться. Павел Сергеевич Арсеньев, поверенный северной ветви дома Шаховских.

Говорил он негромко, с безупречно выверенными паузами. Ни одного лишнего движения, ни намёка на спешку, хотя ради этой встречи ему, вероятно, пришлось подняться среди ночи.

Арсеньев сделал сдержанный жест в сторону своей спутницы.

— Елизавета Романовна Ланская, маг-генеалог и хранитель младших родовых линий.

Елизавета Романовна подошла ближе. Её взгляд на несколько мгновений задержался на моём лице, словно она сравнивала меня с человеком, которого хорошо знала.

— Рада знакомству, Семён Михайлович, — произнесла она мягче, чем я ожидал.

В её голосе не слышалось высокомерия. Только профессиональный интерес и лёгкое волнение, которое женщина старалась скрыть.

Я поправил ворот больничной рубашки и окинул посетителей внимательным взглядом.

— Звучит так, будто следом должны объявить условия наследства.

Вера, стоявшая у изголовья, чуть опустила подбородок. Уголок её губ дрогнул, но она тут же вернула лицу служебную строгость.

Павел Сергеевич позволил себе короткую улыбку.

— До наследства дело пока не дошло.

— Значит, рубашку я поправлял напрасно.

Арсеньев задержал на нём внимательный взгляд.

— Полагаю, Его Сиятельство не станет судить о вас по больничной одежде.

Я отметил сказанное, но внешне никак не отреагировал.

Значит, князю уже доложили. Более того, поверенный прибыл с конкретными поручениями и, судя по всему, успел переговорить с Всеволодом Аркадьевичем лично.

— Рад слышать, что первое впечатление ещё можно исправить, — ответил я с лёгкой улыбкой.

Павел Сергеевич посмотрел на меня внимательнее. Вероятно, пытался понять, шучу я от волнения или действительно не осознаю серьёзности своего положения.

Громов закрыл дверь и остался возле неё.

— Прежде чем мы начнём, — ровно произнёс капитан, — уточню, что гражданин Вершинин находится под государственной защитой как живой якорь портала класса А. Любые обследования и юридические действия проводятся только с его добровольного согласия.

Павел Сергеевич медленно повернул голову.

Его улыбка не исчезла, но стала заметно холоднее.

— Благодарю за напоминание, капитан. Дом Шаховских не намерен нарушать права Семёна Михайловича.

— В таком случае у нас не возникнет разногласий.

Несколько мгновений мужчины молча смотрели друг на друга.

Громов стоял неподвижно, не делая попытки смягчить ответ. Павел Сергеевич первым отвёл взгляд и поправил манжету рубашки, словно этот короткий спор не имел никакого значения.

— Несомненно, — произнёс он уже прежним доброжелательным тоном.

Елизавета Романовна поставила футляр на свободный край стола.

— Прежде всего я хотела бы убедиться, что родовой артефакт не допустил ошибки. Бесконтактной проверки будет достаточно. Она займёт не больше нескольких минут и не потребует образцов крови.

Я посмотрел на Громова.

Тот едва заметно кивнул.

— Процедура безопасна и не создаёт для вас юридических обязательств, — пояснил капитан.

— Вот так мне нравится больше, — заметил я, устраиваясь удобнее. — Сразу понятно, что именно произойдёт и чем закончится.

На этот раз Елизавета Романовна не стала скрывать улыбку.

Павел Сергеевич бросил на неё короткий взгляд, и женщина снова приняла серьёзный вид, хотя весёлые искры в её глазах не исчезли.

— Проверку можно провести немного позже, — сказал поверенный. — Сначала я хотел бы обсудить с Семёном Михайловичем несколько семейных обстоятельств.

Он перевёл взгляд на Громова, затем на Веру.

— Наедине.

Вера сразу напряглась. Её плечи расправились, а ладонь легла на служебную пластину, закреплённую у пояса.

— Я отвечаю за безопасность живого якоря. Оставлять Семёна Михайловича без наблюдения мне запрещено.

Павел Сергеевич посмотрел на неё с подчёркнутой вежливостью.

— Палата защищена несколькими контурами. Полагаю, несколько минут частной беседы не создадут угрозы.

— Угрозу определяете не вы, — спокойно ответила Вера.

Говорила она негромко, но в её низком голосе появилась жёсткость. Арсеньев едва заметно поднял брови, словно не ожидал подобного тона от молодой сотрудницы.

— Разумеется. Однако речь пойдёт об обстоятельствах, касающихся внутренней истории княжеского дома. Они не предназначены для посторонних.

— Семён Михайлович пока не является членом вашего дома, — напомнил Громов.

Капитан не повысил голоса, но после его слов в палате снова стало тихо.

Павел Сергеевич повернулся к нему всем корпусом.

— Именно его положение нам и предстоит определить.

— Правовое положение определяется законом, а не решением родового поверенного.

На лице Арсеньева не отразилось раздражения. Он лишь провёл большим пальцем по серебряной цепи, окружавшей герб на перстне.

— Я говорю не о юридическом статусе, капитан. Семья имеет право обсудить некоторые вопросы без присутствия государства.

— Семья ещё не признала его своим родственником.

— Родовой гобелен уже подтвердил прямую кровь.

— Артефакт подтверждает происхождение. Не членство в доме.

Я наблюдал за спором, не вмешиваясь.

Мне всё меньше нравилась настойчивость поверенного.

Арсеньев только вошёл, но уже пытался убрать из палаты следователя, сотрудницу СКАМЯ, врача и собственного мага-генеалoga. Всех, кто мог объяснить мне значение незнакомых формулировок или вовремя остановить разговор.

Значит, Павлу Сергеевичу было что сказать без свидетелей.

Именно поэтому я решил его выслушать.

Я расслабил плечи и позволил лицу принять немного растерянное выражение.

— А меня кто-нибудь спросит? — произнёс я негромко.

Вера сразу повернулась ко мне. В её карих глазах мелькнуло беспокойство.

— Решение за вами, — ответил Громов. — Но вы вправе потребовать присутствия следователя или независимого юриста.

Я посмотрел на Павла Сергеевича.

Поверенный стоял спокойно, всем видом демонстрируя терпение и открытость. Только его пальцы продолжали медленно поглаживать герб на перстне.

— Я не собираюсь предлагать вам ничего опасного или незаконного, — заверил Арсеньев мягким, почти отеческим тоном. — Мне лишь хотелось бы поговорить без лишней официальности.

Именно слово «лишней» окончательно убедило меня.

Громов и Вера были для поверенного не защитой пациента, а помехой.

Я опустил взгляд на собственные руки, будто обдумывал предложение. Между моими пальцами на мгновение мелькнула крохотная искра и сразу погасла.

— Думаю, пять минут ничего не изменят.

Вера нахмурилась.

— Вы уверены?

В её голосе не было приказной резкости. Она действительно хотела, чтобы я отказался.

Я поднял на неё глаза и улыбнулся немного беспечнее, чем чувствовал себя на самом деле.

— Павел Сергеевич приехал говорить о семье. Послушаем, что он скажет.

Она пристально смотрела на меня ещё несколько мгновений. Я надеялся, что Вера заметит: я не настолько доверчив, каким пытаюсь казаться.

Но девушка лишь сильнее сжала губы.

Громов оказался наблюдательнее.

Капитан слегка прищурился, задержав взгляд на моём лице. Затем медленно закрыл папку.

— Вы помните, что имеете право прекратить разговор в любой момент?

— Помню.

— И ничего не подписываете без проверки.

Я изобразил лёгкое удивление.

— Андрей Викторович, неужели я похож на человека, который подписывает бумаги не читая?

Павел Сергеевич ответил раньше Громова:

— Разумеется, нет.

Я перевёл на него открытый взгляд.

— Вот и договорились.

На секунду в глазах капитана появилось понимание.

— Мы будем за дверью, — произнёс он.

Вера всё ещё не двигалась. Она стояла неподвижно и напряжённо всматривалась в меня, словно искала повод остаться.

— Согласно приказу я не должна оставлять якорь без наблюдения, — твёрдо сказала она. Было видно, что Вера намерена выполнить свой долг, даже если я стану возражать.

— Дверь останется незапертой, — сказал Громов, словно не замечая колебания Веры. От его спокойного отношения к ситуации девушка с недовольством посмотрела на него и проговорила:

— Это не отменяет приказа.

Капитан подошёл к ней ближе и понизил голос:

— Пять минут, лейтенант. Мы останемся в коридоре.

Вера недовольно посмотрела на капитана, затем на меня. Смирившись, она вздохнула:

— При малейшем ухудшении состояния зовите сразу.

— Обязательно.

Вера выпрямилась и пошла в след за капитаном. Проходя мимо поверенного, она задержала на нём холодный взгляд.

— Пять минут.

— Этого будет достаточно, — уверенно ответил Павел Сергеевич.

Лев Арсеньевич забрал диагностическую пластину и последовал за Верой. Елизавета Романовна задержалась возле футляра.

— Он останется здесь, — пояснила она, заметив мой взгляд. — Артефакт уже настроился на вашу сигнатуру.

— Надеюсь, он не взорвётся, — пошутил я на автомате, хотя внутренне уже собирался перед предстоящим разговором.

— Родовые диски не взрываются, — серьёзно ответила она.

В её глазах при этом мелькнула улыбка.

Женщина уже направилась к двери, но остановилась и добавила:

— Обычно.

Я тихо рассмеялся.

Павел Сергеевич неодобрительно посмотрел на неё. Елизавета Романовна сделала вид, что не заметила его реакции, и вышла.

Громов покинул палату последним.

Перед тем как прикрыть дверь, капитан встретился со мной взглядом. Никакого знака он не подал, но я понял: Громов догадался, что эти пять минут нужны не только поверенному.

Дверь закрылась.

В палате остались двое.

Несколько секунд Павел Сергеевич молчал. Он дождался, пока шаги в коридоре стихнут.

Его манера поведения изменилась почти незаметно.

Плечи Арсеньева расслабились. В голосе стало меньше церемониальности. Теперь он смотрел на меня не как на равного участника переговоров, а как на молодого человека, которому собирался объяснить неприятную правду.

— Признаюсь, Семён Михайлович, я рад, что вы согласились поговорить без посторонних.

Он придвинул стул и сел возле кровати, не спрашивая разрешения. Расправил брючины и положил обе руки на набалдашник тонкой трости.

— Капитан Громов производит впечатление добросовестного человека, но он представляет интересы государства, — произнёс поверенный мягко и расслабленно, словно дядюшка, разговаривающий с племянником. Я позволил себе устало опуститься на подушки.

— А вы представляете мои? — тихо спросил я, не отводя от него взгляда. Мне было интересно, что он сейчас скажет и что станет обещать. Иллюзий по поводу княжеского дома, с которым меня связывала кровь, у меня не было.

— Я представляю дом, частью которого вы, вероятнее всего, являетесь по крови.

Не удержавшись, я хмыкнул и едва сдержал ухмылку. Попытался скрыть её, опустив голову, но, кажется, не слишком успешно: взгляд поверенного стал внимательнее.

Я понял, что он почти меня раскусил. Тут же отвёл глаза и потёр лицо ладонью, изображая усталость.

— Простите. Ночь была длинная. Я до сих пор не понимаю, что происходит.

Арсеньев немного расслабился.

— Это естественно. Ещё вчера вы не знали ни о даре, ни о своем происхождении. Сегодня вокруг вас сотрудники СКАМЯ, жандармерия и врачи. Каждый задаёт вопросы и требует немедленных решений.

— Примерно так всё и выглядит, — тише ответил я.

Я позволил плечам опуститься и устало провёл пальцами по краю одеяла.

Павел Сергеевич слегка наклонился ко мне. Его голос стал мягче, почти доверительным.

— Именно поэтому вам сейчас нужен человек, который объяснит положение без служебных формулировок.

— Буду признателен.

Я смотрел на него прямо и старался выглядеть человеком, отчаянно нуждавшимся в поддержке.

Внутри я оставался настороже.

— Скажите честно, Павел Сергеевич. Насколько всё плохо?

Поверенный сделал короткую паузу, словно решал, какую часть правды открыть.

— Положение сложное, но не безвыходное, — произнёс он с таким сочувствием, будто искренне переживал за меня. Однако я всё яснее чувствовал, где он говорит правду, а где осторожно уводит разговор в нужную сторону. Возможно, дело было в пробудившемся даре, а возможно, Павел Сергеевич просто не так хорошо скрывал намерения, как ему казалось. Не подавая вида, я продолжил играть по его правилам:

— Андрей Викторович сказал, что портал принадлежит мне.

— Формально — да.

Я заметил это слово, но лишь растерянно нахмурился.

— А что значит «формально»?

Арсеньев удобнее устроился на стуле.

— Земля находится в полном потомственном владении вашей семьи. Портал возник в границах участка и признал вас живым якорем. Оспорить ваше право собственности будет трудно.

— Значит, он всё-таки мой?

— По закону — да.

— Тогда в чём проблема?

Павел Сергеевич вздохнул, демонстрируя терпение человека, вынужденного объяснять очевидное.

— Право собственности неотделимо от обязанностей. Портал класса А невозможно содержать силами одного человека. Тем более человека без магического образования, капитала и необходимых связей.

Я медленно кивнул.

— Что именно я должен содержать?

Арсеньев начал загибать пальцы:

— Охрану, защитные контуры, постоянное наблюдение, работу артефакторов и операторов. Кроме того, владелец обязан предотвращать незаконные проходы, сообщать обо всех изменениях и отвечать за ущерб, если он возникнет по причине небрежности.

— И сколько всё это стоит?

Поверенный посмотрел на меня с выражением сдержанного сочувствия.

— Один внешний контур стоит больше вашего дома и участка вместе. Ежедневное содержание нынешней группы превышает ваш месячный доход.

Я постарался не показать, что уже слышал часть этого от Громова.

Я медленно выдохнул и посмотрел на диагностический браслет. Кажется, у меня уже получалось контролировать себя достаточно хорошо. Игра продолжалась, поэтому я заговорил всё тем же растерянным и доверчивым тоном:

— Мне выставят счёт?

— Не сейчас. Пока действует чрезвычайный режим, расходы покрывает государственный фонд.

— А потом?

— Потом потребуется определить постоянную форму управления.

Я потёр висок, продолжая изображать растерянность.

— Если я не смогу платить, государство заберёт портал?

Павел Сергеевич не ответил сразу. Он слегка наклонил голову, будто хотел смягчить неприятную новость.

— В случае неспособности владельца обеспечить безопасность переход может быть передан под временное государственное управление.

Это была правда.

Но я уже знал, что право собственности при этом сохраняется и существуют другие варианты: аренда, договор с государством, финансирование за счёт будущих доходов.

Поверенный о них не упомянул. Старый хитрый лис.

— Значит, я останусь владельцем только на бумаге?

— Всё зависит от того, насколько быстро будет найдено решение.

Арсеньев произнёс это спокойно, однако в его голосе появилось едва заметное давление.

Я опустил взгляд.

— Получается, сам я не справлюсь.

— Боюсь, что нет.

Сочувствие в голосе поверенного звучало почти искренне.

Я позволил ему увидеть тревогу.

— Тогда мне действительно нужна помощь.

Павел Сергеевич чуть расслабил пальцы на набалдашнике трости.

Он поверил.

— Именно поэтому я здесь.

— Дом Шаховских готов оплатить охрану?

— Не только охрану.

Поверенный заговорил увереннее:

— Мы предоставим вам наставника по грозовой магии, лечение в родовой клинике, юридическое сопровождение и защиту от давления государственных ведомств. Пока решается вопрос с вашим домом, вы сможете жить в одном из наших имений.

— А портал?

— Дом возьмёт на себя содержание контуров и переговоры со СКАМЯ.

— Звучит щедро.

Я произнёс это без насмешки и чуть приподнялся, словно предложение действительно вернуло мне надежду.

— И всё это оплатит князь?

— Дом Шаховских, — с лёгким нажимом поправил Арсеньев.

Он машинально повернул служебный перстень, и серебряная цепь вокруг герба блеснула в свете лампы.

— Его Сиятельство заботится о доме, а дом — о тех, кого принимает под своё покровительство.

Я посмотрел на перстень.

— Вы давно ему служите?

Вопрос, казалось, удивил поверенного.

— Двадцать семь лет.

В его голосе впервые прозвучало нечто похожее на искреннюю гордость.

— Мой отец служил управляющим одного из северных имений. Я начинал младшим секретарем.

Арсеньев на мгновение опустил взгляд на герб.

— Этот перстень мне вручил лично Всеволод Аркадьевич.

— Значит, князь вам доверяет.

— Иначе меня бы здесь не было.

Павел Сергеевич произнёс это без хвастовства, но выпрямился немного сильнее. Было видно, что служба Шаховским являлась для него не просто работой. Она определяла его положение, достоинство и всю прожитую жизнь.

— А что потребуется от меня? — спросил я.

Павел Сергеевич едва заметно улыбнулся.

— Сотрудничество.

— Какое?

— Разумное. Вы не можете заниматься всеми вопросами лично. Часть решений придётся доверить людям, обладающим необходимыми знаниями.

Я ненадолго задумался.

— Значит, специалисты будут управлять порталом?

— Они будут обеспечивать его безопасную работу.

— От моего имени?

Поверенный поправил край жилета.

— В ряде случаев. Это обычная практика.

— И Шаховским действительно нужен этот портал?

Вопрос прозвучал слишком прямо.

Павел Сергеевич замолчал. Его взгляд стал осторожнее.

Я тут же опустил голову и виновато улыбнулся. Кажется, на секунду я перестал контролировать себя.

— Простите. Наверное, глупо прозвучало. Я просто пытаюсь понять, почему старый княжеский дом готов тратить столько денег на человека, о котором ещё ночью ничего не знал.

Арсеньев некоторое время рассматривал моё лицо, пытаясь определить, не скрывается ли за вопросом нечто большее.

Я не отвёл взгляда, но позволил тревоге проступить сильнее.

Поверенный решил продолжить.

— Портал класса А представляет значительную ценность. Через него могут быть открыты новые территории, торговые маршруты и источники редких ресурсов.

— Значит, дело всё-таки не только во мне.

— Интересы семьи и интересы перехода связаны.

— А если я откажусь от помощи?

Павел Сергеевич слегка развёл руками.

— Вы окажетесь между несколькими влиятельными сторонами. Государство, частные общества, другие дворянские дома — каждый захочет получить доступ к переходу. Без сильного покровителя вам придётся вести переговоры с ними самостоятельно.

— А если покровитель будет?

Арсеньев ответил почти сразу:

— Тогда договариваться будут не с вами, а с домом.

Я медленно кивнул.

Вот оно.

Не только безопасность. Не только признание потерянного родственника.

Шаховские хотели стать стороной, без которой никто не сможет приблизиться к portalу.

Но на моём лице отразилось лишь облегчение.

— Наверное, так действительно проще.

— Намного проще.

Павел Сергеевич потянулся к лежавшей возле стула кожаной папке.

— Мы подготовили предварительное согласие на родовое покровительство. Оно позволит дому немедленно взять на себя ваши расходы и начать действовать в ваших интересах.

Он вынул несколько листов плотной бумаги. Внизу последней страницы уже мерцала печать северной ветви Шаховских.

Я принял документ обеими руками.

— Вы успели подготовить его ещё до проверки родства?

Вопрос прозвучал с искренним удивлением.

— Родовой гобелен почти не допускает ошибок. Кроме того, в подобных обстоятельствах промедление опасно.

Поверенный передал мне серебряное перо.

— После подтверждения линии соглашение вступит в силу немедленно.

Я посмотрел на длинные абзацы, ссылки на статьи и старые правовые нормы.

Большую часть формулировок я действительно понимал плохо.

Но теперь уже точно знал, что искать.

— Здесь сказано, что дом сможет представлять меня в государственных учреждениях.

— Без этого мы не сможем вести переговоры от вашего имени.

Я провёл пальцем ниже.

— А здесь что-то про соглашения по использованию пространственного объекта.

— Временные договоры, необходимые для содержания портала.

— Слово «необходимые» здесь не написано.

Пальцы Арсеньева крепче сжали набалдашник трости.

Я поднял глаза и сразу смущённо улыбнулся.

— Возможно, я неправильно понял. Никогда не разбирался в юридических бумагах.

Напряжение в лице поверенного ослабло.

— Такие формулировки имеют установленное законом значение.

— Разумеется.

Я медленно перелистнул страницу.

Чем дальше я читал, тем яснее становилась общая картина. Дом получал право выбирать охрану, вести переговоры от имени владельца, заключать временные соглашения и определять порядок допуска к portalу.

— А когда покровительство закончится?

Павел Сергеевич чуть заметно поджал губы. Впервые за всё время ответ не последовал сразу. Он провёл большим пальцем по гладкому набалдашнику трости, словно обдумывал наиболее понятную формулировку.

— Когда необходимость в нём исчезнет.

— А кто решает, исчезла она или нет?

— Родовой совет, — наконец произнёс Арсеньев. — С учётом заключения управляющего и специалистов, отвечающих за безопасность перехода.

Я медленно поднял голову.

— То есть дом Шаховских?

— Люди, обладающие необходимыми знаниями и несущие ответственность за принятые решения, — мягко поправил поверенный.

— А я в этом совете буду?

Вопрос прозвучал почти наивно.

Арсеньев слегка откинулся на спинку стула. В его глазах мелькнуло раздражение, однако голос остался терпеливым:

— Родовой совет состоит из признанных членов семьи и доверенных лиц Его Сиятельства.

— Вы в него входите?

— Нет. Я могу присутствовать на заседаниях и представлять порученные мне вопросы, но права голоса не имею.

Я кивнул, будто ответ меня удовлетворил.

— Допустим, я захочу отказаться от покровительства. Что тогда?

Арсеньев наклонился и указал пальцем на нижнюю часть страницы.

— Вы направляете письменное уведомление. После этого проводится окончательный расчёт обязательств и решается вопрос о передаче управления.

— Кому?

— Вам или выбранной вами стороне, если она соответствует требованиям безопасности.

— А если совет не согласится?

— Отказ нельзя просто не принять, — с лёгким нажимом произнёс Павел Сергеевич. — Но его исполнение может быть отложено до завершения расчётов и передачи дел.

Я провёл пальцем по мелким строкам.

— Здесь написано: «до полного погашения обязательств владельца перед управляющей стороной».

— Совершенно, верно.

— Каких обязательств?

Поверенный едва заметно вздохнул. Теперь его терпение всё больше напоминало снисходительность преподавателя к нерадивому ученику.

— Возмещение расходов, понесённых домом при содержании перехода.

— Всех?

— Подтверждённых отчётами.

— Которые составляет сам дом?

— Специалисты дома, — снова поправил Арсеньев. — Финансовые документы могут быть проверены государственным ревизором.

Я задумчиво покачал серебряное перо между пальцами.

— А пока идёт проверка, покровительство продолжает действовать?

— Разумеется. Портал не может остаться без управления.

— Удобно.

Павел Сергеевич вскинул взгляд.

Я тут же виновато улыбнулся:

— Для безопасности, я имею в виду.

Напряжение в лице поверенного немного ослабло.

— Именно.

Я перевернул страницу.

Следующий раздел касался распределения доходов. В нём было много длинных формулировок, но одна цифра сразу бросалась в глаза.

— Здесь написано, что мне полагается семьдесят процентов.

Арсеньев слегка улыбнулся и снова расслабился на стуле.

— Семьдесят процентов распределяемого дохода. Дом получает только тридцать.

— Щедро.

— Дом Шаховских не намерен лишать вас законной прибыли, — произнёс поверенный с достоинством.

Я медленно провёл пальцем по следующему абзацу.

Слово «распределяемый» повторялось в нём несколько раз.

— А что считается распределяемым доходом?

Павел Сергеевич поднял руку и аккуратно поправил манжету.

— Остаток после вычета расходов на содержание перехода.

— Охрана и контуры?

— В том числе.

— А что ещё?

Поверенный начал перечислять, сохраняя ровную деловую интонацию:

— Работа магов и технических специалистов, приобретение и износ артефактов, страхование, организация экспедиций, юридическое сопровождение, транспортные расходы, содержание постоянного представительства.

Я продолжил читать.

Перечень в договоре оказался значительно длиннее.

Кроме названного Арсеньевым, из доходов разрешалось вычитать вознаграждение управляющей стороны, расходы на проживание и охрану представителей дома, оплату внешних советников и формирование нескольких резервных фондов.

Одна строка особенно привлекла внимание:

«Иные фактические и предполагаемые расходы, признанные необходимыми управляющей стороной».

— Предполагаемые расходы тоже вычитаются?

Арсеньев слегка приподнял подбородок.

— Порталом класса А невозможно управлять, думая только о текущем дне. Необходим резерв на случай аварии, расширения контуров или подготовки крупной экспедиции.

— А размер резерва определяет управляющая сторона?

— По заключению специалистов.

— Которых выбирает дом.

Павел Сергеевич замер, но я уже склонился над документом, изображая полную сосредоточенность на сложном тексте.

— В основном да, — ответил поверенный после небольшой паузы. — Но их расчёты должны быть обоснованы.

— Кем?

— Родовым советом и ревизионной палатой дома.

Я задумчиво почесал подбородок.

На первый взгляд договор действительно отдавал мне семьдесят процентов.

Только сначала дом мог вычесть стоимость охраны, артефактов, экспедиций, юристов, собственное вознаграждение и любую сумму, которую решит отложить на будущие нужды. Затем оставшийся доход делился между сторонами.

Я получал большую часть.

Но только от того, что Шаховские решат оставить после всех расходов.

При желании остаток мог оказаться ничтожным.

Или не появиться вовсе.

— Допустим, портал принесёт сто рублей, — медленно произнёс я. — А дом потратит девяносто пять.

Арсеньев чуть нахмурился, услышав слишком простое сравнение.

— В реальности суммы будут иными.

— Допустим.

Я поднял перо и начал загибать пальцы свободной руки.

— Тогда остаётся пять рублей. Из них мне положено три рубля пятьдесят копеек, а дому — полтора рубля.

— Формально расчёт верен.

— При этом девяносто пять рублей дом уже получил как возмещение расходов.

Павел Сергеевич выпрямился. В его глазах впервые появилось настоящее раздражение.

— Не получил. Потратил на содержание принадлежащего вам объекта.

— Конечно.

Я снова опустил взгляд, будто смутился собственной прямооты.

— Просто пытаюсь понять.

Я перелистнул страницу.

— А если расходы окажутся больше доходов?

— непогашенная сумма переносится на следующий отчётный период.

— То есть становится моим долгом?

— Не долгом в обычном смысле, — осторожно ответил поверенный. — непокрытыми затратами управляющей стороны.

— Которые будут вычтены из будущих доходов?

— Да.

— До полного погашения?

— Разумеется.

Павел Сергеевич произнёс последнее слово уже суше, чем прежде.

Я медленно кивнул.

Теперь всё становилось окончательно понятно.

Если в первый год дом потратит больше, чем заработает портал, разница перейдёт на следующий. Потом появятся новые расходы, новые резервы и новые экспедиции. Я мог десятилетиями оставаться владельцем невероятно ценного перехода и почти ничего с него не получать.

А выйти из соглашения я смог бы только после погашения всех обязательств.

Размер которых определит сам дом.

— Интересная система, — негромко заметил я.

Арсеньев положил ладонь на край документа.

— Разумная. Дом принимает на себя все риски.

— А если портал окажется убыточным?

— Тогда убытки понесёт дом.

— Но они запишутся как непогашенные затраты.

Поверенный медленно убрал руку.

— Вы рассматриваете условия в наиболее неблагоприятном толковании.

Я поднял глаза. На моём лице всё ещё сохранялось выражение усталой растерянности.

— Я ведь не разбираюсь в законах. Приходится спрашивать.

Павел Сергеевич внимательно посмотрел на меня.

Несколько мгновений в палате слышался только ровный писк медицинского прибора.

— Именно поэтому вам нужен опытный представитель, — наконец произнёс Арсеньев.

— Самостоятельно разобраться во всех тонкостях вы не сможете.

Он снова протянул мне перо.

— Эти условия защищают вас от немедленных расходов и возможного банкротства. Дом берёт на себя ответственность, а вы сохраняете собственность и большую часть чистой прибыли.

Я посмотрел на серебряный наконечник пера.

— Где подписывать?

Павел Сергеевич расслабился.

Его плечи опустились, на лице вновь появилась мягкая, почти отеческая улыбка. Он раскрыл договор на последней странице и развернул его ко мне.

— Здесь. Полное имя и личная подпись. После родовая печать подтвердит ваше согласие.

Я склонился над бумагой.

Перо зависло в нескольких миллиметрах от строки.

— Павел Сергеевич?

— Да?

— Если я подпишу, вы сможете заключать договоры на использование портала без моего отдельного разрешения?

Поверенный чуть заметно задержал дыхание.

— Только в пределах предоставленных полномочий.

— То есть сможете?

— Для оперативного управления постоянное согласование каждого действия нецелесообразно.

— Сможете запрещать людям проход?

— Если этого требует безопасность.

— И разрешать?

— При соблюдении установленных правил.

— Определять стоимость прохода?

Арсеньев медленно сцепил пальцы на трости.

— Тарифы утверждаются управляющей стороной с учётом государственных сборов.

— Решать, какие экспедиции отправлять?

— Совместно со специалистами.

— А мне останется семьдесят процентов от того, что останется после ваших расходов.

Павел Сергеевич больше не улыбался.

— Вы слишком упрощаете сложную систему.

Я аккуратно положил перо на тумбочку.

— Наоборот. Пытаюсь убрать из неё всё лишнее.

Я расправил плечи и перестал изображать усталость. Мой взгляд стал спокойным и собранным.

Перемена оказалась настолько резкой, что Арсеньев не сразу нашёлся с ответом.

— Вы с самого начала не собирались просто рассказать мне о семье, — продолжил я. — Вы хотели получить подпись раньше, чем документ увидит Громов.

Павел Сергеевич медленно поднялся со стула.

Он поправил жилет и разгладил ладонью невидимую складку. Лицо вновь стало безупречно вежливым, но в глазах появился холод.

— Вы намеренно вводили меня в заблуждение.

— Я задавал вопросы.

— Вы изображали растерянность.

— Я растерян, — спокойно признал я. — Ещё вчера был инженером на заводе. Сегодня выяснилось, что у меня есть магия, прапрадед-князь и портал, который стоит дороже всего посёлка. Но растерянность не означает, что я должен доверять первому человеку с красивым перстнем.

Арсеньев машинально накрыл служебный знак ладонью.

— Этот перстень свидетельствует о доверии Его Сиятельства.

— Его доверии к вам. Не моём.

Поверенный поджал губы.

— Дом предлагает вам защиту.

— И право решать, кто со мной разговаривает, кто проходит через мой портал и сколько денег я в итоге получу.

— Дом принимает на себя расходы и ответственность.

— А я принимаю на себя долг, который ваш дом сможет увеличивать по собственному усмотрению.

— Вы неверно истолковали условия.

— Тогда Андрей Викторович быстро меня поправит.

Я перевёл взгляд на дверь и повысил голос:

— Андрей Викторович, можете войти.

Дверь открылась почти сразу.

Громов вошёл первым. Он двинулся неторопливо, но взгляд сразу остановился на договоре и лежащем рядом серебряном пере. За ним появилась Вера.

Увидев, что я сижу прямо и не выгляжу пострадавшим, Вера едва заметно расслабила плечи. Затем заметила холодное выражение лица Арсеньева и снова насторожилась.

— Всё в порядке? — спросила она, быстро подходя к кровати.

В её голосе звучало беспокойство, которое она даже не попыталась скрыть.

— Более чем, — ответил я. — Павел Сергеевич очень подробно рассказал, как дом Шаховских собирается защищать мои интересы.

Арсеньев повернулся к вошедшим и застегнул пиджак.

— Я представил Семёну Михайловичу стандартное соглашение о родовом покровительстве.

Громов протянул руку.

— Позвольте ознакомиться.

— Это внутренний документ дома.

Капитан не убрал ладонь.

— Его предложили подписать гражданину, который членом дома пока не является. Следовательно, документ уже вышел за пределы внутренних дел.

Несколько мгновений Арсеньев смотрел на него, затем передал договор.

Громов отошёл к окну и начал читать. Его лицо почти не менялось, но пальцы перелистывали страницы всё медленнее.

Вера встала рядом со мной.

— Вы действительно собирались подписать? — тихо спросила она.

В её глазах смешались раздражение и тревога.

Я слегка наклонился к ней.

— Нет.

— Но взяли перо.

— Хотел посмотреть, что он скажет, когда решит, что уже победил.

Вера на секунду прикрыла глаза и медленно выдохнула через нос.

— Вы могли предупредить.

— Тогда вы бы не вышли.

Она посмотрела на меня так, словно пыталась решить, сердиться или признать мою правоту.

— Конечно, не вышла бы.

— Вот поэтому и не предупредил.

Вера покачала головой. Однако в её взгляде, помимо недовольства, появилось уважение.

— Однажды ваше любопытство вас погубит.

Я улыбнулся:

— Зато не сегодня.

— Не испытывайте моё терпение.

— Уже перестал.

Громов поднял голову от договора.

— Полное право представительства владельца в отношениях с государственными органами, — перечислил он ровным тоном. — Право определять порядок допуска к переходу. Заключать соглашения об использовании без отдельного подтверждения владельца. Удерживать фактические и предполагаемые расходы.

Он перевернул страницу.

— Вознаграждение управляющей стороны определяется самим управляющим. Размер резервного фонда не ограничен. непогашенные затраты переносятся на следующие периоды.

Я посмотрел на Арсеньева:

— Значит, я всё понял правильно.

Поверенный сцепил руки за спиной.

— Вы выбираете наиболее неблагоприятное толкование каждого положения.
Громов нахмурился.

— Именно так и должен читать договор человек, чьи права он ограничивает.

— Дом Шаховских не станет искусственно завышать расходы.

— Тогда вам не составит труда указать предельные суммы и обязательный независимый аудит.

Арсеньев слегка побледнел, но сохранил ровную осанку.

— Условия могут быть уточнены позднее.

— После подписания основного соглашения? — спросил Громов.

— По взаимному согласию сторон.

Я хмыкнул:

— Которое от моего имени сможете давать вы.

Поверенный метнул на меня быстрый взгляд.

В палату вошли Лев Арсеньевич и Елизавета Романовна. Маг-генеалог сразу почувствовала напряжение. Она остановилась возле двери, посмотрела на Арсеньева, затем на раскрытый договор.

— Возникли сложности?

— Недоразумение, — сухо ответил Павел Сергеевич.

— Попытка подсунуть мне крайне выгодное предложение, — уточнил я. — Особенно выгодное дому.

На лице Елизаветы Романовны мелькнула тень неудовольствия. Она посмотрела на поверенного:

— Вы предложили соглашение до подтверждения линии?

— Гобелен уже дал ответ.

— Гобелен не заменяет диагностику.

Женщина произнесла это негромко, однако в её голосе чувствовалось раздражение профессионала, чьей работой решили пренебречь ради спешки.

Арсеньев поджал губы.

— Тогда предлагаю не терять времени и провести проверку.

Он сел в дальнее кресло, аккуратно положив трость поперёк колен. Теперь поверенный держался подчёркнуто отстранённо, но пальцы продолжали медленно сжимать набалдашник.

Елизавета Романовна подошла к футляру и раскрыла его.

Внутри на тёмном бархате лежал серебряный диск размером с ладонь. По краю шла тонкая вязь, в центре находился герб Шаховских — расщеплённое молнией дерево над тремя горными вершинами.

Женщина взяла артефакт обеими руками.

— Проверка бесконтактная, — пояснила она, посмотрев мне в глаза. — Я поднесу диск к вашему магическому полю. Может появиться тепло, покалывание или слабое давление в груди. Боли быть не должно.

— Если будет?

— Немедленно скажите.

Она говорила спокойно и чётко, не пытаясь скрыть ни одной детали.

Я бросил взгляд на Громова.

Капитан закрыл договор и кивнул:

— Процедура юридически ничего не меняет. Она только подтверждает происхождение.

— Согласен.

Елизавета Романовна подошла ближе к кровати. Её движения были осторожными, почти торжественными. Она остановилась в шаге от меня и подняла диск на уровень моей груди.

Сначала ничего не произошло.

Затем по серебряной поверхности пробежала голубая молния.

Я почувствовал лёгкое давление под рёбрами. Не боль — скорее едва заметный толчок изнутри.

Родовой артефакт задрожал в руках Елизаветы Романовны.

Она крепче сжала края.

Над диском возникла тонкая серебристая линия. Из неё начали проступать имена.

Всеволод Аркадьевич Шаховской - 1877 год рождения

Ниже появилась ветвь.

Сергей Петрович Вершинин – 1907 год рождения.

Затем ещё одна.

Александр Сергеевич Вершинин – 1934 год рождения.

Михаил Александрович Вершинин – 1960 год рождения.

Последним вспыхнуло имя:

Семён Михайлович Вершинин – 1985 год рождения.

В палате стало тихо.

Даже Павел Сергеевич перестал постукивать пальцами по трости.

Елизавета Романовна смотрела на проекцию широко раскрытыми глазами. В её лице не осталось прежней профессиональной отстранённости.

— Ошибки нет, — произнесла она почти шёпотом.

Женщина медленно опустила диск, но серебряная линия продолжала светиться.

— Вы прямой потомок князя Всеволода Аркадьевича.

Я смотрел на имена.

Всеволод. Сергей. Александр. Михаил. Я сам.

Пять мужчин, связанных тонкой серебряной нитью крови. Первый прожил больше ста тридцати лет. Второго ещё в детстве скрыли наследственной печатью. Третий и четвёртый прожили всю жизнь, даже не подозревая о дремавшем в них даре. И только в пятом сила рода наконец пробудилась.

Я почувствовал, как внутри поднимается тяжёлое, неприятное чувство.

Не радость.

Скорее осознание того, сколько лет у моей семьи украли вместе с правдой.

— Звучит так, будто я должен почувствовать себя другим человеком, — сказал я, стараясь вернуть голосу привычную лёгкость.

Елизавета Романовна внимательно посмотрела на меня.

— Не чувствуете?

— Чувствую голод. И желание вернуться домой.

На её губах появилась слабая улыбка.

— Это вполне нормальная реакция.

Павел Сергеевич поднялся с кресла. Он уже полностью вернул себе прежнее самообладание.

— Теперь происхождение подтверждено официально.

— Кровное происхождение, — поправил Громов, положив договор в свою папку. — Остальные вопросы потребуют отдельного решения.

Арсеньев посмотрел на него холодно.

— Документ принадлежит дому.

— Гражданину Вершинину была предложена копия. Она останется при нём для юридического изучения.

Я вытянул руку.

Громов передал мне папку.

— Спасибо. Почитаю перед сном.

— Не рекомендую, — заметил Лев Арсеньевич, проверяя показатели диагностического браслета. — Подобные документы вызывают бессонницу даже у здоровых людей.

Я посмотрел на врача:

— А я, значит, пока не подхожу под это определение?

— Вы пациент, который за последние десять минут едва не подписал соглашение с княжеским домом.

— Не собирался я его подписывать.

— Прибор этого не знает.

Вера тихо усмехнулась, но быстро вернула лицу серьёзность.

Павел Сергеевич дождался, когда разговор стихнет.

— Несмотря на возникшее недоразумение, предложение дома остаётся в силе.

Он говорил ровно, однако прежняя отеческая мягкость исчезла.

— Мы готовы предоставить Семёну Михайловичу наставника, медицинское наблюдение, охрану и юридическую поддержку. Условия управления порталом могут быть пересмотрены.

— Уже звучит лучше, — заметил я. — Особенно последняя часть.

Арсеньев оставил его реплику без ответа.

— Его Сиятельство поручил обеспечить вашу безопасность и пригласить вас в родовое поместье после выписки.

Я перестал улыбаться.

— Князь хочет меня видеть?

— Да.

Поверенный поправил служебный перстень. Теперь в этом жесте читалось не стремление подчеркнуть статус, а привычка человека, привыкшего помнить, чью волю он представляет.

— Всеволод Аркадьевич желает поговорить с вами лично.

— Он собирается приехать сюда?

Арсеньев посмотрел на больничную палату, словно сама мысль о подобном была странной.

— За вами направят экипаж.

— Значит, приглашение предполагает, что ехать должен я.

— Его Сиятельство редко покидает поместье без необходимости.

Я приподнял бровь.

— А я недостаточно серьёзная необходимость?

Елизавета Романовна опустила взгляд, скрывая улыбку.

Павел Сергеевич остался невозмутим.

— Напротив. Именно поэтому князь желает принять вас в родовом доме, а не обсуждать семейные дела в больничной палате.

— Это приглашение или приказ?

— Его Сиятельство не имеет права вам приказывать.

Арсеньев произнёс это с лёгкой заминкой.

Я заметил её.

— Но привык, что его приглашения принимают.

— Обычно люди считают их большой честью.

— У меня сегодня слишком много всего произошло. Не успеваю радоваться.

Вера повернула голову, пряча улыбку.

Павел Сергеевич смотрел на меня уже иначе — без прежней снисходительности. Теперь он видел во мне не растерянного провинциального инженера, а человека, с которым нужно считаться.

— Я передам Его Сиятельству, что вы согласились на встречу, — сказал он.

Я немного помолчал.

Мне хотелось увидеть человека, от которого началась скрытая линия. Задать вопросы о Сергее, печати и земле. Понять, почему князь передал сыну дом, но не дал своего имени.

— Я согласен приехать, — наконец произнёс я. — После выписки.

Павел Сергеевич коротко кивнул.

— Разумное решение.

— Но приеду как Семён Вершинин.

Арсеньев слегка нахмурился.

— Не понимаю.

— Без покровительства, без вступления в дом и без подписанных документов. Просто как человек, который хочет получить ответы от своего прапрадеда.

На слове «прапрадеда» Елизавета Романовна едва заметно вздрогнула.

Поверенный сохранил спокойствие, но его пальцы снова коснулись перстня.

— Я передам ваши условия.

— Это не условия. Просто пояснение, чтобы потом не возникло нового недоразумения.

Арсеньев наклонил голову.

— Разумеется.

Громов подошёл ко мне.

— До встречи с князем я подготовлю заключение по вашим правам и возможным способам финансирования портала.

Павел Сергеевич повернулся к нему:

— Дом способен обеспечить всё необходимое без вмешательства других сторон.

— Дом уже продемонстрировал предложенный способ, — сухо ответил капитан.

Арсеньев выдержал его взгляд.

— Первоначальные условия всегда подлежат обсуждению.

— Обычно после того, как вторая сторона их прочитает.

Вера тихо кашлянула, скрывая смех.

Поверенный взял перчатки со стола и начал медленно натягивать их, разглаживая каждый палец.

— Полагаю, наша встреча на сегодня завершена.

— Почти, — остановил я его.

Арсеньев замер.

— Всеволод Аркадьевич знал о Сергее?

Вопрос заставил всех присутствующих замолчать.

Павел Сергеевич не сразу поднял взгляд. Он закончил поправлять перчатку, расправил манжету и лишь после этого посмотрел на меня.

— Мне не поручено обсуждать личную историю Его Сиятельства.

— Значит, знал.

— Я этого не говорил.

— Но и не опровергли.

В моём голосе не осталось ни шутливости, ни притворной растерянности.

Елизавета Романовна медленно закрыла футляр. Её движения стали осторожнее, а взгляд на мгновение задержался на поверенном.

Я заметил эту реакцию.

Она знала.

Или по меньшей мере подозревала.

Арсеньев взял трость.

— Этот вопрос лучше задать князю лично.

Павел Сергеевич открыл дверь и посторонился, пропуская Елизавету Романовну.

Маг-генеалог задержалась у кровати.

— Семён Михайлович.
Я посмотрел на неё.
Женщина несколько секунд подбирала слова.
— Гобелен показывает только кровь. Он не объясняет поступки людей.
В её голосе звучало тихое сочувствие.
— Но скрытая ветвь не могла появиться на нём без причины.
— Это вы сейчас как специалист говорите?
Она бросила быстрый взгляд на Арсеньева.
— Как человек, который двадцать лет изучает историю рода.
— Елизавета Романовна, — негромко произнёс Павел Сергеевич.
В его голосе прозвучало предупреждение.
Женщина выпрямилась.
— До встречи в поместье.
Она вышла.
Павел Сергеевич задержался в дверях.
— Вам всё равно придётся выбрать сильного союзника, Семён Михайлович. Ни государство, ни другие дома не оставят переход без внимания.
Я откинулся на подушку и сложил руки на груди.
— Возможно. Но союзник и хозяин — разные понятия.
Взгляд Арсеньева стал задумчивым.
— Его Сиятельству будет интересно с вами поговорить.
— Взаимно. — тихо проговорил я.
Поверенный вышел, тихо закрыв за собой дверь.
Несколько секунд в палате царила тишина.
Затем Вера резко повернулась ко мне.
— Вы действительно с самого начала ему не доверяли?
Она упёрла ладони в бока. В её голосе всё ещё звучало раздражение, но теперь к нему примешивалось облегчение.
— Он ещё войти не успел, а уже начал считать, кого нужно удалить из палаты.
— И вы решили остаться с ним наедине.
— Хотел узнать, что он скажет без вас.
— Вы могли хотя бы дать понять, что задумали.
Я посмотрел на неё снизу вверх.
— Я пытался.
— Когда?
— Когда сказал Громову, что не подписываю бумаги не читая.
Вера недоверчиво прищурилась.
— Это, по-вашему, был тайный знак?
— Капитан понял.
Она перевела взгляд на Громова.
Тот стоял возле окна, изучая последнюю страницу договора.
— Понял, — подтвердил он, не поднимая головы.
Вера возмущённо выдохнула.
— И поэтому вы оба решили оставить меня в неведении?
Громов перелистнул страницу.
— Вы бы отказались выходить.
— Разумеется!
— Именно поэтому.
Она несколько мгновений смотрела на капитана, затем покачала головой.

— Прекрасно. Теперь их двое.

Я улыбнулся:

— Вы говорите так, будто это плохая новость.

— Для моего спокойствия — определённо.

Лев Арсеньевич подошёл к кровати и проверил браслет.

— Пульс повышен. Активность ядра тоже.

— После таких переговоров это нормально?

— Для вас, похоже, да.

Врач поправил очки и посмотрел на меня поверх оправы.

— В следующий раз, прежде чем изображать доверчивого простака перед княжеским поверенным, предупредите хотя бы лечащего врача.

— Вы тоже не разрешили бы.

— Совершенно верно.

— Вот видите.

Лев Арсеньевич тяжело вздохнул.

— Иногда я понимаю, почему на магов стихийного типа накладывают ограничения.

— Не подавайте им идеи.

Вера всё-таки рассмеялась. Смех вырвался неожиданно, и она поспешила прикрыть губы ладонью.

Я повернулся к ней.

— Наконец-то моё поведение оценили по достоинству.

— Я смеюсь не над шуткой, — возразила она, всё ещё улыбаясь. — А над уверенностью, с которой вы продолжаете ухудшать своё положение.

— Главное — делать это красиво.

Громов закрыл папку.

— Замысел был неплохим.

Я победно посмотрел на Веру.

Капитан поднял палец.

— Исполнение — неоправданно рискованным.

Моя улыбка стала слабее.

— Но сработало.

— Рискованный поступок не становится разумным только потому, что вам повезло.

— Это вы сейчас как следовательно говорите?

— Как человек, которому придётся разбираться с последствиями, если в следующий раз не повезёт.

Я кивнул, признавая справедливость замечания.

— Учту.

— Нет, — тихо сказала Вера. — Не учтёте.

Я посмотрел на неё.

Девушка вернулась в кресло и поправила выбившуюся прядь. В её движениях всё ещё чувствовалось раздражение, но плечи наконец расслабились.

— Вера Андреевна, почему такая уверенность?

Не смутившись ни на секунду, Вера выразительно посмотрела на меня.

— Я наблюдаю за вами с момента знакомства.

— И каков же вердикт?

Наши взгляды встретились.

— Вердикта пока нет, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Но наблюдений уже достаточно, чтобы понимать: при первой возможности вы снова полезете проверять, что скрывает опасный человек.

Я задумался.

— Звучит не лучшим образом.

— Потому что это не лучшая черта.

— Но полезная.

— Иногда.

Громов положил договор на тумбочку.

— Несмотря на способ получения, сведения оказались полезными. Теперь мы знаем исходную позицию дома Шаховских.

— Им нужен контроль над порталом, — произнёс я.

— Не только контроль, — уточнил капитан. — Они хотят стать единственной стороной, способной говорить от вашего имени. Тогда все государственные и частные структуры будут вынуждены договариваться с ними.

Вера нахмурилась:

— Но портал признал Семёна живым якорем. Без него полноценное управление невозможно.

— Поэтому им нужен и портал, и его согласие, — ответил Громов. — Желательно оформленное так, чтобы это согласие не приходилось получать повторно.

Я посмотрел на папку.

— А если я просто откажусь от всех предложений?

Громов подошёл ближе и опёрся ладонью о спинку свободного стула.

— Тогда придётся найти другой способ содержать переход. Государственная аренда, временное управление, частный договор или несколько инвесторов одновременно.

— Несколько инвесторов звучат ещё хуже одного княжеского дома.

— Возможно. Но конкурирующие стороны иногда лучше защищают интересы владельца, чем единственный покровитель.

Я задумчиво провёл пальцами по краю одеяла.

— Значит, от помощи Шаховских полностью отказываться не стоит.

— Не стоит, — согласился Громов. — Они обладают опытом, специалистами и средствами. Но договор должен ограничивать расходы, сохранять за вами право окончательного решения и позволять прекратить управление без согласия родового совета.

— И нормальную долю доходов.

— Доля в семьдесят процентов вполне нормальна.

Я удивлённо посмотрел на него.

Громов постучал пальцем по папке.

— Ненормально определение суммы, от которой она рассчитывается.

— Значит, я правильно заметил.

— Да.

В голосе капитана прозвучало сдержанное одобрение.

— Для человека, который не разбирается в праве, вы задали правильные вопросы.

Я расправил плечи.

— Наконец-то похвала без уточнений.

— Это наблюдение.

Вера негромко рассмеялась:

— Теперь вы понимаете, как это звучит?

Я хотел ответить, но внезапно почувствовал знакомое напряжение. Оно было не в собственном теле, а далеко, за пределами города, что-то дрогнуло.

Я замер.

Портал.

До этого переход оставался спокойной, неподвижной точкой на краю восприятия. Теперь по невидимой связи прошла слабая волна, похожая на натяжение струны.

Я медленно повернул голову в сторону окна.

Вера сразу заметила перемену.

— Что случилось?

— Не знаю.

Я закрыл глаза и прислушался.

Портал находился там же, между яблонями. Но его поверхность больше не была совершенно спокойной. По ней проходила рябь, а напряжение внутри защитных контуров постепенно усиливалось.

Служебная пластина Веры подала резкий сигнал. Она быстро сняла её с пояса и открыла сообщение. Улыбка исчезла с её лица. Голос девушки был напряжён:

— Отчёт с объекта.

Громов подошёл ближе.

— Что там?

Вера пробежала глазами несколько строк. Её брови сошлись.

— Зафиксирован рост внутреннего резонанса. Портал начал пульсировать после продолжительного отсутствия живого якоря.

Лев Арсеньевич посмотрел на меня:

— Вы это почувствовали?

Я открыл глаза.

Все ждали ответа.

Скрывать очевидное больше не имело смысла.

— Да.

Вера медленно опустила пластину, девушка выглядела все еще напряженной.

— Насколько хорошо вы его ощущаете?

Я ненадолго замолчал, обдумывая сколько я могу им раскрыть.

— Достаточно, чтобы понять: ему не нравится, что я далеко.

Громов бросил взгляд на неподписанный договор потом на Веру.

— Рост опасный?

— Пока нет, — ответила Вера, снова читая отчёт. — Показатели остаются внутри допустимого диапазона, но продолжают повышаться.

По лицу капитана совершенно было не понять расстроен он или взволнован, от этого заявления. Он не перестает меня восхищать.

— Сколько времени до выхода за пределы нормы?

— Группа не берётся прогнозировать. Связь с живым якорем ещё не изучена.

Я сжал пальцы, живой якорь, это определение уже начинает меня раздражать. Между ними проскочила тонкая искра. Я решительно посмотрел на собравшихся и сказал:

— Значит, в больнице я надолго не задержусь.

Лев Арсеньевич нахмурился, кажется что он не доволен:

— Решение о выписке принимаю я.

— А решение о том, когда портал перестанет ждать, принимаете не вы. — проговорила Вера. Похоже ситуации не перестает набирать обороты. Врач хотел возразить, но промолчал.

Вера подошла к окну и быстро набрала ответ группе.

— Я запрошу подготовку к вашему возвращению на объект. Но до стабилизации ядра вас никто не подпустит к самому portalу.

— Мне необязательно подходить вплотную.

Она обернулась.

— Откуда вы знаете?

Я посмотрел на свои руки.

— Не знаю. Просто чувствую.

Громов задумчиво постучал пальцем по папке.

— Поверенный оказался прав в одном. Решение по управлению переходом действительно придётся принимать быстро.

— Только теперь я точно знаю, какой договор не подпишу, — ответил я.

Я посмотрел на закрытую дверь, за которой исчезли представители Шаховских.

Несколько часов назад моей главной заботой была неисправная вентиляция на заводе.

Теперь государство, княжеский дом и, вероятно, ещё множество людей собирались бороться за право распоряжаться моей землёй и переходом.

А где-то между старыми яблонями портал продолжал пульсировать, словно напоминая всем:

последнее слово принадлежало не только людям.

Глава 10

Глава 10. Имперская ставка

Вятская губерния. Губернская больница.

Арканологическое отделение. 14 июля 2010 года. 09:26.

Я проснулся от ощущения, что за мной наблюдают.

Несколько секунд неподвижно смотрел в белый потолок, пытаюсь понять, что именно выдернуло меня из сна. За окном ярко светило солнце. Через неплотно задёрнутые шторы в палату проникала широкая золотистая полоса. Ночные светильники уже погасили, а защитные руны на стенах едва заметно мерцали в дневном свете.

У кровати стояла Вера.

Она держала в руках служебную пластину и с очень серьёзным видом изучала показания диагностического браслета. Волосы снова были собраны в высокий хвост, форма застёгнута на все пуговицы, а на лице не осталось и следа той сонной, растрёпанной девушки, которую я видел ранним утром.

Почти не осталось.

Под глазами всё ещё лежали лёгкие тени, а возле виска выбилась тонкая тёмная прядь.

Я не спешил сообщать, что проснулся, утром было решено оставить меня пока в больнице до полной стабилизации ядра. Лев Арсеньевич полностью оправдывает свое имя, ибо позицию лечащего врача он отстаивал как истинный хищник.

Снова посмотрел на девушку, лежал молча и рассматривал её, пытаюсь понять, сколько она вообще спала за последние сутки. Судя по напряжённым плечам и слишком сосредоточенному выражению лица — немного.

Вера провела пальцем по экрану, нахмурилась и наклонилась ближе к браслету.

— Показатели настолько плохие? — спросил я.

Она вздрогнула.

На короткое мгновение её лицо утратило привычную собранность. Вера резко выпрямилась и прижала пластину к груди, словно я застал её за чем-то недозволенным.

— Давно не спите?

— Достаточно, чтобы заметить, как вы опять обо мне беспокоитесь.

Она опустила пластину и посмотрела на меня с нарочитым спокойствием.

— Я проверяла состояние живого якоря.

— Значит, обо мне как о человеке вы не беспокоитесь?

— Я этого не говорила.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Вера поняла это почти одновременно со мной. Её пальцы крепче сжали край пластины, а взгляд тут же переместился на диагностический браслет.

Я приподнялся на локтях.

— Запомню.

— Лучше запомните, что вам нельзя резко вставать.

Она шагнула ближе и свободной рукой поправила подушку у меня за спиной. Я послушно приподнялся, позволяя устроить её удобнее.

На несколько секунд Вера оказалась совсем близко.

От неё пахло прохладой, чистой тканью и чем-то лёгким, едва уловимым — возможно, травяным мылом. Выбившаяся прядь скользнула по щеке. Мне захотелось убрать её, но я благоразумно оставил руки на одеяле.

Пока благоразумно.

Вера отстранилась чуть быстрее, чем было необходимо.

— Как себя чувствуете?

Вопрос она задала деловым тоном, но всё ещё избегала смотреть мне в глаза.

— Неплохо. Голова не болит. Пальцы не искрят.

Я поднял руку и внимательно осмотрел её.

Тонкая серебристая дуга тут же перескочила между двумя пальцами.

Я помолчал.

— Почти не искрят.

Вера закрыла глаза и тихо выдохнула.

— Вы сделали это намеренно?

— Нет.

— Почему-то я вам не верю.

— Несправедливо. Сегодня я ещё ничего не успел испортить.

Она бросила взгляд на часы.

— День только начался.

Я рассмеялся и откинулся на подушку.

Несмотря на усталость, рядом с Верой становилось легче. Возможно, потому, что она не смотрела на меня только как на потерянного потомка княжеского рода или живой магический инструмент. Для неё я оставался человеком, которого следовало удерживать от необдуманных поступков.

Пусть иногда слишком настойчиво.

Я прислушался к себе.

Магические приборы продолжали гудеть на разных частотах. Электричество текло по скрытым в стенах проводам, защитные руны отдавались ровной вибрацией, а где-то этажом ниже работал мощный накопитель, чей резкий звон раздражал слух. За время пока я спал ничего не изменилось.

Но сильнее всего я чувствовал портал.

Переход находился далеко за городом, между старыми яблонями, после ночного всплеска он немного успокоился, однако напряжение полностью не исчезло.

Я ощущал его как натянутую нить.

Портал ждал.

Он никак не влиял на меня на прямую, но всё равно оставался в сознании постоянной тяжестью. Чем дольше я находился в больнице, тем сильнее становилось странное чувство, будто оставил открытой дверь собственного дома и никак не мог вернуться, чтобы её закрыть.

Вера заметила, как изменилось моё выражение.

— Опять чувствуете портал?

Теперь она спрашивала без прежней осторожности. После вчерашнего отчёта скрывать саму связь уже не имело смысла. Настоящую её глубину я всё равно не собирался раскрывать.

Я кивнул.

— Он спокойнее, чем ночью.

— Что именно вы чувствуете?

Я задумался, подбирая слова, которые не выдавали бы слишком многого.

— Напряжение. Как будто долго держишь руку в неудобном положении. Она ещё не болит, но уже понятно, что скоро начнёт.

Вера нахмурилась и сделала отметку на пластине.

— Усиливается?

— Медленно.

— Почему сразу не сказали? – Сказала она недовольным тоном строгой учительница. В этот момент она выглядела особенно мило.

Я посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Потому что вы бы снова начали беспокоиться.

Вера остановила палец над экраном, щеки ее чуть заалели.

— Я не беспокоюсь.

— Конечно.

— Я выполняю приказ.

— Очень заботливый приказ.

Она подняла на меня глаза. В карих радужках мелькнуло раздражение, но губы дрогнули, выдавая совсем другую реакцию.

— Продолжайте в том же духе, и я попрошу продлить ваше пребывание в больнице.

— Не попросите.

— Почему это?

Я чуть наклонился к ней.

— Потому что тогда придётся провести со мной ещё одну ночь.

Несколько секунд Вера молча смотрела на меня.

Лёгкий румянец коснулся её щёк, но она тут же отвернулась к окну и принялась поправлять ремешок служебной пластины, хотя тот и без того лежал идеально.

— Вы слишком хорошо себя чувствуете, — сухо заключила она.

— Вашими стараниями.

— Моё терпение здесь ни при чём.

Я улыбнулся шире.

Она всё-таки начинала отвечать мне не только из служебной необходимости. Пока осторожно, почти незаметно, но я чувствовал изменение. Раньше Вера просто пресекала мои шутки. Теперь иногда подыгрывала, а затем сердилась на себя за то, что позволила мне это заметить.

Это было приятно.

И опасно увлекательно.

Дверь открылась, не дав мне развить успех.

В палату вошёл Лев Арсеньевич. Врач нёс диагностический кристалл и папку с результатами обследования. За ним следовала молодая медсестра с аккуратно сложенной одеждой.

Моей одеждой, неужели?

— Проснулись, — произнёс врач.

Я посмотрел на Веру.

— Сегодня все начинают разговор одинаково. У вас это медицинский протокол?

Лев Арсеньевич не отреагировал на шутку. Он поставил кристалл на тумбочку и протянул руку к браслету.

— Сядьте ровно.

Я послушно выпрямился.

Врач провёл кристаллом вдоль моей груди и плеч. Внутри прозрачного камня вспыхнули несколько серебристых линий. Они то становились ярче, то снова тускнели.

Лев Арсеньевич изучал показания долго. Его брови постепенно сходились, а губы сжимались всё плотнее.

— Вы специально делаете такое лицо, чтобы пациент начал бояться раньше диагноза?

— Нет. Это лицо человека, который пытается понять, как выписать пациента и при этом не пожалеть о своём решении.

Я оживился, значит хищник будет побежден.

— Значит, всё-таки выписываете?

Вера оторвалась от пластины и внимательно посмотрела на врача.

Лев Арсеньевич убрал кристалл.

— Ядро стабильно. Каналы выдержали пробуждение дара. Повторного формирования печати нет. Самопроизвольные разряды остаются слабыми. С этим поможет справиться хороший учитель.

— Звучит почти как разрешение.

— Не перебивайте.

Врач открыл папку и пробежал глазами заключение.

— В обычных обстоятельствах я оставил бы вас под наблюдением ещё минимум на сутки.

Улыбка исчезла с моего лица.

— Но?

— Но портал начал реагировать на ваше отсутствие. Если внутренний резонанс продолжит расти, медицинский риск станет меньше пространственного.

Он говорил с явным недовольством, словно портал намеренно вмешался в установленный порядок лечения.

— Поэтому вас выпишут сегодня.

Я почувствовал облегчение.

Мне хотелось домой. Хотелось увидеть участок, проверить яблони и убедиться, что сотрудники СКАМЯ действительно не разобрали половину двора ради установки своих контуров.

И всё же вместе с облегчением пришла тревога.

После больницы меня ждали портал, представители государства и князь, проживший больше ста тридцати лет. Здесь, в защищённой палате, можно было хотя бы на несколько часов притвориться обычным пациентом.

За дверями отделения эта возможность исчезала.

Лев Арсеньевич поднял палец.

— Выписка не означает, что вы здоровы.

— Уже понял.

— Не перебивайте.

— Молчу.

— Вам запрещено самостоятельно тренироваться, вызывать разряды, касаться портала без защитной группы и покидать Заречный без согласования со СКАМЯ.

Я нахмурился.

— Последнее медицинское требование?

— Нет. Но я с ним полностью согласен.

Вера едва заметно улыбнулась.

Лев Арсеньевич продолжил:

— При головной боли, судорогах, потере чувствительности, скачках температуры или усилении разрядов немедленно вызываете врача.

— А если просто станет страшно?

Врач посмотрел на меня поверх очков.

— Для этого рядом с вами оставляют лейтенанта Соколову.

Лев Арсеньевич отошёл к столу и занялся оформлением выписки. Медсестра оставила мою одежду на стуле и вышла, а врач остался в палате, время от времени поглядывая на показатели диагностического браслета.

Вера резко повернулась к нему.

— Что значит «оставляют»?

Словно отвечая на её вопрос, служебная пластина подала сигнал.

Она посмотрела на экран.

По мере чтения нового приказа выражение её лица становилось всё менее довольным. Вера выпрямилась, коротко провела пальцем по строкам и перечитала сообщение ещё раз, словно надеялась, что текст изменится.

Я наблюдал за ней с растущим интересом.

— Судя по лицу, новости хорошие. По крайней мере, для меня.

Она подняла на меня тяжёлый взгляд.

— Сопровождение живого якоря продлено до формирования постоянной охранной группы.

— Какая предусмотрительность.

Вера продолжила читать:

— Мне предписано присутствовать при вашем возвращении на объект, контролировать состояние дара, фиксировать реакцию портала и сопровождать вас на официальных встречах, связанных с переходом.

Я приподнял брови.

— На всех?

— На всех, — с плохо скрываемым недовольством подтвердила она.

— Даже на встрече с князем?

Вера задержалась на последней строке приказа.

— Особенно на встрече с князем.

У меня стало немного спокойнее.

Признаваться в этом вслух я не собирался, но мысль о встрече с Всеволодом Аркадьевичем вызвала неприятное напряжение. Я не знал, чего ожидать от человека, который мог оказаться моим прапрадедом, тайным покровителем семьи, виновником её бед или всем сразу.

Присутствие Веры не решало проблему.

Но делало её менее пугающей.

— Получается, вы теперь мой официальный сопровождающий.

— Представитель СКАМЯ при живом якоре.

— Слишком длинно. «Сопровождающая» звучит лучше.

— Не привыкайте.

— Поздно.

Вера попыталась нахмуриться, но взгляд выдал её раньше. На мгновение в нём мелькнуло тепло, которое она тут же спрятала за привычной строгостью.

— Я всё ещё могу попросить заменить меня.

Я чуть склонил голову.

— Но не попросите.

— Почему вы так уверены?

— Потому что никто другой не умеет настолько убедительно делать вид, что ему всё равно.

Вера замерла.

Её пальцы сжали пластину так сильно, что побелели костяшки. Она открыла рот, собираясь ответить, но в палату вошёл Громов.

Капитан остановился у двери и перевёл взгляд с Веры на меня.

— Я помешал?

— Нет, — слишком быстро ответила Вера.

— Да, — одновременно с ней произнёс я.

Она резко повернулась ко мне.

— Семён Михайлович.

В её голосе прозвучало предупреждение, но щёки снова слегка порозовели.

Громов невозмутимо закрыл дверь.

— В таком случае буду считать, что пришёл вовремя.

Под мышкой он держал узкий тёмно-синий футляр. На крышке мерцали несколько официальных печатей. Я узнал знак СКАМЯ и двуглавого орла имперской канцелярии. Остальные гербы принадлежали ведомствам, с которыми прежде никогда не сталкивался.

Громов подошёл к столу и осторожно положил футляр на свободное место.

Движения капитана были спокойными, но излишняя аккуратность выдавала важность содержимого.

Я посмотрел на печати.

— Надеюсь, это не ещё один договор о покровительстве.

— Нет.

— Уже хорошо.

— Не спешите радоваться.

Капитан подвинул к кровати стул и сел. Держался он прямо, положив ладони на колени. Тени под глазами стали заметнее, чем утром. Очевидно, после ухода представителей Шаховских он так и не отдохнул.

Вера осталась возле окна, однако вся её прежняя неловкость исчезла. Теперь она смотрела на футляр с профессиональной настороженностью.

— Что там? — спросила она.

Громов повернул к себе замок и приложил к нему служебное кольцо.

По крышке прошла золотистая линия. Печати одна за другой вспыхнули и погасли.

— Встречное предложение государства.

Я почувствовал, как внутри всё сжалось.

Ещё одно предложение.

Всего за несколько часов моя жизнь превратилась в торги, на которых каждая сторона обещала защиту, деньги и влияние. Шаховские хотели получить право говорить от моего имени. Теперь государство решило сделать собственный ход.

Я посмотрел на двуглавого орла на крышке футляра.

— Быстро вы работаете.

Громов открыл крышку.

Внутри лежали несколько папок, разделённых цветными закладками, и тонкий запечатанный конверт.

— Работа началась ещё ночью, когда портал подтвердил ваше право живого якоря.

— То есть до того, как выяснилось, что я связан с Шаховскими?

— Вы не принадлежите дому Шаховских, — спокойно напомнил капитан. — По крайней мере, официально.

— Арсеньев сказал бы иначе.

— Арсеньев говорит то, что выгодно дому.

Громов достал первую папку.

— После подтверждения прямого происхождения от князя предложение пересмотрели.

Я невольно усмехнулся.

— В большую сторону?

— Существенно.

Это слово прозвучало настолько сухо, что насторожило сильнее громкого обещания.

Лев Арсеньевич закрыл медицинскую папку.

— Если разговор касается государственных соглашений, пациент должен сначала переодеться и поесть.

Громов кивнул.

— Согласен.

Я перевёл взгляд с одного на другого.

— Неужели предложение настолько серьёзное, что его нельзя слушать в больничной рубашке?

Громов посмотрел на меня без тени улыбки.

— В нём предусмотрено учреждение наследственного баронства и представление вашего имени государю императору для пожалования титула.

В палате стало тихо.

Сначала я решил, что неправильно расслышал.

Медленно опустил взгляд на собственную больничную рубашку, потом снова посмотрел на капитана.

— Повторите.

— Правительство готово ходатайствовать перед Его Императорским Величеством о пожаловании вам наследственного титула барона. Центром нового владения станет Заречный.

Я молчал.

Новость не укладывалась в голове.

Вчера я был обычным инженером. Возвращался после смены, ел на кухне хлеб с чесноком и раздражался из-за сломанного вентилятора. Теперь напротив меня сидел капитан жандармерии и совершенно серьёзно сообщал, что моё имя собираются представить государю для пожалования баронского титула.

Я посмотрел на Веру.

Она тоже выглядела удивлённой. Губы слегка приоткрылись, а служебная пластина замерла в опущенной руке. Однако, заметив мой взгляд, Вера быстро выпрямилась и вернула лицу спокойствие.

— Не смотрите на меня, — произнесла она. — Я об этом ничего не знала.

— А я надеялся, вы объясните, как правильно реагировать на такие новости.

— Желательно не пытаться зажечь люстру.

Я поднял глаза к потолку.

— Люстры здесь нет.

— Именно поэтому отделение пока цело.

Несмотря на растерянность, я рассмеялся.

Напряжение немного отступило.

Громов терпеливо дождался, когда мы замолчим.

— Следует понимать порядок процедуры. Правительство подготовит представление и проект высочайшего указа. Земельное ведомство определит границы будущего владения, а Герольдическая палата проверит документы и подготовит проект вашего герба. Окончательное решение принимает государь.

— То есть император может отказать?

— Может. Но в случае вашего согласия императорская канцелярия готова рекомендовать пожалование.

— Но вы считаете это маловероятным?

— В случае вашего согласия и положительного заключения Сената Его Императорское Величество намерен пожаловать вам титул.

Я внимательно посмотрел на капитана.

— Государь уже знает обо мне?

— Его канцелярия знает. Личный доклад будет представлен сегодня.

От этих слов происходящее стало ещё менее реальным.

Громов продолжил:

— В случае высочайшего утверждения вы станете бароном Вершининым. Титул будет наследственным и перейдёт вашим законным потомкам вместе с основным владением.

Я машинально провёл ладонью по волосам.

Барон Вершинин.

Звучало так, будто речь шла о совершенно другом человеке. О ком-то, кто с детства учился правильно держаться на приёмах, знал законы дворянского собрания и не складывал рубашки в дорожную сумку комком.

Точно не обо мне.

— Титул является только частью предложения, — добавил Громов.

— Только частью, — повторил я.

Пол под кроватью будто начал медленно наклоняться.

— Что ещё?

Капитан достал второй документ.

— По обычному протоколу государство полностью финансирует первичное исследование частного портала в течение одного месяца.

— Мне об этом уже говорили.

— В вашем случае предлагается увеличить срок до трёх месяцев.

Я насторожился.

— Почему?

— Потому что портал класса А связан с живым якорем, обладает неизвестной структурой и, вероятно, имеет стратегическое значение.

Громов говорил прямо, не пытаясь смягчить формулировки.

— В течение трёх месяцев казна полностью оплачивает охрану, защитные контуры, работу специалистов, медицинское наблюдение, строительство временной исследовательской станции и компенсацию любого ущерба Заречному.

— А потом выставит счёт мне?

После разговора с поверенным Шаховских вопрос вырвался почти автоматически.

Громов покачал головой.

— Нет. Расходы признаются государственными. Они не становятся вашим долгом и не вычитаются из будущих доходов.

Я внимательно посмотрел на него, пытаясь найти скрытую оговорку в выражении лица.

Громов выдержал взгляд спокойно.

— А после трёх месяцев?

— Если портал признают безопасным для перехода, государство предлагает годовую программу изучения и опытной добычи ресурсов.

— Опытной добычи, — медленно повторил я. — Значит, вы уже рассчитываете что-то оттуда вывозить.

— Рассчитываем узнать, возможно ли это.

— И если возможно?

— Империя получит первоочередное право на исследовательские экспедиции и добычу разрешённых ресурсов в течение одного года.

Я откинулся на подушку.

Вот оно.

Государству, как и Шаховским, был нужен портал.

Разница заключалась только в том, что Громов не пытался изображать семейную заботу.

Почему-то эта прямота успокаивала.

— Что достанется мне?

Капитан раскрыл финансовую часть документа.

— Фиксированное содержание как живому якорю, отдельная плата за коммерческие экспедиции и десять процентов от оценочной стоимости добытых ресурсов.

Я прищурился.

— От чистой прибыли?

— От валовой стоимости. До вычета государственных расходов.

Я невольно посмотрел на папку с договором Шаховских, оставленную на тумбочке.

Семьдесят процентов от почти ничего.

И десять процентов от всей стоимости добытого.

Цифра у государства выглядела меньше, но предложение — значительно честнее.

— А если экспедиция потратит больше, чем добудет?

— Вы всё равно получите свою долю. Убытки понесёт казна.

Я провёл пальцами по подбородку.

— Где ловушка?

На лице Громова появилось едва заметное одобрение.

— Правильный вопрос.

Вера отошла от окна и встала возле стола. Она скрестила руки на груди, внимательно наблюдая за капитаном.

— Государство получает преимущественный доступ к portalу на пятнадцать месяцев, — объяснил он. — Три месяца исследований и двенадцать месяцев опытной эксплуатации.

— И контроль?

— Контроль безопасности остаётся за СКАМЯ независимо от договора. Но в течение программы государственные экспедиции получают приоритет перед частными.

— То есть Шаховские не смогут пользоваться порталом без разрешения государства?

— Без вашего разрешения и согласования со СКАМЯ.

Я снова посмотрел на документы.

Все хотели одного и того же.

Портал.

Шаховские предлагали родство, покровительство и красивый договор, который мог навсегда оставить меня без реальной власти. Империя предлагала деньги, титул и собственную систему контроля.

Ни одна сторона не действовала бескорыстно.

Я это понимал.

Но почему-то между князем и государством уже начинал склоняться к государству.

Возможно, потому что Громов не говорил о любви семьи, которой я никогда не видел. Не пытался убедить, что контроль над моим имуществом является заботой. Он просто положил документы на стол и признал: империи нужен переход.

Предсказуемая жадность казалась безопаснее родственной ласки.

— А баронство здесь зачем? — спросил я.

Громов взял отдельную папку с красной лентой.

— Ваше нынешнее положение юридически противоречиво. Вы обладаете подтверждённой благородной кровью, наследственным земельным владением, магическим даром и стратегическим объектом. Но при этом не имеете титула и официального места в дворянской системе.

— И государство решило исправить несправедливость?

Я не смог скрыть иронии.

— Государство решило, что самостоятельный барон, получивший положение из рук государя, предпочтительнее зависимого родственника княжеского дома.

Ответ прозвучал настолько прямо, что я на секунду потерял дар речи.

Вера медленно повернула голову к Громову.

— Вам разрешили сказать это именно так?

— Мне поручено добиться осознанного согласия, а не благодарности за красивую формулировку.

Я тихо рассмеялся.

— Андрей Викторович, вы опасный переговорщик.

— Почему?

— Потому что после Арсеньева честность звучит особенно убедительно.

Громов никак не отреагировал на комплимент.

— В состав баронства предполагается включить казённые земли вокруг Заречного, лесные участки, пустоши и несколько хозяйственных объектов. Сам посёлок станет административным центром владения.

Я нахмурился.

— Весь Заречный будет принадлежать мне?

— Нет.

Капитан произнёс это сразу, словно ожидал вопроса.

— Частные дома, предприятия и земельные участки жителей останутся их собственностью. Вы не сможете распоряжаться людьми или отнимать имущество.

— Жаль. Я уже выбрал, кого первым отправлю чистить канавы.

Вера прикрыла губы пальцами, скрывая улыбку.

— Николая Петровича? — спросила она, стараясь сохранить серьёзную интонацию.

Я удивлённо посмотрел на неё.

— Вы запомнили его?

— Он громче всех требовал пропустить его к порталу.

— Значит, вы тоже считаете его достойным кандидатом.

— Я этого не говорила.

— Но и не опровергли.

Вера бросила на меня взгляд, в котором промелькнуло веселье.

— Вы слишком быстро перенимаете методы капитана.

— С хорошими людьми быстро учишься.

Она отвернулась, но я заметил улыбку.

Громов подождал, пока мы закончим.

— Вы получите право на доходы от казённых земель, собственный герб, место в губернском дворянском собрании и возможность передавать титул законным наследникам.

Слова о наследниках неожиданно задели сильнее самого титула.

Я опустил взгляд.

До этого почти не думал о будущем. После гибели родителей возвращение в Заречный казалось не началом новой жизни, а отступлением. Я устроился на завод, поселился в дедовом доме и пытался привыкнуть к тишине.

Теперь мне предлагали то, чего у семьи не было несколько поколений.

Имя. Землю. Право передать что-то дальше.

Не скрытую печать, не чужую тайну и не обрывки истории, которые приходилось вытаскивать из закрытых архивов.

Настоящее наследство.

Мысль оказалась опасно привлекательной.

Я медленно провёл ладонью по одеялу.

— Почему барон?

— Это соответствует размеру владения и вашему нынешнему положению, — объяснил Громов. — Более высокий титул потребует других оснований и длительного рассмотрения.

— То есть князем сразу не сделают.

— Боюсь, придётся немного подождать.

В голосе капитана мелькнула сухая ирония.

Я поднял голову.

— Это была шутка?

— Нет.

Вера тихо рассмеялась.

Громов посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего, Андрей Викторович.

Она попыталась вернуть лицу нейтральность, но глаза продолжали улыбаться.

Я почувствовал, что и сам начинаю расслабляться.

Титул, земли, деньги, портал — всё это оставалось слишком большим, почти нереальным. Но присутствие Веры и спокойные ответы Громова удерживали ситуацию в пределах понятного мира.

Пока мы спорили и шутили, происходящее не казалось окончательно безумным.

Громов достал ещё один документ.

— Государство также предоставит вам личного наставника по грозовой магии.

— Бесплатно?

— Все расходы на обучение входят в программу.

— И что он будет делать?

— Учить вас контролировать разряды, управлять ядром, распознавать пространственные нарушения и безопасно взаимодействовать с порталом.

Капитан сделал небольшую паузу.

— Кроме того, вам потребуется изучить дворянское право, порядок управления владением и правила официального поведения.

Я насторожился.

— Поведение зачем?

Вера подняла на меня взгляд поверх пластины.

— Через несколько часов вы собираетесь встречаться с одним из старейших князей империи.

— Я думал, достаточно не класть ноги на стол.

— Для начала достаточно.

— А потом?

Она задумчиво осмотрела меня с головы до ног.

— Потом постарайтесь не предлагать прапрадеду обнять трансформатор.

Я прижал ладонь к груди.

— Вы слишком низкого мнения о моих манерах.

— Я видела, как вы собираете вещи.

Я прищурился.

— Это никак не связано.

— Очень связано.

Вера позволила себе лёгкую улыбку и снова опустила взгляд на пластину.

Я почувствовал неожиданное тепло. Похоже лед тронулся, может у нас что ни будь и сложится. Она уже не просто терпела мои шутки. Она играла вместе со мной. Пусть каждый раз после этого старательно делала вид, что разговор оставался исключительно служебным.

Громов тихо постучал пальцем по папке, возвращая наше внимание.

— Нужно ещё раз подчеркнуть: до высочайшего указа вы не являетесь бароном. Предварительное согласие правительства не заменяет решения государя.

— А после указа?

— После издания высочайшего указа, принесения присяги и внесения вашего рода в Имперский гербовник вы получите титул, утверждённый герб и права владельца баронства.

— Присягу придётся приносить лично императору?

— Не обязательно. Государь может принять её лично либо поручить губернатору как своему представителю.

— Уже легче.

— Но на высочайшую аудиенцию вас, вероятнее всего, всё равно пригласят.

Я уставился на него, пытаюсь понять не послышалось ли мне.

— В Санкт-Петербург?

— Скорее всего. – голос капитана был абсолютно бесстрастен.

— К самому государю?

— Обычно выражение «высочайшая аудиенция» означает именно это.

Я провёл ладонью по лицу.

— Вы намеренно выдаёте новости по одной, чтобы я не успел привыкнуть?

— Так они лучше усваиваются.

Вера отвернулась, но я услышал её тихий смешок.

Я снова посмотрел на двуглавого орла.

Князь Всеволод Аркадьевич, губернатор, Сенат, императорская канцелярия, сам государь — ещё вчера эти люди существовали где-то далеко, в новостях и официальных речах.

Теперь они обсуждали моё имя и решали, стоит ли делать меня бароном. Вера и капитан правы, мне отчаянно не хватало знаний. Я не понимал порталного права, не знал дворянских обычаев и едва представлял, что должен делать живой якорь. Каждый новый человек приносил документы, которые могли определить всю дальнейшую жизнь.

Хотелось остановить происходящее хотя бы на день и прийти в себя. Сесть на собственной кухне, включить старый вентилятор и спокойно подумать.

Но портал не собирался ждать.

И, судя по скорости подготовки предложений, государство и Шаховские тоже.

— Мне нужно прочитать всё самому, — произнёс я.

Громов кивнул.

— Разумеется.

— И получить независимое заключение.

— Я уже запросил юриста, который не связан ни с домом Шаховских, ни с ведомствами, участвующими в программе.

Я удивлённо посмотрел на него.

— Заранее?

— После вчерашнего разговора с поверенным это показалось разумным.

— А если я откажусь?

— Государство продолжит финансирование по обычному протоколу в течение месяца. После этого придётся выбрать другую схему содержания перехода. Вопрос о пожаловании титула также будет снят с рассмотрения.

Никакого давления в голосе Громова не было.

Но я всё равно чувствовал невидимую тяжесть выбора.

Предложение империи было слишком выгодным. Настолько, что хотелось немедленно искать подвох.

Три месяца полного содержания. Ещё год исследований. Доход от добычи. Баронский титул, пожалованный государем. Земли вокруг Заречного. Наставник по магии. Место в дворянском собрании.

Взамен — приоритетный доступ к portalу и, вероятно, моя лояльность.

Меня не просто нанимали. Меня привязывали к государству золотыми нитями. Я понимал это. И всё же эти нити пока выглядели значительно свободнее цепей, спрятанных в договоре Шаховских.

Я посмотрел на Громова.

— Скажите прямо. Зачем государству давать мне столько?

Капитан медленно сложил руки на столе.

— Потому что простой договор можно расторгнуть. А человека, которому государь дал положение, защиту и будущее, значительно сложнее убедить перейти на сторону княжеского дома.

Я усмехнулся, но веселья в голосе не было.

— Значит, меня покупают.

— Вас убеждают, что сотрудничество с империей выгоднее.

— Не самая приятная формулировка.

— Зато честная.

Я задержал на нём взгляд. Именно поэтому почему-то верил Громову больше, чем Арсеньеву. Не полностью. Полностью доверять сейчас было бы глупо. Громов оставался имперским офицером и представлял государство, которое хотело получить мой портал. Однако он хотя бы не прятал интерес за разговорами о долге перед внезапно обнаружившейся семьёй.

Этого было достаточно, чтобы продолжить разговор.

Я протянул руку к первой папке.

— Хорошо. Показывайте, где здесь мелкий шрифт.

Громов передал мне документ.

Бумага оказалась плотной, холодной на ощупь. В верхней части листа серебром мерцал двуглавый орёл, а под ним значилось моё полное имя.

Семён Михайлович Вершинин.

Чуть ниже стояла строка:

«Кандидат на пожалование наследственного баронского достоинства».

Я несколько секунд смотрел на неё, не в силах перевернуть страницу. Вчера это имя стояло только в паспорте, заводской ведомости и документах на старый дом. Сегодня его собирались внести в высочайший указ. От этой мысли внутри снова поднялось напряжение. Диагностический браслет коротко пискнул, а между пальцами пробежала тонкая серебристая искра.

Вера сразу шагнула ближе и обеспокоенно спросила:

— Семён?

Я поднял на неё взгляд. Она смотрела внимательно и серьёзно. В карих глазах не осталось ни насмешки, ни служебной отстранённости. Только беспокойство, которое она больше не успела спрятать или не хотела.

— Всё нормально, — сказал я.

— Вы уверены?

Я посмотрел на документ, затем снова на неё.

Нет.

Я совершенно ни в чём не был уверен.

Не знал, чего хочет от меня портал. Не понимал, зачем прапрабабка скрыла прадеда от Шаховских. Не представлял, что скажет Всеволод Аркадьевич при встрече. Не мог предугадать, станет ли имперское предложение спасением или просто более просторной клеткой.

Но впервые с начала всей этой истории выбор хотя бы формально оставался за мной.

Я медленно выдохнул и погасил искру между пальцами.

— Нет, — честно признался я. — Но читать всё равно придётся.

Вера несколько мгновений молча смотрела на меня, а затем придвинула стул к кровати и села рядом.

— Тогда начинайте с раздела о правах владельца портала.

Я приподнял бровь.

— Почему именно с него?

— Потому что обещания обычно пишут в начале, а ограничения прячут ближе к концу.

Громов едва заметно кивнул.

— Разумный совет.

Я посмотрел на Веру.

— Вы останетесь и поможете?

— Мне предписано сопровождать вас на официальных встречах.

— Чтение договора встречей не считается.

— Тогда считайте, что я контролирую состояние живого якоря.

— Очень заботливый контроль.

Она выдержала мой взгляд.

— Не привыкайте.

— Поздно.

На этот раз Вера не отвернулась. Только уголок её губ медленно приподнялся. Я раскрыл папку на первой странице.

Где-то далеко, за стенами больницы и городскими улицами, портал отозвался лёгкой дрожью. Словно тоже хотел узнать, какое решение я приму.

Глава 11

Глава 11. Круг жизни

Лес постепенно затихал.

Ещё недавно среди деревьев раздавались треск ломающихся ветвей, тяжёлый топот и испуганные крики стада. Теперь всё осталось позади. Только листья продолжали слабо дрожать там, где скрылась большая хищница, унося в пасти неподвижное тело оленёнка.

Ника стояла возле деревьев и смотрела в ту сторону, хотя давно уже ничего не видела.

По щекам текли слёзы.

Она не пыталась их остановить. Не вытирала лицо, не заставляла себя успокоиться и не повторяла, что всё произошло по законам природы. Сейчас любые разумные объяснения казались бесполезными.

Перед глазами снова и снова возникал маленький олень.

Ещё недавно он доверчиво прижимался к её ноге, тянулся к руке влажным носом и смешно переставлял тонкие ноги, стараясь не отставать от взрослых. А потом раздался испуганный крик, мелькнула тёмная тень — и всё закончилось.

Слишком быстро.

Ника сжала пальцы в кулаки.

Она могла попытаться остановить хищницу. Могла броситься следом, ударить её, отнять добычу. При одной мысли об этом внутри поднималась злость — горячая, бессильная, требующая найти виноватого.

Но перед глазами сразу возникала другая картина.

Глубокое логово среди корней. Несколько голодных детёнышей. Худые тела, распахнутые пасти, жалобный писк. Хищница не убивала ради развлечения. Она тоже кого-то защищала. Также пыталась сохранить жизни тех, кто зависел от неё.

Это понимание ничего не меняло.

От него не становилось легче.

Разум мог сколько угодно повторять, что хищница была матерью, что она добывала пищу, что подобное происходило в природе каждую ночь. Сердце всё равно сжималось от боли.

Позади слышался тихий звук.

Ника обернулась.

Стадо всё ещё оставалось на поляне. Олени тесно сбились вместе, настороженно прислушиваясь к лесу. Взрослые окружили детёнышей, выставив наружу длинные ветвистые рога.

Самка, потерявшая малыша, стояла немного в стороне.

Она смотрела туда, где исчезла хищница, и время от времени издавала короткий протяжный звук. В нём не было прежнего панического крика. Теперь он звучал тише, почти вопросительно.

Словно она звала детёныша и не понимала, почему тот не отвечает.

Ника отвернулась.

Смотреть на неё оказалось ещё тяжелее.

Оставшиеся малыши жались к ногам взрослых. Один из них несколько раз переступил с места на место, освобождая пустое пространство рядом с матерью.

Там должен был стоять погибший оленёнок.

Ника закрыла глаза.

Внутри словно что-то оборвалось. Связь с окружающим миром, ещё недавно такая яркая и естественная, исчезла. Она больше не чувствовала движение корней под землёй, дыхание леса или слабые отблески чужих жизней вокруг.

Осталась только боль.

Ника не знала, сколько времени провела неподвижно. Здесь всё ещё царила ночь, но тьма уже не казалась такой густой. Между ветвями проступали первые бледные полосы света.

Рядом раздался хруст травы.

К ней приближался вожак.

Огромный олень двигался медленно. Его рога почти касались нижних ветвей, а тёмная шерсть серебрилась в слабом ночном свете. Он остановился перед Никой и долго смотрел на неё большими спокойными глазами.

Она не знала, что видела в этом взгляде.

Благодарность? Прощание? Понимание?

Возможно, зверь просто хотел убедиться, что странное крылатое существо больше не представляет опасности.

Но Нике хотелось верить, что он понял хотя бы часть того, что произошло.

Она подняла руку и положила ладонь на его морду.

Шерсть была тёплой и немного влажной. Олень не отстранился. Напротив, едва заметно подался навстречу прикосновению.

Горло снова сжалось.

— Прости, — прошептала Ника.

Олень тихо выдохнул ей в ладонь.

— Я не смогла его спасти.

Слова прозвучали беспомощно и глупо. Вожак не мог понять человеческую речь. Он не знал, что такое вина, не требовал от неё объяснений и, вероятно, вообще не ожидал помощи.

Но Ника всё равно продолжила:

— Я могла броситься за ней. Наверное, могла отнять его... Только тогда погибли бы другие малыши.

Олень стоял неподвижно.

Ника осторожно провела ладонью вдоль его щеки.

— Береги их.

Вожак моргнул.

На мгновение Нике показалось, что в глубине его тёмных глаз мелькнуло понимание.

Затем он отступил.

Ещё несколько секунд олень смотрел на неё, после чего развернулся и вернулся к стаду. Взрослые постепенно начали успокаиваться. Напряжение не исчезло полностью, но животные больше не пытались бежать. Они собирались переждать остаток ночи вместе.

Ника осталась одна.

Она понимала, что не сможет сейчас находиться рядом с ними. Каждый взгляд на самку, каждый шаг маленьких оленей будут напоминать о погибшем малыше.

Ей нужно было уйти.

Не навсегда. Возможно, когда-нибудь она ещё найдёт это стадо. Но сейчас Ника хотела оказаться как можно дальше от поляны.

Она медленно отошла к свободному пространству между деревьями.

Крылья за спиной ощущались непривычно тяжёлыми. Серебристые перья почти касались влажной травы. Ника расправила их, почувствовала, как ночной воздух проник между перьями, и глубоко вдохнула.

Хотелось полететь.

Подняться над лесом, почувствовать ветер и хотя бы ненадолго перестать думать.

Она разбежалась.

Первые шаги получились неровными. Ноги скользили по влажной земле, ветви цеплялись за волосы, но Ника продолжала набирать скорость. Крылья резко опустились, подхватили воздух, и земля исчезла из-под ног.

Она взмыла над поляной.

Слишком быстро.

Ветер ударил в лицо, отбрасывая волосы назад. Кроны деревьев стремительно ушли вниз. Ника несколько раз судорожно взмахнула крыльями, поднимаясь всё выше.

Сейчас она не старалась лететь красиво.

Не думала о плавных движениях, не следила за положением тела и не пыталась наслаждаться высотой. Она почти бежала по воздуху, отчаянно работая крыльями и стараясь оставить позади поляну, стадо и собственные воспоминания.

Сердце колотилось.

Перед глазами стояло маленькое неподвижное тело.

Ника ускорила.

Ветер хлестал по лицу и сушил слёзы. Холодный воздух проникал в лёгкие, но боли не было. Крылья двигались быстро, почти яростно, и каждый взмах словно помогал вытолкнуть из груди часть тяжёлого чувства.

Лес под ней превратился в тёмное серебристое море.

Ника не знала, как долго летела так. Постепенно движения стали замедляться сами собой. Раздражение уходило, уступая место усталой пустоте — не телесной, а внутренней.

Она больше не пыталась убежать.

Просто летела.

Ветер ласково перебирал волосы и скользил между перьями. Больше он не казался резким. Теперь его прикосновения напоминали прохладную ладонь, осторожно коснувшуюся разгорячённого лица.

Ника выровняла полёт.

Тишина наверху отличалась от лесной. Здесь не было тяжёлого дыхания животных, треска ветвей и шороха травы. Только ровный свист воздуха и мягкий шум собственных крыльев.

Дышать стало легче.

Она поднялась выше и огляделась.

Вокруг простирался огромный мир.

С одной стороны далеко за лесом лежал бескрайний зелёный луг, который Ника уже видела раньше. Сейчас он почти сливался с темнотой, но она всё равно узнала знакомое пространство.

В другом направлении возвышались горы. Их вершины темнели на фоне постепенно светлеющего неба. Где-то там находился грот с изображением крылатой женщины и странный барельеф, возле которого Ника впервые по-настоящему почувствовала этот мир.

Она помнила и серебряный лес, и поляну, и дорогу, по которой двигалось стадо.

Стороны света Ника никогда не умела определять. Даже в своём мире она могла запутаться, выйдя из незнакомого метро, и часто ориентировалась по магазинам, зданиям или другим заметным местам.

Здесь не было ни дорог, ни указателей, ни знакомых домов.

Но после того странного единения с миром в памяти остались обрывки чего-то похожего на карту.

Ника не могла рассмотреть её мысленно целиком. Стоило попытаться сосредоточиться, как очертания земель расплывались, оставляя лишь отдельные ощущения.

Горы — там.

Большая равнина — в другой стороне.

Море...

Она повернула голову.

Да.

Где-то впереди находилось море.

Ника не знала, насколько далеко. Возможно, до него пришлось бы лететь несколько часов. А может быть, несколько дней. Обычная карта имела масштаб и расстояния. Её странное воспоминание передавало только расположение мест относительно друг друга.

Но сейчас ей очень захотелось оказаться на берегу.

Сесть у воды, слушать шум волн и смотреть, как они одна за другой набегают на песок или камни. В её мире море всегда успокаивало. Даже шумовая запись с волнами помогала уснуть после тяжёлого дня.

Может быть, здесь оно тоже сумеет заглушить воспоминания.

Ника выбрала направление и полетела вперёд.

Ночь постепенно отступала.

Сначала она почти не замечала перемен. Затем впереди появилась тонкая светлая полоса, отделившая землю от неба.

Ника замедлилась.

Полоса становилась шире. Серый цвет постепенно сменился бледно-золотым, затем в нём проступили розовые и багряные оттенки. Края облаков начали светиться, словно кто-то провёл по ним тонкой огненной кистью.

Земля внизу всё ещё оставалась тёмной.

Зато небо преображалось с каждой минутой.

Ника перестала двигаться вперёд и поднялась немного выше. Крылья медленно опускались и поднимались, удерживая её в воздухе.

В её мире она редко видела восходы.

Иногда встречала рассвет по дороге домой после ночной смены или долгой поездки. Но тогда солнце поднималось между домами, линиями электропередачи и серыми многоэтажками. Обычно Ника была слишком уставшей, чтобы остановиться и посмотреть.

Здесь ничто не заслоняло горизонт.

Первый луч показался из-за далёкого края земли.

Он коснулся верхушек самых высоких деревьев. Серебряные кроны вспыхнули, будто покрылись тонким золотом. Затем свет прошёл дальше, добрался до холмов и рек.

Тёмная лента воды внизу превратилась в сияющую нить.

В низинах лежал туман. Он медленно двигался между деревьями, похожий на белое море, из которого выступали отдельные верхушки. На озёрах появлялись длинные солнечные дорожки.

Солнце поднялось ещё немного.

Облака загорелись розовым и оранжевым. Некоторые казались почти красными, словно в небе тлели огромные угли.

Ника смотрела, забыв дышать.

С высоты восход оказался не просто красивым.

Он был величественным.

Небо словно открывало перед ней огромные золотые врата. Свет медленно охватывал землю, прогоняя ночь из лесов и долин. Мир пробуждался не сразу, а постепенно, позволяя увидеть каждое мгновение этого превращения.

Ника расправила крылья шире.

Солнечные лучи коснулись серебристых перьев. По ним пробежали отблески, и на мгновение каждое перо засветилось изнутри.

В груди что-то дрогнуло.

Боль не исчезла.

Но рядом с ней появилось другое чувство — тихое восхищение.

Мир оставался прекрасным, несмотря на случившееся ночью.

Или, может быть, именно поэтому его красота ощущалась сейчас так остро.

Ника медленно выдохнула.

— Второй день, — тихо произнесла она.

Голос почти сразу растворился в ветре.

Блокнот остался в квартире. Если она вернётся домой, нужно будет обязательно записать всё, что произошло. Первый день со стадом. Ночную охоту. Погибшего малыша. Восход.

И обязательно отметить, что это уже второй день.

Созерцание прервал громкий крик.

Ника вздрогнула и повернула голову.

Звук донёсся издалека, но был настолько мощным, что прокатился над землёй, словно металлический звон. Через несколько мгновений к нему присоединился второй, затем третий.

В небе двигалась стая.

Сначала Ника увидела только тёмные силуэты. Они приближались сбоку, медленно пересекая залитый солнцем простор.

Затем золотой свет коснулся их оперения.

Ника замерла.

Птицы вспыхнули.

Не в переносном смысле — на мгновение ей действительно показалось, что их тела охвачены огнём. Длинные золотые перья отражали солнечные лучи так ярко, что вокруг каждой птицы возникал сияющий ореол.

Они были огромными.

Даже издалека Ника могла оценить размеры. Вместе с длинным хвостом тело каждой птицы достигало примерно пяти метров. Размах широких крыльев был ещё больше — около шести.

Птицы летели плотной стаей. Их крылья поднимались и опускались медленно, почти одновременно. Каждое движение казалось исполненным спокойной силы.

Длинные хвостовые перья колыхались в воздухе, оставляя за собой золотистые отблески.

«Жар-птицы», — первой пришла мысль.

Они действительно напоминали созданий из старых сказок. Только сказочные птицы обычно помещались в клетках или сидели на ветвях, ожидая героя. Эти существа были достаточно большими, чтобы без труда унести человека.

И, возможно, съесть его.

Ника вспомнила ночную хищницу.

Красота не означала доброту.

Она не стала приближаться. Напротив, осторожно сместилась в сторону, сохраняя между собой и стаей достаточное расстояние.

Птицы продолжали полёт, не меняя направления.

Они направлялись к горам, возле которых Ника уже была.

Одна из них летела немного ближе остальных. На её голове виднелся веер коротких золотых перьев, похожий на корону. Когда птица поравнялась с Никой, она повернула голову.

Ника увидела острый тёмный клюв и большой янтарный глаз.

На короткое мгновение их взгляды встретились.

Птица не проявила ни страха, ни агрессии. В её взгляде мелькнуло спокойное любопытство, словно она тоже пыталась понять, что за странное крылатое существо зависло в воздухе.

Ника не двигалась.

Птица издала короткий крик и отвернулась.

Стая прошла мимо.

Несколько минут Ника наблюдала, как золотые силуэты удаляются. В лучах восходящего солнца они казались живыми искрами, летящими к тёмным горам.

Вскоре птицы исчезли вдали.

Только их голоса ещё некоторое время разносились над землёй.

— Красивые, — прошептала Ника. — И очень большие.

Она испытала лёгкое облегчение оттого, что не решила познакомиться поближе.

После встречи с птицами Ника продолжила путь.

Теперь солнце поднялось достаточно высоко, и перед ней открылся мир, который ночью оставался скрытым.

Серебристый лес постепенно закончился.

С высоты его граница выглядела почти ровной. За последними светлыми деревьями начинались широкие зелёные поля. По ним ветер гонял волны, и трава переливалась десятками оттенков.

Через равнину извивалась река.

Она то расширялась, образуя спокойные заводи, то сужалась между холмами. В солнечном свете вода казалась расплавленным серебром.

Дальше поля сменялись новым лесом. Он отличался от того, где жило стадо. Здесь росли тёмно-зелёные деревья с широкими кронами. Среди них виднелись отдельные красные и золотые пятна, хотя до осени, судя по теплу, было далеко.

Ника летела, не торопясь.

Теперь она смотрела вниз с любопытством.

На одном из полей двигалось стадо крупных животных. Издали они напоминали быков, но их спины покрывали костяные пластины, а длинные хвосты заканчивались тяжёлыми кистями.

Животные медленно брели к реке.

Чуть дальше над цветущей равниной кружились небольшие летающие существа. Их прозрачные крылья вспыхивали синим и зелёным. С высоты они напоминали огромных стрекоз, хотя тела были покрыты яркими перьями.

Ника не стала снижаться.

В широкой реке промелькнула тень.

Она двигалась против течения и была значительно больше животных на берегу. Тёмное тело на мгновение приблизилось к поверхности, затем снова ушло в глубину.

Ника невольно поднялась выше.

Мир оказался огромным.

Раньше она знала это благодаря странному единению, но только сейчас начала по-настоящему понимать масштаб.

Лес, где жило стадо, был лишь маленькой частью бескрайних земель. За ним лежали равнины, реки, озёра и другие леса. Вдали поднимались новые горы, едва заметные в утренней дымке.

Ника могла лететь долго и всё равно не увидеть даже малой части этого мира.

Местность продолжала меняться.

Под ней проходили холмы, покрытые голубоватой травой. Между ними лежали небольшие озёра, соединённые тонкими ручьями. Затем появилась каменистая гряда, за которой снова начинался лес.

Ветер на высоте усилился.

Он легко толкал Нику вбок, играл волосами и заставлял перья на крыльях дрожать. Воздух должен был быть холодным, особенно после ночи.

Но Ника не мёрзла.

Она вообще не ощущала холода.

Ветер казался прохладным и приятным, но кожа не покрывалась мурашками, пальцы не немели, а зубы не стучали.

Крылья продолжали работать ровно.

Ника летела уже долго. В своём мире после такого движения у неё наверняка болели бы плечи, спина и ноги. Здесь мышцы не ныли, дыхание не сбивалось, а сердце билось спокойно.

Она попробовала прислушаться к телу.

Усталости не было.

Совсем.

Это показалось странным, но открывавшиеся внизу картины постоянно отвлекали.

Ника пересекла ещё одну реку. За ней началась цепь озёр. Некоторые были маленькими и тёмными, скрытыми среди деревьев. Другие занимали целые долины.

Одно из них сразу привлекло её внимание.

Озеро лежало между пологими зелёными холмами.

Его поверхность была настолько гладкой, что с высоты казалась огромным зеркалом. В воде отражались облака, голубое небо и пролетающая над ними крылатая фигура.

Ника посмотрела вниз на собственное отражение.

Оно двигалось по озеру следом за ней.

Серебристые крылья были широко расправлены, волосы тянулись назад, а маленькое тело казалось почти невесомым на фоне огромной водной глади.

Ника замедлилась.

До моря, судя по смутному ощущению, оставалось ещё далеко. Она могла продолжить путь, но спокойствие озера притягивало.

После ночных событий ей хотелось хотя бы немного посидеть в тишине.

По берегам росли высокие деревья, напоминавшие сосны. Их стволы были значительно толще земных, а тёмные кроны поднимались далеко над водой.

Место выглядело безопасным.

По крайней мере, с высоты.

Ника сложила крылья и начала снижаться.

Воздух засвистел в ушах. Отражение на воде стремительно увеличивалось. В последний момент она снова расправила крылья, погасила скорость и плавно опустилась на траву.

Посадка получилась почти идеальной.

Ника сделала всего два шага вперёд, удерживая равновесие, а затем сложила крылья за спиной.

— Уже лучше, — негромко похвалила она себя.

Берег оказался мягким и пологим.

Землю покрывали густая трава и светлый мох. Возле воды лежали плоские серые камни, некоторые из них почти полностью заросли мелкими голубыми цветами.

Ника огляделась.

Деревья действительно напоминали сосны, но только отдалённо.

Их стволы были настолько толстыми, что понадобилось бы несколько человек, чтобы обхватить один руками. Тёмная кора покрылась глубокими трещинами. В некоторых углублениях рос мох.

Ветви начинались высоко над землёй. Длинные узкие иглы тихо шелестели на ветру.

В воздухе пахло смолой, свежей травой и водой.

Ника подошла к широкому плоскому камню и села.

Крылья устроились по бокам, кончики серебристых перьев коснулись травы.

Перед ней лежало озеро.

Облака медленно плыли по небу, и их отражения двигались вместе с ними. Временами лёгкий ветер касался воды, создавая едва заметную рябь, но затем поверхность снова становилась гладкой.

Ника обхватила колени руками.

Тишина успокаивала.

Здесь не было испуганных криков, запаха крови и пустого места среди оленят. Только вода, деревья и утреннее небо.

Она закрыла глаза.

Ветер осторожно коснулся лица.

Несколько минут Ника просто сидела, ни о чём не думая.

Постепенно напряжение уходило.

Тогда она снова прислушалась к телу.

Крылья не болели.

Плечи не устали.

Даже ноги, которые обычно начинали ныть после долгой ходьбы, ощущались лёгкими.

Ника нахмурилась.

Она провела ладонью по животу.

Голода тоже не было.

В первый день из-за обилия событий она почти не думала об этом. Всё вокруг было новым: полёт, грот, странные видения, встреча со стадом. Потом началась ночь и нападение хищницы.

Но сейчас Ника ясно поняла: с момента появления в этом мире она ничего не ела.

Прошли сутки.

Возможно, даже больше.

Обычный человек уже почувствовал бы голод, жажду и слабость. Ника же ощущала себя так, словно недавно хорошо отдохнула и позавтракала.

Она провела языком по губам.

Жажды тоже не было.

— Странно, — пробормотала она.

Возможно, это тело не нуждалось в обычной пище.

Мысль показалась одновременно удобной и пугающей.

Может быть, её организм получал энергию непосредственно от мира. Ника уже чувствовала связь с ним. Возможно, здесь она подпитывалась от земли, воздуха или солнечного света.

Или настоящее тело всё ещё лежало дома и каким-то образом обеспечивало существование этого облика.

Но тогда почему она ощущала себя здесь настолько настоящей?

Трава холодила ноги. Камень под ней был твёрдым. Ветер касался кожи, а запах смолы казался таким же реальным, как запах соснового леса в её мире.

Можно было предположить, что всё происходящее являлось сном.

Только сны обычно не продолжались настолько долго и последовательно. В них события менялись без причины, места перетекали друг в друга, а странности не вызывали вопросов.

Здесь всё подчинялось собственным законам.

Ника посмотрела на серебристое крыло.

Возможно, после превращения она перестала быть обычным человеком.

От этой мысли внутри неприятно похолодело.

Она быстро отвела взгляд.

— Не сейчас, — сказала Ника самой себе. — Я всё равно пока ничего не узнаю.

Слишком мало фактов.

Ей нужно вернуться домой, проверить, сколько времени прошло там, осмотреть тело, сделать записи. Возможно, потом станет понятнее, что происходит.

Тишину разорвал громкий всплеск.

Ника резко подняла голову.

Недалеко от берега поверхность озера взметнулась вверх. В солнечном свете мелькнула широкая серебристая спина.

Существо появилось всего на мгновение.

Ника успела увидеть крупную чешую, каждую размером почти с её ладонь, и длинный тёмный плавник. Затем тело снова ушло под воду.

По поверхности разошлись широкие круги.

Ника медленно поднялась с камня.

— Рыбка, значит.

Под водой промелькнула тень.

Судя по размеру, рыба достигала трёх или даже четырёх метров.

Ника сделала шаг назад от кромки.

В другом настроении любопытство наверняка заставило бы её подойти ближе и попробовать рассмотреть существо. Сейчас она не собиралась рисковать.

Ночная хищница тоже сначала показалась просто красивым животным.

Большая рыба могла питаться растениями.

А могла — всем, что окажется у воды.

Ника осталась на безопасном расстоянии.

Тень прошла вдоль берега и исчезла в глубине.

Вода постепенно успокоилась.

После всплеска Ника начала замечать другие звуки.

Сначала зашелестели высокие кроны. Ветер качнул ветви, и где-то наверху тихо заскрипела кора.

Затем над озером раздался птичий крик.

Ему ответил другой, более высокий голос.

В траве застрекотали насекомые. Возле берега плеснулась маленькая рыба. Среди корней что-то зашуршало и быстро скрылось.

Мир вокруг наполнялся звуками.

Ника медленно повернулась, вслушиваясь.

Деревья шумели над головой. В ветвях двигались небольшие животные. Где-то вдалеке раздался низкий протяжный рёв, после которого на несколько секунд смолкли птицы.

По поверхности воды пробежала рябь.

Ника сначала решила, что мир просто просыпается после ночи.

Это было логично. Взошло солнце, животные выходили из укрытий, птицы начинали петь, насекомые возвращались к привычной жизни.

Но постепенно она поняла, что дело не только в рассвете.

Звуки существовали и раньше.

Ветер всё это время шевелил ветви. В воде плавала рыба. Где-то двигались животные.

Просто Ника ничего не замечала.

После гибели оленёнка она словно закрылась внутри себя. Перестала слышать лес и чувствовать окружающую жизнь. Боль заполнила всё пространство, не оставив места ничему другому.

Мир не замолкал.

Это она перестала его слушать.

Ника закрыла глаза.

Сначала ничего не произошло.

Затем она почувствовала слабое движение под ногами.

Не звук и не обычную вибрацию. Скорее тихий отклик, проходивший через землю. В корнях деревьев текла жизнь. Вода в озере двигалась, даже когда поверхность казалась неподвижной. В траве скрывались десятки маленьких существ.

Мир дышал.

Это ощущение было значительно слабее того единения, которое она пережила возле барельефа. Тогда границы её собственного тела почти исчезли, а сознание на мгновение охватило огромные пространства.

Сейчас связь оставалась тихой и осторожной. Но она была. Мир всё ещё находился рядом, только протяни руку.

Ника медленно опустилась обратно на камень.

Перед глазами снова появился маленький олень.

Боль от воспоминания никуда не исчезла. Она по-прежнему жалела его. По-прежнему хотела вернуться в прошлое и предупредить стадо раньше.

Но теперь рядом с образом оленёнка возникло логово хищницы.

Голодные детёныши тоже были частью мира.

Для матери-оленихи эта ночь стала трагедией.

Для хищницы — удачной охотой.

Для её малышей — возможностью прожить ещё один день.

Ника нахмурилась.

Всё это казалось несправедливым.

Но природа вообще редко интересовалась человеческим представлением о справедливости.

Хищница не выбирала между добром и злом. Она не решала, достойно ли убивать чужого детёныша ради своих. Ею двигали голод и необходимость защищать потомство.

Олень тоже не был предназначен для смерти. Просто оказался слабее и не успел убежать.

Одна жизнь продолжалась за счёт другой.

Ника посмотрела на озеро.

Большая рыба могла сейчас охотиться на маленькую. Птицы в кронах искали насекомых. Где-то далеко хищники преследовали добычу, а травоядные поедали растения.

Даже растения вытягивали из земли воду и питательные вещества, занимали пространство и закрывали свет более слабым росткам.

Всё было связано.

Рождение, жизнь, смерть.

Круг.

Ника смутно вспомнила слово, встречавшееся в книгах или разговорах.

Сансара.

Колесо жизни и смерти.

Она никогда особенно не интересовалась религией или философией и не могла точно вспомнить значение. Кажется, речь шла о непрерывном круге рождений, страданий, смертей и новых жизней.

Здесь эта мысль ощущалась особенно ясно.

Мир не останавливался из-за смерти одного существа. Не потому, что эта жизнь была неважной, а потому, что вокруг продолжались тысячи других.

Солнце всё равно взошло.

Птицы всё равно полетели к горам.

Рыба всё равно двигалась в глубине.

Стадо продолжит путь.

Хищница вернётся к своим детям.

Ника опустила взгляд на руки.

Она уже не была маленькой девочкой.

В своём мире ей тоже приходилось терять людей. Слышать плохие новости. Смотреть, как чужая жизнь рушится, пока вокруг остальные продолжают работать, смеяться, ходить по магазинам и строить планы.

Тогда это казалось почти оскорбительным. Как мир мог оставаться прежним, когда для кого-то произошло самое страшное?

Но он оставался. И люди тоже продолжали жить. Не потому, что забывали. Просто иначе было невозможно.

Ника глубоко вдохнула. Принять смерть оленёнка не значило перестать его жалеть. Не значило решить, что всё произошло правильно. Не значило стать равнодушной.

Принять — значило позволить себе идти дальше.

Она могла сохранить память о маленьком доверчивом существе и одновременно не ненавидеть хищницу, спасавшую собственных детей.

Обе правды могли существовать вместе.

Ника подняла голову.

Мир вокруг больше не казался ни добрым, ни жестоким. Он просто жил. В нём существовали красота и смерть, восходы и охота, доверчивые детёныши и голодные хищники. И она тоже теперь была его частью.

Эта мысль больше не испугала.

Ника поднялась с камня.

Несколько мгновений постояла неподвижно, чувствуя траву под ногами и тёплые солнечные лучи на коже. Затем подняла руки и с удовольствием потянулась.

Крылья раскрылись вместе с движением.

Серебристые перья расправились, подхватывая ветер. После долгого полёта в них не чувствовалось ни тяжести, ни боли.

На поверхности озера появилось её отражение.

Крылатая девушка стояла на берегу между огромными деревьями. Солнечный свет скользил по волосам и серебристым перьям. За спиной лежало голубое небо.

Ника долго смотрела на отражение. Облик всё ещё казался непривычным. Но уже не настолько чужим.

Она подняла руку, и девушка в воде повторила движение.

— Кто же ты такая? — тихо спросила Ника.

Озеро не ответило.

Только по поверхности прошла лёгкая рябь, и отражение распалось на серебристые полосы.

Ника улыбнулась.

Ответ придётся искать самой.

Где-то впереди находилось море. Вокруг лежали огромные земли, населённые неизвестными существами. Здесь существовали золотые птицы, серебряные леса, гигантские рыбы и древние изображения крылатых женщин.

В этом мире было слишком много тайн, чтобы сидеть на одном месте.

Ника повернулась в сторону, куда направлялась до остановки. Смутное воспоминание подсказывало, что море находится там.

Она расправила крылья.

Погибшего малыша Ника не забудет. Но жизнь не остановилась вместе с его последним криком.

Она сделала несколько быстрых шагов по траве и оттолкнулась от земли. Крылья подхватили воздух. Ника поднялась над берегом, затем над верхушками огромных деревьев. Под ней снова раскинулось зеркальное озеро.

В глубине промелькнула большая серебристая тень. По воде разошлись широкие круги, на мгновение исказив отражение облаков.

Ника набрала высоту. Впереди сияло утреннее небо. Ветер наполнил серебристые крылья, и она продолжила путь к далёкому морю.

Начинался её второй день в этом мире.

Глава 12

Глава 12. Возвращение якоря Вятская губерния. Губернская больница.

Арканологическое отделение. 14 июля 2010 года. 10:07.

Я дочитал последнюю страницу и медленно положил документ на колени.

Бумага тихо хрустнула под пальцами.

Где-то в глубине больничных стен ровно гудели защитные накопители. По проводам текло электричество, медицинские артефакты обменивались короткими импульсами, кажется, я начинаю к этому привыкать.

Вера сидела справа от меня. За время изучения документов она успела передвинуть стул ближе к кровати и теперь просматривала одну из дополнительных страниц на своей служебной пластине. Пальцы быстро скользили по тёмной поверхности, вызывая новые строки и схемы.

Напротив, расположился Громов.

Капитан не торопил меня. Он сидел прямо, положив руки на колени, и выглядел так, будто мог ждать решения хоть до вечера.

Если бы не тени под глазами.

Последняя ночь явно не прошла для Андрея Викторовича незаметно. Пока я лежал под наблюдением врачей и успел хотя бы немного поспать, он проделал большую работу. Не перестаю ему поражаться.

Вероятно, ещё и написал столько отчётов, что ими можно было обклеить стены всей моей палаты. Мысленно усмехнувшись, перевел взгляд на страницу договора. Кто бы знал, как мне не хотелось этим заниматься. Ощуаю себя маленьким спартанцем, которого сбросили со скалы и наблюдают выживу или нет. Ну хватит рефлексировать договор сам себя не прочтает.

«Соглашение о государственной программе исследования и опытной эксплуатации пространственного перехода класса А».

Ниже стояло моё имя.

Чуть дальше начинался отдельный документ — согласие на представление государю императору для пожалования наследственного баронского достоинства.

Барон.

Слово по-прежнему казалось чужим.

Я мог представить барона на портрете, в новостях или среди участников какого-нибудь губернского приёма. Но никак не себя. Какой из меня барон.

Перед внутренним взглядом возник совсем другой образ более привычный: рабочая форма, заводской цех, жар от станков, запах раскалённого металла.

С этим человеком титул сочетался плохо или нет? А вот портал сочетался ещё хуже, но тот всё равно появился. Задумчиво потер бровь.

— Вы нашли что-то неприемлемое? — спросил Громов заметив мое движение.

— Пока пытаюсь понять, сколько раз меня обманули при помощи очень вежливых формулировок.

— Все существенные ограничения выделены отдельно.

— Это не означает, что среди несущественных не прячется что-нибудь интересное.

Вера не подняла головы от пластины и посмотрела на капитана.

— Он всё-таки начал учиться.

— С вашей помощью, — ответил я.

— Я лишь показала, в каком разделе обычно скрывают неприятные подробности.

— Именно это и называется помощью.

Громов едва заметно усмехнулся. Не мне одному нравится наша с Верой пикировка, кажется и капитан что-то свое в этом находит.

Я ещё раз перелистнул документы.

Предложение государства было слишком выгодным, чтобы не настораживать.

Три месяца полного финансирования. Ещё год исследований и опытной добычи. Охрана, специалисты, строительство станции, содержание защитных контуров, медицинское наблюдение, наставник по магии.

Десять процентов от валовой стоимости ресурсов.

Сохранение права собственности на портал, правда этот пункт сомнительный как будто у якоря они могут его отобрать.

И титул, который должен был пожаловать лично государь. Это вообще для меня что-то из разряда фантастики. Впрочем, в накладе они все равно не остаются. Взамен империя получала приоритетный доступ к переходу и возможность первой отправлять туда экспедиции.

Меня привязывали к государству значительно надёжнее — положением, деньгами, защитой и будущим.

Громов этого даже не скрывал.

И почему-то именно поэтому предложение вызывало у меня больше доверия, чем договор Шаховских.

Княжеский поверенный говорил о семье и долге. В нашем случае, все это просто слава, Шаховские мне не кто. Мало ли может у меня пол империи в родственниках ходят. Но это же не повод быть каждому должным. Моя семья, ее больше нет, есть только я.

Империя пошла по другому сценарию. Имперский следователь прямо признал: государству нужен мой портал, а самостоятельный барон выгоднее зависимого родственника старого княжеского дома.

Честность тоже могла быть способом давления, но почему-то это было понятнее и привычнее. Империя — это закон, он понятен, с самого детства меня учили по нему жить.

Я снова просмотрел схему владения. Границы будущего баронства пока обозначались приблизительно. Заречный становился административным центром, а к владению присоединяли казённые леса, пустоши и незанятые земли.

И тогда я вспомнил то, о чём раньше почти не думал и решил спросить пока мысль не потерялась:

— Андрей Викторович.

— Слушаю.

— Что будет с людьми, которые живут рядом с моим участком?

Громов не изменился в лице, но Вера снова оторвалась от пластины.

— Уточните вопрос, — попросил капитан, и как ему всегда удается быть-таки спокойным.

— Портал стоит не посреди безлюдного поля. За моим забором начинается улица, дальше ещё несколько домов. Если вы собираетесь строить исследовательскую станцию, таможенную, склады, казармы и дороги, всё это окажется у людей под окнами.

Я представил Заречный таким, каким оставил его ночью.

Тихие улицы. Деревянные и кирпичные дома. Огороды. Сараи. Куры за заборами. Старички на скамейках. А теперь возле всего этого появятся военные, учёные, грузовые машины и круглосуточные посты. Ну старушкам точно будет что пообсуждать.

— Я получаю титул, деньги и защиту, — продолжил я. — А мои соседи получают строительную площадку возле дома. Как государство собирается решать этот вопрос?

Громов протянул руку к своей пластине.

— Предварительный план уже подготовлен.

Он коснулся края устройства.

Тёмная поверхность засветилась изнутри. Над ней появилась тонкая золотистая линия, которая развернулась в объёмную карту.

Я невольно подался вперёд таких технологий я еще не видел.

Прямо над столом возник Заречный.

Крошечные дома, дороги, деревья и ограды выглядели настолько подробно, что я сразу узнал собственный участок. Между двумя яблонями мерцал серебристый овал портала. Вокруг него расходились несколько окружностей.

Ближайшая была красной.

Следующая — жёлтой.

За ней начиналась зелёная зона.

Громов увеличил изображение движением пальцев.

Голографическая карта послушно развернулась. Над улицами появились полупрозрачные строения.

— Красным обозначена внутренняя защитная зона, — объяснил он. — Доступ туда будет возможен только сотрудникам порталного комплекса и владельцу объекта в сопровождении специалистов.

Я посмотрел на собственный дом.

Он стоял почти у самой границы.

— Очень удобно.

— Расположение дома является одной из причин, по которым окончательные границы пока не утверждены.

— То есть его могут снести? — от этой мысли холодок пробежал по спине.

— Без вашего согласия — нет.

Громов выделил несколько участков.

— Основную часть капитальных сооружений предлагается вынести сюда. Это казённые земли за восточной окраиной посёлка.

— Я не знаю, где у нас восток.

Вера взглянула на меня.

— За старой водонапорной башней.

— Так бы сразу и сказали.

На голограмме возникли новые объекты.

Широкая дорога огибала жилые улицы и выходила к будущему комплексу. Рядом обозначались административное здание, таможенно-пропускной пункт, склады, лаборатории, медицинский корпус и казармы.

Отдельно располагались площадки для техники.

Размеры впечатляли.

— Это уже не станция, — сказал я. — Это половина нового посёлка.

— В случае подтверждения постоянной пригодности портала для перехода комплекс будет расширяться, — согласился Громов. — На первом этапе сооружения останутся временными.

— А потом?

— Затем часть модулей заменят капитальными зданиями.

Я указал на ближайшие дома.

— Эти люди окажутся между комплексом и моим участком.

— Не все.

Громов выделил четыре здания.

Они вспыхнули оранжевым.

— Эти домовладения могут попасть в санитарную и защитную зону. Решение примут после завершения измерений.

Я узнал один из домов.

Там жила пожилая семейная пара, которую вчера эвакуировали одной из первых. Их участок находился через дорогу от моего.

— И что им предложат?

— Выкуп по повышенной оценочной стоимости, новое жильё в другой части Заречного либо переселение в губернский центр с денежной компенсацией.

— А если они не захотят уезжать?

— Если дом окажется за пределами внутренней зоны, его владельцы смогут остаться. Государство выплатит компенсацию за строительный шум, ограничение движения и возможный ущерб участку.

— А если внутри?

— Жить там будет небезопасно.

Громов говорил спокойно, но не пытался сделать ответ приятнее.

— Принудительное изъятие возможно только по судебному решению. До этого людям предложат несколько вариантов. Расходы на покупку или строительство нового жилья понесёт казна.

— Не я?

— Нет.

— И потом эти деньги не вычтут из доходов баронства?

— Нет. Обеспечение безопасности комплекса относится к государственным расходам.

Я посмотрел на карту изучая план поселка. С одной стороны, всё звучало разумно. Людей не собирались просто выгонять из домов. Им обещали новое жильё и компенсации.

С другой — обещания государства хорошо выглядели на бумаге. В реальности кто-нибудь обязательно окажется недоволен оценкой, не захочет покидать родительский дом или решит, что я лично продал Заречный ради титула.

Соседи и раньше любили обсуждать чужую жизнь.

Теперь материала для разговоров хватит на несколько поколений.

— Когда жители узнают об этом? — спросил я.

— После утверждения предварительных границ. До этого им сообщат лишь об ограничениях, связанных с временным лагерем.

— Разговаривать с ними придётся мне?

Громов продолжил терпеливо отвечать на мои вопросы, за что я ему очень благодарен.

— Представитель государства проведёт общее собрание. Но ваше присутствие будет желательно.

Я тихо вздохнул. Вот и первая обязанность ещё не полученного титула. Стоять перед соседями и объяснять, почему возле их домов появится таможня в другой мир. Надеюсь, меня там же не закапают в надежде что портал исчезнет с моей гибелью.

Голографическая карта медленно вращалась над столом. Я протянул руку, но пальцы прошли сквозь изображение. Дома задрожали и снова обрели форму.

— Всё ещё не привык, — признался я.

— К голограммам? — спросила Вера.

— К тому, что у вас в руках техника лучше, чем в половине губернских учреждений.

Громов уменьшил карту и вернул её к первоначальному размеру.

— Служебные пластины не относятся к обычной технике.

— Я уже заметил. Они есть у вас, у Веры, у Льва Арсеньевича. Но я ни разу не видел таких в продаже.

— Потому что пользоваться пластиной может только маг, — объяснила Вера.

Она подняла своё устройство. Поверхность выглядела почти чёрной, без кнопок, разъёмов и привычного экрана. Лишь вдоль края тянулась тонкая серебристая полоса.

— Она распознаёт магическую сигнатуру владельца, — продолжила Вера. — Без неё пластина останется неактивной.

— То есть если человек без магии возьмет ее в руки она не включится?

— Может показать экстренную информацию, но доступ к системе не даст.

— А теперь, когда я тоже маг?

Вера бросила на меня осторожный взгляд.

— Теперь она, скорее всего, попытается определить вас как неизвестного пользователя и потребует регистрацию.

— Звучит дружелюбнее, чем большинство сотрудников СКАМЯ.

— Пластину можно отключить.

— Уже менее дружелюбно.

Громов погасил голограмму.

— Внутри установлен магический накопитель. Владелец заряжает его собственной силой.

— Поэтому вам не нужна розетка?

— Она ускоряет зарядку, но не является обязательной, — ответила Вера. — При необходимости пластина может месяцами работать от накопителя.

Я посмотрел на тонкое устройство.

— Месяцами?

— При экономном использовании.

Громов добавил:

— В обычном режиме срок зависит от силы мага и частоты зарядки. Для работы в других мирах это особенно важно.

— Там нет электричества. — пояснила Вера. — И привычных сетей связи, поэтому пластина хранит большой объём данных: карты, справочники, медицинские протоколы, инструкции, каталоги существ, переводческие базы.

— И интернет?

— В пределах империи — полный доступ через защищённую сеть. Возле портала устанавливается ретранслятор. Пока экспедиция остаётся в пределах его действия, связь с нашей стороной сохраняется.

Как интересно у них тут все устроено, хочу себе такую же.

— А если уйти далеко?

— Внешняя связь пропадёт, но пластины продолжают работать между собой.

Она провела пальцем по краю устройства, и над ним возникли три небольшие светящиеся точки, соединённые линиями.

— Они создают локальную сеть. Чем больше пластин в группе, тем шире зона обмена. Можно передавать карты, координаты, записи и предупреждения.

— Получается, маги не остаются без связи даже за порталом.

— Если не разойдутся слишком далеко и не повредят оборудование.

Я задумчиво посмотрел на свой телефон, лежавший на тумбочке. После прошлой вспышки дара экран работал с лёгкими помехами, но устройство всё ещё оставалось живым. Рядом со служебной пластиной оно выглядело детской игрушкой.

— А операционная система? — спросил я. — Обычная?

Вера впервые посмотрела на меня с настоящим интересом.

— Вы всё-таки инженер.

— Иногда вспоминаю.

— Система построена на маготехническом ядре. Она быстрее гражданских компьютеров, может одновременно обрабатывать данные нескольких артефактов, и сама распределяет расход накопителя.

— Объём памяти?

— В зависимости от модели. Моя хранит около двухсот терабайт обычных данных и отдельный магический архив.

Я медленно поднял брови.

В 2010 году мой домашний компьютер с трудом вмещал несколько фильмов, музыку, рабочие программы и папку с фотографиями.

Вера заметила моё выражение.

— Заинтересовались?

— Уже думаю, кого нужно ограбить.

— Имперское ведомство.

— Тогда обойдусь телефоном.

Громов закрыл футляр с документами.

— После официального признания вас магом и владельцем стратегического объекта вам также выдадут служебную пластину.

— Правда?

— Если медицинская комиссия подтвердит достаточную стабильность ядра.

Я посмотрел на Веру.

— Значит, всё-таки получу.

— Сначала научитесь не взрывать лампочки.

— Вы слишком долго помните мои неудачи.

— Они произошли несколько часов назад.

— Для меня это уже прошлая жизнь.

Громов тихо постучал пальцами по крышке футляра.

— Семён Михайлович, вы готовы принять решение?

Я снова посмотрел на документы.

Можно было продолжать искать подвохи. Перечитывать каждый пункт, требовать новые пояснения и откладывать ответ до приезда юриста. Наверное, это было бы разумно, но основное я уже понял.

Государству нужен портал.

Шаховским тоже нужен портал.

Разница заключалась в том, что за одной стороной стоял княжеский дом, о котором я до вчерашнего дня почти ничего не знал. За другой — империя, в которой прошла вся моя жизнь.

Я учился в государственной школе. Служил в императорской армии. Получал образование в московском колледже. Работал на заводе, который выполнял государственные заказы.

Империя не была для меня доброй матерью.

Это была огромная система, временами неповоротливая, раздражающая и равнодушная. Но я знал её правила. Понимал, куда жаловаться, где требовать документы и какие законы хотя бы формально должны меня защищать.

Аристократов я видел только по телевизору и на официальных мероприятиях. Шаховские говорили о крови, но их кровь молчала несколько поколений. И я им понадобился только как придаток к portalу. Не очень-то и нужный придаток.

Государство предлагало не родство, а договор.

И за этим договором стоял государь.

Мысль о личном покровительстве императора по-прежнему казалась почти нереальной. Но если мне предстояло выбирать между неизвестным князем и человеком, которого с детства называли главой империи, и помазанником божьим, человеком чьи портреты весели в кабинете каждого руководителя и чье лицо мелькало из каждого утюга, выбор был очевиден.

Дело даже не в баронстве.

Титул оставался красивой и опасной добавкой.

Главным было другое: государство не требовало передать портал навсегда и не пыталось стать моей внезапно найденной семьёй. Да трудно такое себе представить, но сегодня такой безумный день, что я не удивлюсь что по мимо князей у меня в родне еще и имперский род затесался. От этих мыслей чуть не засмеялся, но пришлось сдержаться, думаю, что Вера с капитаном ту же позвали бы врача, тот был бы рад поводу меня задержать в сем прекрасном заведении.

Я поднял взгляд на Громова.

— Я принимаю предложение.

Вера перестала листать документы на пластине.

Капитан лишь чуть выпрямился более ничем не показав свое отношение к моему заявлению. Он лишь спросил меня своим ровным и спокойным голосом:

— Вы уверены?

— Насколько вообще можно быть уверенным после одной бессонной ночи, портала во дворе и предложения стать бароном.

— Это не основание для договора, возможно вам стоит еще подумать.

— Тогда вот мое основание. - Я положил ладонь на папку. — Дело не в титуле. Я не знаю, что делать с баронством, и понятия не имею, как должен вести себя дворянин. Но между княжеским домом, о котором вчера впервые услышал, и империей, в которой прожил всю жизнь, я выбираю империю.

Громов несколько мгновений молча смотрел на меня.

— Государство тоже будет защищать собственные интересы. – его тон не изменился, но во взгляде я заметил, уважение? Не уверен, может мне показалось. Но ответил я так же спокойно, как и он.

— Я понимаю.

— В некоторых случаях они могут не совпадать с вашими.

— Понимаю.

— Подписанное соглашение ограничит доступ частных экспедиций к portalу на пятнадцать месяцев.

— Это тоже понимаю.

Громов еще раз пристально посмотрел на меня словно проверяя на сколько я адекватен и открыл футляр доставая два документа.

— Первый — соглашение о государственной программе исследования портала. Второй — согласие на представление вашего имени государю. Пожалование титула не является частью гражданского договора и остаётся исключительным решением Его Императорского Величества.

— То есть портал у государства будет, даже если бароном меня не сделают?

— Государственная программа начнётся после подписания. В случае отказа в пожаловании остальные условия сохраняются.

Мне понравилось, что это было прописано отдельно. По крайней мере, титул не использовали как единственную приманку.

Громов передал мне ручку. Обычную на вид, только по серебристому корпусу проходили тонкие светящиеся знаки. Еще один артефакт.

— Подпись будет заверена вашей магической сигнатурой, — объяснил он, заметив мою заминку.

— Я ещё не умею ею пользоваться.

— Достаточно держать ручку.

Я взял её. В пальцах появилось лёгкое покалывание. Серебряные линии на корпусе вспыхнули ярче, будто узнавая силу.

Перед подписью я ещё раз пробежал глазами основные пункты.

И поставил подпись.

Чернила на мгновение засветились серебром. По буквам прошла тонкая искра и исчезла в бумаге. Громов приложил к документу служебное кольцо. Рядом возникла золотая печать Имперской жандармерии.

Второй документ оказался значительно короче. В нём я подтверждал согласие на представление к наследственному баронскому достоинству и создание нового владения в случае высочайшего указа.

Подписывать его было страшнее. Договор касался портала. Эта бумага касалась всей моей будущей жизни.

Я задержал ручку над строкой. Меня никто не торопил. Я вспомнил отца, деда, старый дом и людей, которые несколько поколений прожили, даже не зная о собственном даре. Если государь действительно даст мне титул, фамилия Вершининых впервые появится в Имперском гербовнике.

Не как скрытая ветвь Шаховских, а как отдельный род.

Я подписал.

Серебристая вспышка прошла по бумаге. Внутри у меня возникло чувство, что вот она точка невозврата и обратной дороги к прежней жизни больше нет.

Громов забрал документы и аккуратно убрал их в футляр.

— Предварительное соглашение вступает в силу немедленно. Заверенные копии будут переданы вам и независимому юристу. Представление в императорскую канцелярию отправится в течение часа.

— В течение часа? Так быстро?

— Чем дольше вопрос остаётся нерешённым, тем больше заинтересованных сторон попытаются вмешаться.

— Звучит так, будто вы собираетесь бежать с документами до ближайшего телеграфа.

— Я воспользуюсь пластиной.

— Менее впечатляюще.

— Зато быстрее.

Он поднялся. Движение получилось почти незаметно медленнее обычного, но я увидел, как на мгновение напряглись его плечи. Андрей Викторович действительно устал.

— Когда я получу ответ? — спросил я.

— Государственная программа уже согласована. Решение о представлении к титулу будет принято после доклада государю. Точный срок назвать не могу.

— Несколько дней?

— Возможно.

— Несколько месяцев?

— Маловероятно.

Это звучало обнадеживающе и пугающе одновременно.

Громов застегнул футляр.

— Я свяжусь с вами после получения заключения независимого юриста. До этого не подписывайте дополнительные соглашения, особенно предложенные представителями дома Шаховских.

— Вы уже говорили.

— Повторение полезно.

— Начинаете разговаривать как Вера.

Она подняла голову.

— Я всё слышу.

— Именно поэтому и сказал.

Громов коротко кивнул нам обоим.

— Семён Михайлович. Лейтенант Соколова. — сказал и развернулся на выход из палаты.

— Андрей Викторович, — окликнул я его у двери.

Он обернулся.

— Спасибо за прямые ответы.

Громов несколько секунд смотрел на меня.

— Не благодарите раньше времени. Возможно, вскоре вам не понравится моя прямота.

— Это всё равно лучше красивой лжи.

Капитан едва заметно склонил голову и вышел.

Дверь закрылась.

Я посмотрел на пустой стул.

Если в мире существовала справедливость, Андрей Викторович сейчас должен был отправиться домой, закрыть шторы, выключить пластину и проспять часов десять. Но почему-то мне представлялось, как он возвращается в управление, кладёт на стол очередную папку и начинает составлять доклад для императорской канцелярии.

Невероятный человек.

В дверь постучали.

Молоденькая симпатичная медсестра внесла два подноса и поставила их на столик у окна.

— Завтрак, — сообщила она. — Врачу сказали, что пациента готовят к выписке, но кормление ещё никто не отменял.

— Вам тоже госпожа сопровождающая.

Медсестра посмотрела на Веру.

— Спасибо.

Когда дверь закрылась, я с интересом рассмотрел содержимое подноса.

Овсяная каша. Два варёных яйца. Хлеб, сыр, чай и небольшая булочка с сахарной корочкой.

— Настоящий императорский завтрак, — произнёс я.

— Вы ещё не барон, — напомнила Вера.

— Но привыкать к роскоши нужно постепенно.

Она поставила поднос на стол.

— Начните с каши.

— Вы всегда разрушаете атмосферу.

— Это тоже часть сопровождения живого якоря.

Я сел напротив неё.

Вера ела быстро и аккуратно. Не торопилась настолько, чтобы подавиться, но явно привыкла заканчивать приём пищи раньше, чем поступит новый вызов.

Я попробовал кашу.

Она оказалась тёплой и почти безвкусной.

— Теперь, когда я подписал соглашение, вы обязаны обращаться ко мне «ваше благородие»?

Вера даже не подняла головы.

— Нет.

— А когда государь пожалует титул?

— На службе я буду обращаться к вам согласно протоколу.

— Значит, всё-таки «ваше благородие».

— В официальной обстановке.

— А в неофициальной?

Она спокойно отрезала кусочек яйца.

— Семён Михайлович.

— Слишком длинно.

— Тогда просто «якорь».

— Это уже почти ласково.

Вера посмотрела на меня поверх чашки.

— Не обольщайтесь.

— Поздно.

На этот раз она не стала спорить. Только уголок губ едва заметно приподнялся.

Я посмотрел на её булочку.

— Вы будете это есть?

— Буду.

— Просто уточняю.

— Почему?

— На случай, если сопровождающая решит пожертвовать сладким ради пациента.

— Пациент уже получил свою булочку.

Я посмотрел на пустую тарелку.

— Она была маленькой.

— Вы съели её за два укуса.

— Она всё равно была маленькой.

Вера пододвинула свою булочку ближе к себе.

— Даже не думайте.

— Я ещё ничего не сделал.

— Но очень выразительно посмотрели.

— Несправедливо обвинять человека за взгляд.

Она отломила половину булочки и положила на мою тарелку.

— Это исключительно потому, что мне нужно закончить отчёт до возвращения на объект.

— Разумеется.

— И пациенту после снятия печати требуется больше энергии.

— Конечно.

— Никакой иной причины нет.

Я взял половину булочки стараясь не улыбаться.

— Я и не сомневался.

Вера опустила глаза к чашке, но я заметил лёгкий румянец на её щеках.

Завтрак закончился быстрее, чем хотелось.

Пока я переодевался, Вера вышла в коридор. Лев Арсеньевич вернулся через несколько минут, ещё раз проверил показатели диагностического браслета и выдал выписку.

— Ядро стабильно, — сообщил он. — Но это не означает, что вы умеете им управлять.

— Уже начинаю понимать.

— Самостоятельные тренировки запрещены, вы же помните – он строго посмотрел на меня

— Вы говорили.

— Не пытайтесь проверить, способны ли влиять на электрические системы автомобиля.

Я посмотрел с удивлением на него сначала трансформатор теперь это.

— А это кто-то делал?

— Именно поэтому пункт включён в рекомендации.

Вера, стоявшая у двери, тихо усмехнулась.

Лев Арсеньевич снял очки и посмотрел на меня с явным недоверием, как будто, как только меня выпустят из больницы, я побегу воплощать в жизнь все запрещенные им пункты.

— Браслет пока останется. Он будет передавать данные медицинской группе в Заречном.

— Звучит как угроза. Значит, медицинский наручник едет со мной.

— Считайте его напоминанием о необходимости вести себя разумно. – погрозил он мне пальцем, нет ну точно так думает. Что у него раньше за безумные пациенты были.

— Тогда он слишком маленький. – решил его немного подразнить. Врач тяжело вздохнул и передал Вере копию выписки. Должно быть мысленно он уже снова прописывает меня в этой палате в своем отделении.

Мы покинули отделение через служебный вход. На улице было жарко. После прохладной больницы воздух показался густым и тяжёлым. Солнце поднялось высоко, асфальт возле здания уже успел нагреться.

У входа стоял тёмный автомобиль СКАМЯ.

Он напоминал обычный служебный внедорожник, но на крыше находился сложный блок связи, а вдоль корпуса проходили защитные руны.

Водитель открыл нам дверь.

Я устроился сзади. Вера села рядом и почти сразу достала пластину. Похоже она с ней редко расстается интересно в душ она тоже с ней ходит. От картины перед глазами меня отвлек толчок. Машина тронулась. Город медленно остался позади.

Я смотрел в окно на улицы, людей и вывески. Всё выглядело обычным. Работали магазины, по тротуарам шли прохожие, на остановках ждали автобусы.

Счастливые люди

Вера вывела над пластиной несколько окон. На одном отображалась карта дороги, на другом — показания портала. Третье содержало список сообщений.

— Что там? — спросил я с легким интересом.

— Отчёты оперативной группы.

— Портал в порядке?

Она увеличила схему.

— Стабилен. После нашего выезда внутреннее давление немного выросло, но критических значений не достигло.

Я и сам чувствовал это. Чем ближе мы подъезжали к Заречному, тем мягче становилось напряжение невидимой нити что нас связывала. Переход узнавал меня и приветствовал?

— А сейчас? — спросила Вера, внимательно наблюдая за лицом.

— Что сейчас?

— Вы чувствуете изменение.

Это прозвучало не как вопрос. И почему во круг меня столько наблюдательных людей.

Я посмотрел в окно, стараясь скрыть свое выражение лица.

— Стало спокойнее.

Она сделала отметку.

— Значит, связь усиливается при приближении. – констатировала она.

— Или мне просто нравится возвращаться домой.

— Диагностический браслет тоже показывает снижение напряжения ядра.

— Браслет лишает меня красивых объяснений. – помахал я рукой с этим предательским устройством.

— В этом его главное достоинство. – тихо сказала Вера.

Дорога к Заречному оказалась загружена.

Навстречу проходили военные грузовики, фургоны СКАМЯ и автомобили с научным оборудованием. На одном перекрёстке нас остановил вооружённый пост.

Сотрудники были одеты в современную тёмную броню. Поверх формы крепились разгрузочные системы, запасные магазины, аптечки и небольшие защитные артефакты.

У одного бойца на груди висел компактный автомат. Другой держал укороченное оружие с толстым цилиндрическим модулем под стволом. На поясах у обоих находились пистолеты.

Я служил в армии и хорошо знал обычное стрелковое оружие. Но некоторые образцы видел впервые.

— Магические усилители? — спросил я, когда машина снова тронулась.

— На части оружия, — ответила Вера. — Для существ с устойчивостью к обычным боеприпасам.

— А броня?

— Композитная. Защищает от пуль, осколков и слабых магических воздействий. У штурмовых групп есть дополнительные щиты.

— Похоже, к моему порталу готовятся серьёзно.

— Он класса А.

— Иногда я забываю.

— Все остальные — нет.

На въезде в Заречный нас встретило ещё больше техники.

Полицейские машины перекрывали боковые улицы. У обочины стоял мобильный медицинский пункт. Солдаты протягивали кабели и устанавливали защитные столбы.

Затем я увидел шагающую машину.

Сначала над крышами показалась угловатая кабина. Потом из-за домов вышли четыре мощные металлические опоры.

Я сразу узнал машину.

«Витязь-М4» — тяжёлая инженерная шагающая платформа, одна из тех, о которых я ещё в колледже собирал статьи и технические обзоры. В свободное время мог часами рассматривать схемы приводов, спорить на форумах о преимуществах четырёхопорной конструкции и мечтать хотя бы раз увидеть такую машину вживую.

В армии нам показывали только учебные записи. Даже там «Витязи» считались слишком редкими и дорогими, чтобы отправлять их в обычные части.

И вот теперь один из них шагал по улицам Заречного.

Машина двигалась медленно, но удивительно плавно. Каждая опора точно находила место между ямами, оградами и разбросанными строительными материалами. Корпус почти не раскачивался, хотя высотой шагатель был примерно с двухэтажный дом.

По бокам крепились тяжёлые манипуляторы, лебёдки и сложенные секции защитного контура. Кабину закрывал толстый прозрачный щит, за которым виднелся силуэт мага-пилота.

Я невольно замедлил дыхание.

По техническим характеристикам я знал эту машину почти наизусть. До тридцати тонн полезной нагрузки, независимое управление каждой опорой, магогидравлические приводы и система прямого резонанса с ядром пилота. На экране всё это выглядело впечатляюще.

Вживую «Витязь» казался настоящим металлическим зверем.

Я повернулся вслед за ней всем телом и произнёс с восторгом:

— Ничего себе.

Вера оторвалась от пластины.

— Что?

— Витязь, настоящий! – Вера посмотрела в том направлении куда я смотрел с восхищением.

Она с улыбкой посмотрела на меня и вернулась к пластине.

Машина остановилась возле поляны. Один из манипуляторов опустился и осторожно снял с грузовой площадки тяжёлую контурную опору.

— Я таких даже в армии не видел, — признался я.

— Они редкие.

— Только по телевизору и в сети.

— Шагающую технику используют там, где колёсные машины не проходят. В лесах, болотах, горных районах и за порталами.

За первой платформой показалась вторая.

Эта была заметно ниже «Витязя» и передвигалась на двух мощных ногах. Узкий бронированный корпус слегка подавался вперёд при каждом шаге, но сложная система равновесия мгновенно выправляла положение машины. По бокам кабины крепились многослойные броневые панели, а на правом плече медленно поворачивался блок автоматического оружия.

Я узнал её сразу.

«Сокол-М2».

От одного названия внутри что-то радостно дрогнуло.

Когда-то я вырезал фотографии этой машины из технических журналов и сохранял каждую найденную в сети схему. На домашнем компьютере до сих пор должна была лежать отдельная папка с обзорами, записями испытаний и любительскими чертежами. Я даже пытался

самостоятельно рассчитать нагрузку на тазовый узел первой модели, доказывая на инженерном форуме, что разработчики зря сохранили слишком высокий центр тяжести.

Спор тогда растянулся на несколько недель.

Половина участников уверяла, что я ничего не понимаю в шагающей технике. Другая половина считала, что конструкторы «Сокола» тоже ничего в ней не понимают.

Теперь машина находилась передо мной.

Настоящая.

Не на экране, не в рекламной записи военного ведомства и не на размытой фотографии с очередных испытаний. Я видел, как работают приводы в коленных сочленениях, как мелко подрагивают компенсаторы под кабиной и как пилот переносит вес платформы перед следующим шагом.

Даже звук оказался не таким, каким я его представлял. Не оглушительный металлический грохот, а глубокий ритмичный удар, сопровождаемый приглушённым гулом магических приводов.

У меня перехватило дыхание.

В армии я мечтал хотя бы подойти к такой машине. Просто провести ладонью по броне, заглянуть в кабину и увидеть систему управления. Но «Соколы» поступали только в специальные магические подразделения, а обычным солдатам их показывали разве что на учебных записях.

И вот теперь одна из самых редких машин империи шагала по просёлочной дороге возле моего дома.

Я невольно прижался ближе к стеклу автомобиля, стараясь рассмотреть каждую деталь.

На левой стороне корпуса виднелась эмблема имперских порталных войск — серебряный сокол, раскинувший крылья над разомкнутым кольцом. Под кабиной мерцали линии управляющего контура, связывавшего платформу с магическим ядром пилота.

Оружейный блок на плече плавно повернулся в сторону леса.

Я знал, что система сейчас работает в безопасном режиме. Боеприпасы не поданы, спусковые контуры заблокированы, а оружие лишь следует за взглядом пилота.

Но от одного его движения по спине всё равно пробежал холодок.

В детстве я мечтал стать человеком, которому позволят управлять такой машиной. Потом вырос, поступил на инженера и убедил себя, что некоторые мечты существуют только для того, чтобы красиво выглядеть на экране.

Теперь у меня был магический дар.

И впервые за много лет старая мечта перестала казаться окончательно невозможной.

— Это же «Сокол-М2», — произнёс я, не скрывая восхищения.

— Вы разбираетесь в шагающей технике? — спросила Вера.

Я не сразу ответил. Всё моё внимание оставалось приковано к машине.

— Разбираюсь — слишком громко сказано. Но когда-то я знал о ней почти всё, что разрешалось публиковать.

— Когда-то?

Я проследил взглядом за очередным точным шагом платформы.

— Похоже, это увлечение никуда не исчезло. — проговорила Вера.

Я не мог оторвать взгляд. Я представил, как многотонная машина ощущается продолжением тела. Почти как моя связь с порталом.

— Я хочу посмотреть кабину. — Сказал я не отрывая взгляд от чуда инженерной техники.

— Нет.

— Я ещё не просил разрешения.

— Вы слишком выразительно смотрите.

— Сегодня все обвиняют меня за взгляд.

Машина свернула к моему участку.

Картина, открывшаяся впереди, заставила забыть о шутках.

Заречный изменился.

На поляне за посёлком вырос целый лагерь. Белые и серые модули стояли ровными рядами. Между ними проходили люди в форме, учёные в светлых защитных костюмах и рабочие.

Разворачивались лаборатории.

Устанавливали антенны.

Контурники вбивали в землю новые опоры. Военные укрепляли ограждение. Возле временного командного пункта мерцала большая голографическая карта.

Отдельно стояли жилые палатки, полевая кухня, медицинский модуль и несколько складов.

На табличке возле одной из площадок я прочитал:

«Временный таможенно-пропускной пост».

— Уже таможня, — пробормотал я.

— Пока только подготовка, — сказала Вера.

— Быстро вы работаете.

— Портал открылся ночью. К утру здесь должен был находиться минимальный комплекс обеспечения.

— Это у вас называется минимальным?

Она посмотрела в окно, словно ни чего особенного там не видела.

— Капитальный комплекс будет значительно больше.

Машина свернула на мою улицу. Сердце невольно сжалось. Издалека дом выглядел целым. Крыша не обрушилась. Окна оставались на месте. Ставни тоже уцелели. Только вокруг забора тянулись защитные стойки, а у ворот дежурили двое сотрудников СКАМЯ.

Автомобиль остановился. Я вышел первым. Жара сразу обрушилась на плечи. Воздух пах нагретой землёй, металлом и озоном.

Портал находился за домом. Я чувствовал его спокойствие. Стоило ступить на участок, как невидимое напряжение окончательно ослабло. Переход словно перестал удерживать дыхание. На диагностическом браслете вспыхнул зелёный знак.

Вера посмотрела на показатели.

— Давление ядра снизилось на двенадцать процентов.

— Я тоже рад вернуться.

Она отправила данные в отчёт.

Я обошёл дом.

Старые яблони стояли на месте.

Одна из них действительно была повреждена. На стволе виднелась глубокая трещина, стянутая металлическими скобами. Повреждённый участок покрыли зеленоватым защитным составом.

За деревьями мерцал портал.

Серебристая поверхность оставалась совершенно гладкой. Вокруг работали приборы, а несколько сотрудников наблюдали за показаниями с безопасного расстояния.

Я перевёл взгляд на дом.

Он казался маленьким.

Слишком маленьким рядом с шагателями, палатками, защитными контурами и десятками людей.

Ещё вчера это был просто родной дом на окраине Заречного. Место, куда я вернулся после смерти родителей, надеясь начать жизнь заново. Теперь он стоял в центре события имперского масштаба.

Через несколько месяцев рядом могли появиться лаборатории, таможня, склады и казармы. По дороге будут круглосуточно ездить грузовики. За забором появятся вооружённые посты.

А что станет с самим домом? Громов сказал, что без моего согласия его не снесут. Но сколько времени здесь вообще можно будет жить?

Я представил старую кухню, дребезжащий вентилятор и занавески, освещённые серебряным светом портала. Среди всего происходящего они казались хрупкими остатками прежней жизни.

— Семён?

Я повернулся. Вера стояла у ворот.

— Всё в порядке?

— Дом цел.

— Я вижу.

— Пока мне этого достаточно.

Она проследила за моим взглядом.

— Решение о капитальном строительстве ещё не принято.

— Но примут.

— Если портал окажется пригоден для перехода.

— А если окажется?

Вера ответила не сразу.

— Тогда многое изменится.

Я невесело усмехнулся.

— Очень точная формулировка.

— Я учусь у капитана Громова.

Мне хотелось продолжить разговор, но вокруг находилось слишком много людей. И слишком много проблем. Я заставил себя отвернуться от портала.

С домом разберусь потом.

Не сегодня.

— Мне нужно получить отчёт у дежурной группы, — сказала Вера. — Оставайтесь в доме.

— Это приказ?

— Настоятельная рекомендация.

— Звучит опаснее приказа.

— Не приближайтесь к portalу без сопровождения.

— Я понял.

Она направилась к лагерю.

Я посмотрел ей вслед.

Вера двигалась всё так же уверенно, будто не провела ночь в неудобном больничном кресле. Спина прямая, шаг ровный, пластина уже в руке.

Когда она вообще отдыхала?

Сначала ночной выезд, затем больница, представители Шаховских, государственное предложение, дорога обратно.

А теперь отчёты и лагерь.

Я бы на её месте уже упал лицом в ближайшую подушку.

С другой стороны, она была магом и сотрудником СКАМЯ. Возможно, их специально учили обходиться без сна. Или Вера держалась на одном упорстве.

Мысль заставила улыбнуться. Потом появилась другая. Если меня нельзя надолго оставлять одного, что будет дальше?

Вера станет жить рядом?

Я представил, как она входит в дом с дорожной сумкой, осматривает мои комнаты, затем начинает переставлять вещи и критиковать способ складывать рубашки. Картина получилась подозрительно приятной.

Я покачал головой.

— Совсем уже, — пробормотал себе под нос.

У ворот стоял сотрудник охраны. По его лицу было видно, что он услышал, но благоразумно сделал вид, будто ничего не произошло.

Я вошёл в дом. Внутри всё осталось почти так же, как ночью. На кухонном столе стояла тарелка с засохшими остатками ужина. Серебристый свет портала проникал через окно, смешиваясь с солнечным.

Я поставил сумку на пол.

На тумбочке лежал телефон.

Экран был тёмным.

Я нажал кнопку.

После короткой задержки устройство включилось. По экрану прошла полоса помех, но затем появилось привычное изображение.

— Живой, — с облегчением сказал я.

Телефон пережил ночную вспышку силы. Возможно, мне наконец удалось хоть немного взять магию под контроль. После снятия печати она ощущалась иначе.

Сила больше не металась внутри беспорядочными разрядами. Теперь я чувствовал её движение — прохладное напряжение в груди, которое можно было направить в руки или, наоборот, удержать внутри. Полного контроля не было, но и прежнего хаоса тоже.

На экране обнаружилось несколько пропущенных вызовов. Большинство — с завода.

Я тяжело вздохнул. О работе я почти не вспоминал. Сегодня я числился в графике. Руководство наверняка уже знало о портале. Новость успела разлететься по всей губернии. Но позвонить всё равно следовало.

Я выбрал номер начальника цеха.

Прохор Валерьевич ответил почти сразу.

— Наконец-то! — рявкнул он вместо приветствия. — Вершинин, ты где пропадаешь?

Я отнял телефон от уха.

— Доброе утро, Прохор Валерьевич.

— Какое ещё утро? Смена второй час работает без инженера!

— Я был в больнице.

— Я знаю, где ты был. Мне директор уже весь мозг вынес из-за твоего портала.

Слово «твоего» он произнёс так, словно я специально заказал разлом, чтобы сорвать производственный план.

— Портал открылся у меня во дворе, — напомнил я. — Посёлок эвакуировали. Меня забрала СКАМЯ.

— И что теперь? Цех должен остановиться?

— У вас есть заместитель.

— Он не подписывает техническую документацию!

— Тогда назначьте временно другого инженера.

На другом конце линии тяжело выдохнули.

— Ты мне не рассказывай, кого назначать. Ты ответственный за цех. Сегодня должен был выйти.

Я посмотрел в окно. За забором прошёл солдат в броне. За ним медленно двигался шагатель. Ситуация казалась настолько очевидной, что я не понимал, как её можно игнорировать.

— Я нахожусь под наблюдением СКАМЯ, — медленно произнёс я. — Мне запрещено покидать Заречный без согласования. Возле дома портал класса А.

— Мне плевать, какого он класса!

Я замолчал.

Проход Валерьевич продолжал:

— У меня линия встала на двадцать минут. Новый заказ горит. А ты решил по больницам кататься и с журналистами разговаривать?

— Я не разговаривал с журналистами.

— Неважно! Если по твоей вине цех уйдёт в простой, отвечать будешь ты.

В груди появилось знакомое напряжение.

Я сжал телефон крепче.

— По моей вине?

— Ты должен был заранее обеспечить замену.

— Заранее? До открытия портала?

— Не передёргивай. Нормальный ответственный работник всегда думает, кто его подменит.

Я прикрыл глаза. Нужно было успокоиться. Он просто был таким человеком. Проход Валерьевич видел только станки, отчёты и собственное начальство. Всё, что не помещалось в производственный план, воспринималось как личная попытка сорвать ему премию.

— Я могу отправить медицинскую выписку, — предложил я. — И распоряжение СКАМЯ.

— Можешь хоть указ императора отправить. Завтра выйдешь на работу.

— Не выйду.

На другом конце повисла тишина.

— Что значит «не выйдешь»?

— Мне назначили наставника по магии. Я обязан находиться возле портала.

Я не стал рассказывать о подписанном соглашении и возможном титуле. Это совершенно его не касалось.

— Вершинин, ты меня не понял, — процедил начальник. — Или завтра появляешься в цехе, или можешь вообще не приходить.

Напряжение в груди усилилось. Лампочка над столом едва заметно мигнула.

Я посмотрел на неё.

Спокойно.

Нужно просто завершить разговор.

— Тогда оформляйте официальный запрос в СКАМЯ, — сказал я. — Пусть они решают, могу ли я выйти.

— Я не собираюсь бегать за тобой по ведомствам! У меня производство, а не детский сад. Лампочка снова мигнула.

— Проход Валерьевич...

— Мне наплевать на твои обстоятельства. Незаменимых нет. Не выйдешь — уволю за прогул и ещё такую характеристику напишу, что ни на один нормальный завод не возьмут.

Что-то внутри оборвалось.

За последние часы мне сообщили о скрытом даре, княжеской крови, связи с порталом и возможном баронском титуле. Я подписал соглашение с империей и теперь должен был думать о переселении соседей, строительстве таможни и встрече с учителем магии.

А Проход Валерьевич угрожал испортить мне характеристику.

Только потому, что его волновал производственный отчёт.

— Знаете что? — произнёс я.

Голос прозвучал неожиданно спокойно.

— Что?

— Увольняйте.

— Не разговаривай со мной таким тоном.

— Хотя нет. Я сам увольняюсь.

Лампочка над столом вспыхнула ярче.

— Ты ещё пожалеешь, Вершинин! Думаешь, из-за портала теперь особенный?

— Я думаю, что больше не хочу отвечать за ваш цех с неработающей вентиляцией, нехваткой людей и начальником, которому плевать на всё, кроме собственной премии.

— Ты...

— Заявление передам, когда получу разрешение покинуть посёлок.

Я завершил звонок.

Несколько секунд смотрел на экран.

Сердце стучало слишком быстро.

Напряжение внутри уже не было прохладным. Оно стало горячим, почти болезненным.

— Спокойно, — сказал я себе.

По стенам прошёл слабый гул. Вентилятор на столе сделал один оборот. Потом второй.

Я разжал пальцы. Слишком поздно. Лампочка вспыхнула белым светом и лопнула. Стекло посыпалось на стол и пол.

Телефон затрещал в руке. Экран покрылся тёмными полосами. Из корпуса пошёл тонкий дым.

Я выронил его.

Устройство ударилось об пол и окончательно погасло.

В комнате стало тихо. Вместе с тишиной пришло мгновенное отрезвление. Я смотрел на осколки лампочки, мёртвый телефон и медленно останавливающийся вентилятор.

Снова.

Вся моя уверенность в том, что сила стала более послушной, продержалась меньше часа. Я тяжело опустился на стул.

Слишком много.

Просто слишком много всего навалилось за одну ночь. Я закрыл лицо ладонями. Внутри не осталось злости, только усталость.

Дверь открылась.

Я услышал шаги Веры ещё в прихожей. Она вошла на кухню и остановилась. Её взгляд прошёл по разбитой лампочке, осколкам на столе, телефону на полу и мне.

Я приготовился к замечанию. К очередному напоминанию, что именно поэтому меня нельзя оставлять одного. Но Вера ничего не сказала.

Она подошла ближе.

— Вы не ранены?

Я опустил руки.

— Нет.

— Осколки не попали в глаза?

— Нет.

Она внимательно посмотрела на лицо, затем на кисти.

— Разряд прошёл через телефон?

— Похоже на то.

Вера подняла устройство с пола. Экран оставался тёмным.

— Теперь он точно не работает.

— Я заметил.

Она положила телефон на стол. Ни одной насмешки. Ни одного упрёка. Почему-то от этого стало ещё тяжелее.

— Что случилось? — спросила она.

— Позвонил на завод.

— И?

— Больше я там не работаю.

Вера едва заметно нахмурилась.

— Вас уволили?

— Я сам ушёл. Начальник потребовал выйти на смену и сказал, что ему наплевать на портал.

— Очень разумно.

— Я тоже так подумал. Только немного громче.

Она посмотрела на осколки.

— Понимаю.

Вера могла сообщить о вспышке в медицинскую группу. Браслет наверняка и без того передал скачок активности ядра. Но она не достала пластину. Вместо этого придвинула второй стул и села напротив.

— Сегодня прибудет ваш наставник, — сообщила она.

— Уже сегодня?

— Правительство утвердило срочное назначение. Имя мне пока не передали.

— Надеюсь, он умеет чинить телефоны.

— Скорее научит вас не ломать новые.

— Это тоже полезно.

Вера ненадолго замолчала.

— Первое занятие проведут после того, как вы отдохнёте.

— А вы?

— Что я?

— Вы собираетесь вообще когда-нибудь спать?

Она чуть приподняла бровь.

— Это вас беспокоит?

— Якорю разрешено переживать за сопровождающую?

— В протоколе не запрещено.

— Тогда да.

Вера отвела взгляд к окну. На несколько секунд её лицо смягчилось.

— Для сотрудников развернули жилые модули в лагере, — сказала она. — Я останусь там.

— В лагере?

— В нескольких минутах от вашего дома.

Я постарался не показать разочарования, которого вообще не должен был испытывать.

— А я уже собирался освободить шкаф.

Вера посмотрела на разбитую лампочку.

— Начните с уборки кухни.

— Значит, переезд пока откладывается?

— Семён Михайлович.

В её голосе появилось знакомое предупреждение, но глаза улыбались.

— Я буду рядом, — продолжила она. — Сопровождение якоря сохраняется. Если показатели изменятся или вам станет плохо, медицинская группа прибудет сразу.

— А оставлять меня одного теперь можно?

— На короткое время. Пока вы находитесь в доме и не приближаетесь к порталу.

— Значит, полной свободы всё ещё нет.

— Вы подписали соглашение с государством меньше двух часов назад. Не успели соскучиться по свободе?

— Я начал скучать ещё в больнице.

Вера поднялась.

— Есть ещё одна новость.

— Хорошая?

— После вашего возвращения показатели портала улучшились.

Это не было для меня новостью, но я постарался не показывать виду.

— Насколько улучшились?

— Внутреннее давление снизилось на девятнадцать процентов. Рябь исчезла. Нагрузка на защитные контуры выровнялась.

— Потому что якорь вернулся.

— Похоже на то.

Она произнесла это спокойно, но смысл оказался тяжёлым. Порталу действительно требовалось моё присутствие. Я посмотрел в сторону сада, хотя стены скрывали переход.

— Значит, надолго уехать не получится.

— Пока мы не изучим связь — нет.

— А Санкт-Петербург? Императорская аудиенция?

— Если она состоится, специалисты разработают временный способ компенсации отсутствия. Или вас доставят туда и обратно максимально быстро.

— Удобно быть привязанным к дыре в пространстве.

— Вы сами назвали её своим порталом.

— Это не значит, что я разрешал ей контролировать мой график.

Вера едва заметно улыбнулась.

— Отдохните.

— Это приказ?

— Совет.

— Сегодня вы подозрительно добры.

Она задержалась у двери.

— Сегодня у вас был тяжёлый день.

— Он длится всего несколько часов.

— Именно.

Вера посмотрела на осколки.

— Не убирайте стекло руками. Я попрошу кого-нибудь принести щётку и новую лампу.

— Я справлюсь.

— Не сомневаюсь. Но сначала примите душ и лягте.

— А если приедет наставник?

— Я вас разбуджу.

Она вышла. Через открытое окно доносились голоса, гул техники и металлические шаги платформы.

Я поднялся со стула и осторожно обошёл осколки. Телефон лежал на столе безжизненным чёрным прямоугольником. Завод остался в прошлом. Вместе с ним исчезла последняя часть прежнего распорядка.

Завтра мне не нужно было вставать на смену. Не нужно ехать в душном автобусе, слушать жалобы Прохора Валерьевича и проверять оборудование.

Вместо этого меня ждал учитель магии. От этой мысли хотелось одновременно рассмеяться и лечь на пол.

Я пошёл в ванную.

Открыл воду и подождал, пока она станет прохладной. Затем разделся и встал под тугие струи. Вода ударила по плечам. Я упёрся ладонями в стену и подставил лицо под поток. Шум воды сразу заглушил звуки лагеря. Исчезли голоса военных, двигатели машин, шаги людей и отдалённый гул техники. Осталась только вода.

Она стекала по волосам, лицу и груди, унося запах больницы, озона и перегретого телефона. Несколько минут я просто стоял неподвижно.

Дышал.

Внутреннее напряжение постепенно ослабевало. Сила больше не давила на грудь. Она оставалась внутри, тёплая и непривычная, но уже не стремилась вырваться наружу.

Где-то за стенами дома находился портал. Я чувствовал его спокойное присутствие, похожее на далёкое ровное сердцебиение. Переход был доволен возвращением якоря.

Я пока не знал, рад ли сам вернуться. Но впервые с начала этой безумной ночи позволил себе ни о чём не думать.

Проблемы никуда не исчезли. Их стало только больше. Но под шумом воды мне впервые показалось, что не обязательно решать их все сразу.

Можно по одной.

Я закрыл глаза и позволил напряжению медленно уходить.